

СОЧИНЕНІЯ

В. ПЕТРОВА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ
І8ІІ ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ шѣмъ, числы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи предсавлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ 1811 года Сентября 29 дня.

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кав.

Ив. Тилковской.

СОЧИНЕНИЯ

В. ПЕТРОВА.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ

ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

П И С Ъ М А.

НА
ПОДНОСИМУЮ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВЫСОКУЮ ТИТЛУ,
ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ,
ПРЕМУДРЫЯ МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА.

1767 года.

Россію вознесши благоволивъ Содѣшель,
Одушевленную ей подалъ добродѣшель;
Возвысивъ онъ Тебя, Монархиня, на пронь,
Запмилъ Твоимъ вѣнцемъ сіянье всѣхъ коронь;
Что древле начерпалъ и предалъ Моисею,
То нынѣ хочешь намъ рукой преданъ Твоею;
Прими скрижаль, Тебѣ вѣщаешь и пиши

Судьбу, Полунощи блаженство, соверши.

Услышанъ гласъ съ небесъ! Ты подвигъ на-
чинаешь;

Незыблемой для насъ храмъ щастья созидаешь.

И въ день и въ ночь Твой помянся очеса,

И пошь Твой зракъ кропишь, какъ нѣжный
цвѣтъ роса.

Мы видя шо, шрудамъ безгласные чудимся,

Усердію возданъ усердіемъ спремимся.

Достойное Тебя желаемъ въ даръ принесшь,

Достойное Тебя что можемъ изобрѣсшь?

Я мыслию въ лѣпа минувши прелепаю,

Различны шамо мзды заслугамъ обрѣпаю.

Сии красуюшся вѣнцемъ увязены,

Другіе шиплою зависпной почшены;

На мѣстѣ семѣ спояшь высоки пирамиды,

Трофеи на другомъ и изваянны виды;

Тамъ шварь словесна вшедь земнаго бога въ
храмъ

Трепещущей рукой возносишь еиміамъ,

И предъ блисшующимъ порфирю свирѣисшвомъ
 Съ доспойнымъ предспоипъ Зевесу раболѣи-
 спвомъ.

Но просвѣщенный мой Екатериной духъ
 Способенъ различитъ шщеславье опъ заслугъ,
 И подобаючи Царю земному чеспи
 Опъ испоргаемыхъ боязнью, и опъ леспи.
 Вникая въ ясное зеркало всѣхъ доброшъ
 Въ Монархахъ бывшихъ зришь ихъ спелени
 высошъ;

Великимъ чшипъ, кого находишь Ей подобна:
 Она опъ всѣхъ въ своемъ величешвѣ особна;
 Живый храмъ вышняго и образъ божешва,
 Возшла надъ почеспи земнаго ешешва.
 Какой воздвигнемъ Ей олшаръ рукошворенной
 Чшобъ равень былъ Ея доброшѣ несравненной?
 И лавры гдѣ расшупъ шакіе на земли,
 Чѣмъ верхъ Ея главы вѣичапъ бы мы могли?
 Кто солнцу свѣшъ придашъ? Кто чеспъ Ея
 умножишъ,

И нову красону ко красошѣ приложишъ?

Но что? безгласнымъ ли, о Россы! намъ пре-
бышь?

Однимъ молчаніемъ заслугъ великость чпипшь?

Никакъ! самъ Богъ хопя всѣ жершвы превос-
ходишь,

На непорочность жершвъ взоръ милоспи низ-
водишь,

Приемлеть изо успъ младенцевъ похвалу;

Пріапень духъ ему неприобщенный злу.

Такъ жершву Ты сердець, Монархиня! нелесп-
ныхъ

Прими, Ты жершвъ, Ты хваль достойна повсе-
мѣспныхъ:

Не Воица въ бронѣ, Сократка чпшимъ въ вѣнцѣ,
И добродѣтели оди въ Твоемъ лицѣ.

Внемли, какъ разные на сонмицѣ языки

Согласно вопіють: Дѣла Ея велики,

Достойно намъ Ее Великою наречь,

И слезы въ радости немедляція печь

Являють, что гласишь въ нихъ испинна едина,

Мль искренна любовь къ Тебѣ, Екатерина!

Но О божественныхъ орудіе чудесь!

Безмрачныхъ солнце дней, всещедрыхъ даръ
небесь!

Ты судъ великихъ дѣлъ потомкамъ ос-
тавляешь,

И равнодушіемъ нашъ жаръ пересиляешь!

Чпо скажешь на сіе народы внѣшни зря?

У подданныхъ съ своей Монархиною пря!

Они Ей лавръ несутъ, свой долгъ воздашь пылая,

Она безмѣрное смиреніе являя,

Ихъ ревность крошесью крѣпится побѣдншь;

Не слышь Великою, Великой хочешь бышь.

Монархиня! хопъ мы Тебя преодолѣемъ,

Хопя верьхъ прѣнія Тебѣ опдашь имѣемъ;

И побѣжденная не малишь высоты.

И побѣдившая всегда велика Ты;

Велика Ты всегда! но мы уничиженны;

Мы ищемъ бышь Твоей хвалою вознесенны.

Дабудешь съ именемъ Твоихъ дѣлъ слышенъ громъ,

Кпо въ Нордѣ держишь скипшрь, Пешровъ кпо

высишь домъ!

Велики имена, Тули, Помпей,
 Копорыхъ пягопяшь лице земно профей,
 Въ Екатеринь вы возрише на Царя,
 Поспавленнаго вамъ, доспойна олшаря.
 Вы ужась предпославъ распущеннымъ знаменамъ
 Спѣшили подвергашъ плачевнымъ свѣпъ пре-
 мѣнамъ,
 Какъ исполины всей вселенною прясли,
 Оружіе въ концы земные пронесли;
 Но мысль на будужи лѣпша не проспирали,
 Цвѣли во дни свои, но въ нынѣшни увяли,
 И спрогій судъ о васъ попомсшвенныхъ времянь
 Загладилъ вашихъ все величіе именъ.
 Не по доспоинспиву Великимъ пошъ нарекся,
 Передъ попомками кпо быпъ Великъ не пекся.
 Не знаешь спраха ихъ, не знаешь лѣсни перо;
 Ихъ мысли не смѣсяпъ съ пороками добро;
 Доспоинспива Царей правдиво размѣряюпъ;
 Со Александра снявъ, лавръ Типу возлагаюпъ.
 Напрасно заглушипъ усильсшвуепъ Маронь
 Изгнанныхъ Цесаремъ рыданіе и спонъ:

Сквозь лирный шумъ, ихъ вопль попомки спро-
ги внемлюшь;

Окшавію хвалу неправедну опьемлюшь;

И различаюшь въ немъ пиранна опъ опца

Ошраду иль боязнь вселяюща въ сердца.

Коль шяжекъ вамъ ихъ судъ, о Вѣнценосны главы!

Копорый въ васъ мрачипъ сіянье мнимой славы.

Но непорочности, Монархиня! Твоей,

Не спрашно будущихъ беспспрасніе судей.

Какъ солнце, кое швердь небесну украшаешь,

Свѣпъ п лный всегда на землю проливаешь,

Опъ времени, что все снѣдаешь, долгошы,

Не терпипъ своя ущербу красомы;

Каковъ лучъ мещешь къ шѣмъ, что днесъ жи-
вущъ народы,

Топъ самый узряпъ въ немъ и будущіе роды:

Такъ славѣ на земли, Монархиня, Твоей

Запмѣніа навеспъ число не можешь дней.

Какого днесъ она исполненна еспъ свѣта,

Явишся въ шаковомъ и во грядущи лѣпа;

Попомки видя Твой для нихъ щасливый прудъ,

Коль мы коснимъ Тебя Великой нарекушь,
 И будешь тѣмъ самымъ щасливѣе предъ нами,
 Что имъ доспанешся вѣнчать Тебя хвалами;
 Что имъ . . . не буди шо; мыль въ вѣчность по-
 несемъ

Съ собой шолкй спудъ; мыль имъ уснушимъ
 въ семь?

Щасливые опцы! держайте чадъ обидѣшь,
 Держайте дѣды въ семь вы внукамъ позавидѣшь;
 Съ наслѣдшвеннымъ добромъ не пресылайте
 къ нимъ

Что благодарный духъ прешипъ опдашь другимъ.
 Намъ должно, намъ самимъ Монархиню просла-
 вить

А позднымъ племенамъ лишь полько судъ оспа-
 вить,

Доспойно ли мы шу Великой нарекли,
 Опъ коей рѣки къ нимъ блаженшва пошекли.

Я вижу мысленно, какъ чшупъ попомки оны
 Екатериною написанны законы!
 Возносяшь какъ Ее въ согласныхъ похвалахъ,

Завидяшь счастье, и любяшь жарь въ опцахъ!

„Блаженны супь усна, кошоры добызали

„Тѣ перспы, кои намъ блаженство написали;

„Блаженъ поисшинѣ, и шреблаженъ шопѣ

вѣкъ,

„Екатерину кой Великою нарекъ.

„Онъ громокъ былъ Ея пречудными дѣлами

„И нашихъ праопцевъ Ей должными хвалами.

И долгъ, и наша честь, и чистыхъ жарь

сердечъ

Не шерпяшь опложись похваль Ея вѣнецъ.

Кпо намъ опкрыль шеапръ премудрости все-

чудной

Тошь самъ премудрости не полъ ли неоскуднѣй?

Какъ! Спаршою Ликургъ, Аеинами Солонъ

Прозвались мудрыми, что издали законъ;

А мы не наречемъ шакой Екатерину,

Опредѣляющу намъ лучшую судьбину,

Какъ шѣ поснавили для Спаршы и Аеинъ?

Но что гласишь Она? премудръ есть Богъ

единъ.

Яль имя Божіе и честь себѣ присвою?
 Да умудритъ меня, да дѣйствуетъ онъ
 мною.

Такъ Греціи мудрецъ предашь законы могъ!
 А намъ кто пишешь шѣ? рукой Монаршей
 Богъ.

Творецъ! кой паче всѣхъ на кропкаго зриаешь
 И духомъ благоспи на немъ опочиваешь;
 На кропкую съ небесъ Монархиню воззри,
 И на всегда Ее симъ свѣсомъ озари,
 Да опъ испочника въ Ней горнихъ дарованій
 Мы всѣ почерпемъ свѣшь подобныхъ мудрованій.
 И черпемъ! научишь не могушь сполько насъ
 Всѣ книги, въ коихъ намъ вѣщають мудрыхъ
 гласъ,

Какъ Ты Монархиня примѣромъ научаешь;
 Тѣ разумы пльняшь; Ты сердце назидаетъ.
 Но исправленіель едино Ты сердце?
 Благой сіяешь всѣмъ Монархамъ образецъ!
 О Вы, что носите порфиры златопиканны,
 На проновъ высотѣ красуетесь вѣчнанны,

Въ десницахъ держише и скишпръ, и мзду, и
мечь,

Внемлише крошкія Екатерины рѣчь:

За долгъ, Она гласишь, всѣхъ вышній по-
читаю,

Доколь на земли межъ смертныхъ пре-
бываю,

Врученныхъ Богомъ мнѣ любити яко
чадъ,

Ихъ щастіе есть верьхъ возможныхъ мнѣ
отрадъ.

И шакъ, Монархиня! Ты въ долгъ преснупила!

Коль случай изліяшь щедроты упустила;

Уже ты болѣ опечесшва не Мать,

Коль кно изъ чадъ Твоихъ спашь плакашь иль
вздыкашь;

Какъ намъ, Ты шакъ Себѣ законы предписуешь;

О чемъ другой не мниль, по долгомъ именуешь,

О крошосшь! О любовь! величешво заслутъ!

О какъ сіи слова пронзають Россовъ духъ!

Веспасіановъ сынъ, упѣха смершныхъ рода,

Любитель и опецъ подвласшнаго народа,
 Со славою себѣ пропадшимъ день назваль,
 Въ копорой никому добра не оказалъ:

Но что при шаковомъ уронѣ Тыбѣ сказала!

Какимъ жалѣніемъ себя бы наказала!

Удобно на Тебѣ и опроку познашь,

Что дня прямой Монархъ не можешь пошерять;

Не по печеню дней Свои щедропы числишь;

Или шворишь добро, или объ ономъ мыслишь,

И упражненіямъ ослабы вѣшь Твоимъ.

Но мы Тебѣ, мы что за оно воздадимъ?

Желаніе твое есть, быть отъ насъ лю-
 вимой;

Любишь Тебя какъ мать, нашъ долгъ непреспу-
 пимой.

Но какъ погаснешъ огонь, что Ты въ сердцахъ
 зажгла

Гдѣ прежде прона шронъ любовью создала?

Великъ кто щасливо прошивъ враговъ воюешь,

Сшокрашно больше, кто надъ сердцемъ шор-
 жествуешь.

Ограда и покой Твое намъ нѣдро буди,
А спража кругъ Тебя любовь и наши груди.
Слыви въ подсолнечной Владычица сердцецъ,
Присущшувуй въ нихъ Твой духъ нещепныхъ
благъ шворецъ.

Ему свящилище шакое вождельнно,
Другое для Тебя въ подсолнечной все шльнно.

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ
ГРАФУ ГРИГОРЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ
О Р Л О В У

1769 году.

Ревнипель истинны, почтенной гражда-
нинь,
Слоспѣшникъ общихъ благъ, прямой Россіи сынъ,
Который въ чеспи храмъ грядещи вѣрнымъ слѣ-
домъ,
И коему весь путь къ блаженству смертныхъ
вѣдомъ,
Орловъ! открой мнѣ путь, чѣмъ обществу цвѣ-
путь,
На верхъ возносяся; чѣмъ рушашся, падушъ.
Твой духъ исполненный доброты и совѣща

Даетъ мнѣ право свѣтъ заимствовать отъ
 свѣта,
 И вождельный даръ, даръ вольности злшой,
 Подъ пѣнію швоей бесѣдовать съ шобой.

О преимуществвахъ мечпанію прелесныхъ
 Въ вершепахъ жишь, въ лѣсахъ, не въ обще-
 ствѣ словесныхъ,
 Высокимъ шѣмъ умамъ оставимъ проу рѣшимъ,
 Кошоры ищупъ свѣтъ напурѣ возвращимъ;
 Изъ хижинъ новые въ чершюги шлюпъ законы,
 Толь поздно наградишь мя вольности уроны;
 На гнусны межъ людей пороки огорчась
 Хошяпъ всю общихъ дѣлъ межъ ними рупишь
 связь.

Ещель мала злымъ казнъ, кошора ихъ прево-
 жимъ;
 Грызя ихъ совѣсти, нещасія ихъ множимъ?
 И должно, что у нихъ всего дражайше еспъ,
 Послѣдній погасишь свѣщильникъ спонъ ихъ
 чесъ;
 Дабы пороку къ нимъ опверзлись ширѣ двери,

И людибъ одичавъ бродили такъ какъ звѣри!
 Когда межъ смертными сожише прерванъ,
 Гдѣ будуще слабые къ добру примѣры бранъ?
 Опъ звѣрской люлости пуснымнаго народа
 Не воздыхаешъ ли крошчайшая природа?

Колико шамъ она жестокихъ шерпитъ ранъ,
 Изъ многихъ не единъ, но каждый гдѣ ширанъ!
 Да прераждающъ насъ взаимные союзы;
 Познавшему законъ закона сладки узы.

Оспавимъ пакъ пеци, какъ шежъ издавна
 свѣщъ,

Начала общесивъ чпя сокрышы въ безднѣ лѣшъ.

Всесильной ли судьбы по перспы начер-
 шали,

Чтобъ обласни земны цвѣли и умирали
 Подобіемъ дубовъ, при шокахъ кои рѣкъ
 Распущъ и падающъ, какъ высшояшъ свой вѣкъ
 Или, что истиннѣй, особы сущъ причины,
 Внушрѣ каждая изъ нихъ, и мощи и кончины:
 Какой бы ни былъ сихъ испочникъ перемѣнъ,
 Вниманія онѣ достойны всѣхъ времянь.

Громады вѣдкоспи смѣющіяся вѣка
 Созѣрцаваемы колоссы издалека
 И наводящіе на нихъ смопрящимъ спрахъ
 За чѣмъ ахъ, скоро какъ падъ рушашся во
 прахъ!

Не рѣдко на театрѣ проспранна вышедъ свѣша
 Какъ опдаленное созвѣздье иль планета,
 Въ урочны коя дни на небеси являсь
 Во міра общую впекаетъ пайно связь,
 Единъ другому мощъ пріяшь споспѣшеспвуешь;
 Блескъ гордаго исчезъ, смиренный торже-
 спвуешь.

Едино царство въ прахъ разсыпався падешь,
 Изъ пепела его другое воощаешь;
 Слепающа ихъ цепь естъ зрѣлице прекрасно;
 Чужой погибелью учишься безопасно.

Тамъ бранію шумя, порабочая міръ,
 Возникнушь Греціи помощеспвуешь Кирь;
 Тамъ *) Грекъ облекшійся въ броню неодолиму

*) Александръ Великій.

Оружіемъ своимъ пупъ къ славѣ спелешь Риму;
 Поверхъ развалинь кой могущества его
 Наздавъ величіе престола своего
 И мышцей и умомъ вселенну побѣждаешь,
 Гордишься щасіемъ, и небу угрожаешь.
 Но палъ и сей чужихъ рѣшишель горды судьбинъ,
 Дошоль невиданный подъ солнцемъ исполинъ;
 Онъ палъ; въ невѣжествѣ Европа упоаешь,
 И свѣшь, не дивно ли? опъ **) Варвара взимаешь.

Уже на Западѣ воспавъ и укрѣпясь,
 На разны образы правленій раздѣлясь,
 Цвѣщенъ, и въ ужась всѣ приводиць свѣша
 часши;

Являя спрашныя оспашки Римской власни;
 Блжсши свою корысшь и обрѣпанъ кипра,
 Обильна въ вымыслахъ, въ свершеніяхъ быспра,

**) Магометь вшорый, Сулшанъ Турецкій, завоевавъ Восшочную Имперію, принудилъ науки бѣжашъ въ Ишалію, и чрезъ шо нѣкоторымъ образомъ былъ причиною просвѣщенія Европы. *Брукеръ въ исторіи Философической.*

И съ Римомъ въ помя всегда величествѣ со-
гласна,
Что больше, какъ другимъ, сама себѣ опасна.

Сіяюшь въ полной всѣ державы красотѣ;
Россія *) въ скудоспи и нравовъ прѣснотѣ
Едина свой шаланшъ открышь изнемогаешь,
Лишь Спаршу мужествомъ межъ ними пред-
спавляешь;

Презрѣнна, лишена наслѣднаго добра,
Впослѣдокъ воспашъ опершись на Петра;
Великая земель владычица и моря
Изшедъ, побѣдами всѣмъ первенствѣ оспоря,
И Римскихъ чешъ Орловъ съ Виенной раздѣля,
Изъ нѣдръ полнощи шдець ихъ въ Марсовы
поля;

Изъ Спаршы премѣнясь въ цвѣтуція Аеины
Гремишь днесъ именемъ своей Екатерины.

*) Надлежишь признашь, что Россія долго въ гру-
боспи пребывала; но щѣмъ славнѣе для нее было
восташъ въ шакое время, когда уже всѣ державы
къ собшвенной пользѣ довольно умудрились.

Подъ коей власцю свѣтъ наче естъ блажень,
 Поднесъ сомнительный премудрыхъ споръ рѣ-
 шень.

Чѣмъ обществу цвѣтнуть, Россія показуесть;
 Монархия спеси возможны испишуеть,
 Дабы къ прямому насъ блаженству привести,
 Наспавишь, умудишь, усилишь, вознеси.
 Ей миль природной Россъ, но нужень и прише-
 лець;

Почтень герой съ мечемъ, и съ плугомъ зем-
 ледѣлець.

Колика дѣль Ея и мыслей правота,
 То польза вопіеть, не Риноровъ уста!
 И что о царствахъ мы и о царяхъ ни пишемъ,
 Въ писаніи, Ея премудроспью мы дышемъ.
 Порфиroy облечень и ужасомъ пиранъ
 Поклонниковъ своихъ не внемлющъ испуканъ,
 Коль спрахомъ все сковаль, жестоко безчело-
 вѣчень;
 Онъ долгъ исполнилъ свой, о прочемъ онъ без-
 печень.

Непросвѣщенные, нося его яремь,
 Довольны шаковымъ невѣждою Царемъ;
 На жалость никого недвижущи лья слезы
 Лобзающъ собшвенны, привыкнувъ къ нимъ,
 желѣзы.

Но для пишаемыхъ доброшою сердцеъ,
 Пошребень крошкой вождь, спасительной му-
 дрець.

Благодѣянъми кто всевышнему подобень,
 Тотъ жезль правленія едикъ носиль спосо-
 бень.

Въ несчастиль онъ? его невиность насъ плѣ-
 ниль.

Въ порфирѣ ли? О колъ его любезень видъ!
 Ся природой власць и небомъ утверждена,
 Толикихъ испинной вѣковъ запечашлѣнна.

Ты *) храбрь, неуспрашимъ, пы слабыхъ за-
 щипай;

Ты мудръ и милосердъ, пы скипетръ обращаай.

*) Сей естѣ гласъ добродѣшелію просвѣщенныхъ сер-
 дець.

Спарфйшинь Римскихъ сонмъ *) Циней
удивляеть;

Но меньшель кропкй насъ **) Окпавйй изум-
ляеть?

Какъ солнце посреди недвижимо планеть
Споя, повсюду свой распроспираеть свѣшь,
Объемлеть ближніе и опдаленны круги;
На всѣ, на каждую шварь дѣлишь свои заслуги:
Такъ жребіемъ Монархъ опъ смерпныхъ опш-
дѣлясь

Свой міръ живошворишь, спокоень быши зрясь;
Лучи своихъ щедрошь повсюду рассыпаеть;
Чесшь подданныхъ распишь, пороки умерщ-
вляеть,

Рукой и разумомъ блаженство ихъ верша;

*) Циней, Пирра Епиррскаго Ксроля Посоль къ Рим-
скому Сенашу, удивленный важностію онаго, воз-
вращаясь къ своему Государю сказала, что въ
ономъ засѣдаеть столько Царей, сколько Сенашо-
ровъ *Плутархъ въ Пиррѣ.*

**) Августъ Единодержецъ, но подъ именемъ его ра-
зумѣюся всѣ Монархи.

Они сущь плѣло, онъ едина всѣхъ душа.

Кто хочеть испышашь долгъ тяжкій вѣнце-
носцовъ

Возри на крошку Машь живошворящу Россювъ.

Успѣшнымъ въ мудрости шворяшъ пре-
мѣны свѣшъ;

Искусство Скипетра съ печеньемъ дней ра-
спешъ,

Смотря на праотцовъ безчисленны примѣры
Пошомки щцапся хвалъ достигнушь вышней
мѣры.

*) Филиппа и по немъ дивившихъ свѣшъ умовъ
Грипанскихъ превзошла **) Царица оспрововъ;
И новыхъ ***) Юлєвъ побѣдоносны щюцы
Изображенны зримъ по всѣмъ мѣстамъ Европы.

*) Филиппъ, Царь Македонскій, отецъ Александра великаго.

**) Елисавета, Аглинская Королева.

***) Хотя не всѣ Европейскіе Государы подражаютъ
Тиму, покрайней мѣрѣ одна Европа подаетъ при-
мѣры прямыхъ Государей,

Въ ней Тины царствуютъ, опечесива опцы,
Полезны своему народу мудрецы.

Спезями разными въ подсолнечной владыки
Къ безсмертнiю шекушь, но рѣдкіе велики.
Конечно шрудень долзь въ душѣ своей носипь
Нещешны способы, чшобъ смершныхъ одол-
жипь!

Какъ кормчій глубинѣ предавшійся не дрем-
лешь,
Монархъ и Мирь и брань умошь своимъ объ-
емлешь.

Умѣшь несильному *) Нимврода ужасипь,
Сосѣдней слабоспью домяшню мочъ крѣшипь,
Въ оппоръ своей бѣды чужую грудь подспа-
випь,
Вспупаясь за другихъ себя опъ зла избавипь,
Во глубинѣ души совѣшы шайны брапъ,
Премѣнной свѣшпу видъ по времени казашь,

*) Нимвродъ называется въ Писаніи сильный до-
вецъ земли.

Подъ першомъ собшвеннымъ жмя тайную
пружину

Принудилъ по себѣ печь общихъ дѣлъ махину,

Наука днесъ царей достойна еспь шруда,

Подпора должноти; насилію узда.

И мянть, ошь шѣхъ время она ведеть на-
чало,

Какъ беззаконіе на крошосць взбуншовало,

И челоѳчества законы всѣ поправъ

Хотѣло мочь одну поставилъ вмѣсто правъ.

Всегдашнія бѣды родили ошпорожноти

Сія умыслила спасашия возможность;

И опытъ многихъ дѣей искусиво по вершинъ;

Предъ прочими себя Европа шѣмъ личить;

Черезъ вшеченья гдѣ одной въ другу чудесны,

Всѣ видяшя споятъ державы равновѣсны.

Умы спараюшя насильству пушь пресѣчь;

Межь шѣмъ куютъ мечи шворцы кровавыхъ
сѣчь.

Пишаемы въ сердцахъ прапрадѣдовъ обиды

Ко бранямъ подаюшь блиспапельные виды;

И сей какъ слабой искръ подь пепломъ скры-
 шыхъ жарь

Гошовъ всегда вспыхать въ опаснѣйшій пожарь.

Не рѣдко Александръ къ несчастью возникаешь,

И узель Гордіевъ въ отвагѣ разсѣкаешь,

Мечпая, что на шо онъ созданъ опъ небесъ,

Спирашъ прошивное, и дѣлашъ перевѣсь.

Какъ быспрая рѣка прорвавшая плошины,

Течешъ посланникъ сшрогъ прогнѣванной суд-
 бины,

Гошовъ въ спремленіи съ собою все увлечъ,

Что штысяча умовъ сложились уберечь;

Военныхъ звуки шрубъ, шрескъ падающихъ
 шроновъ,

Довлѣешъ заглушишь на сполько гласъ законовъ,

Пока премѣняшся спиджаній имена,

И будешъ власшь чужа законной почшена.

Для удержанія насильства и разбоевъ

Что нужно, какъ рука спасишельныхъ героевъ?

О вы, что бранный огонь пишаше въ груди,

Полковъ и шаспій народного вожди,

Текущи шрудными къ безсмертію пущами,

Своими жершвужа опечесшву кровями!

Вы въ мирѣ спрахъ враговъ, вы въ бурны вре-

мена

Надежна царшвъ земныхъ подпора и спѣна.

Пуспъ вашимъ похвалямъ нещасныхъ спонъ

мѣшаешъ;

Неисповоспъ другихъ меспъ вашу оправдаешъ.

За чѣмъ повсюду ковъ? за чѣмъ свѣшъ полонъ

зла?

Оспришъ на дерзоспъ мечъ васъ нужда при-

влекла.

Безвинной хипроспью ударъ громовъ опшводимъ;

Пропивъ насилія мы въ силѣ щипъ находимъ.

Плачевень рокъ себя чрезъ пагубу спасашъ,

И чрезъ паденіе другаго воспашашъ:

Но человѣческа шакъ жизнь печешъ издавна;

Твореній шакъ всѣхъ судьбина нашей равна.

Гдѣ смѣсь прошивносшей, шамъ спройноспъ

намъ видна;

Въ нещасшьи шасшія сокрышы сѣмена;

Зефиръ родилъ бурь, а буря мать зефиру;
 Войну пишаетъ миръ, война склоняетъ къ миру.
 Зіаетъ злость всегда надъ ближняго добромъ;
 Монарху долгъ всегда держашъ въ десницѣ громъ.
 Невинныхъ средъ упѣхъ, въ объятіяхъ покоя,
 Не смѣюшь раздражишь зависники, героя.
 Такъ рыщущимъ звѣрямъ, что кажушь алчной
 зѣвъ,

И спящій во своей оградѣ спрашенъ левъ.
 Владычества земны, что древле процвѣтали,
 Оплошь свой всѣ въ душахъ геройскихъ пола-
 гали.

Великихъ па мужей была избрана часть,
 За прахъ своихъ опцовъ съ мечемъ въ рукахъ
 упасшь.

Самъ рокъ дашь пупъ спѣшишь, когда пином-
 цы славы

На мечъ и смерть лепяшь для опчества избавы.
 Смотри на Деція въ срединѣ сопоспашъ
 Преемлюща персьми спрѣлъ смерть несущихъ
 градъ,

Любимецъ роскоши блѣднѣя обмираешъ:

Но Римска кровь сію въ немъ храбрость ло-

бызаешъ;

И мѣста прахъ шого сердцаъ геройскимъ

милъ,

Что шруномъ межъ враговъ унади онъ по-

крыль.

Поднесъ геройства жаръ вдыхающъ Термопилъ,

Воспавшей зрители ошъ спранъ воспочныхъ

силы,

Гдѣ Греческими Персъ грудьми ошановлень;

Гдѣ храброй Спаршанинъ съ своими погребень,

Что ошчестиву родивъ желанную ошраду,

Понесъ съ собой во гробъ безсмертну честь

въ награду.

О коль подвижникамъ зависпешъ сей' профей!

Воззримъ, споишъ другой Полшавскихъ средѣ

полей!

Не Ксерксъ ошягошилъ своими ихъ полками;

Между кремниспыми воспипанный горами,

Подобно какъ они, жеспокъ, неколебимъ,

Вдохнувшій пвердосшь пужь соратникамъ
своимъ,
Герой, которому спрашася свѣшь чудилсѣ,
На насъ однихъ излишь всю яросшь успре-
милсѣ;
Какъ буря къ намъ лешълъ на вѣпренихъ кры-
лахъ,
Надушъ надеждою разсыпашъ насъ во прахъ:
Но крѣпкою спѣной, Петровой грудью встрѣ-
чень
Упаль, и не воспаль; шупъ бѣгъ его пресѣчень.
Онъ падши звукомъ всѣ концы восколебалъ;
И свѣшь содрогшися Россійску мощъ призналъ.

Едино почестей достойно по геройство,
Которымъ вносилсѣ желанное спокойство.
Кто жаждеть похвалы, и ищеть шоржества,
Вооружаешся прошиву ешества;
Губишелень себѣ, губишелень народу,
Бичъ смершнымъ, ненависнь пошомшвенному
роду.

Иль мало зла родить и принужденна брань?

Вдовь слезы и сиротъ ещель мала ей дань?

Кодику люшая шамь злоба влась являеть!

И адъ несъшой душъ колико пожираеть!

Но что? какъ махинь ревъ, и свистъ упихнеть

ядръ,

Не вскрыешель другой плачевнѣйшій театр?

Тамъ шѣль лежашь коспры, раженье рукъ без-

шадныхъ,

Плачевна снѣдь звѣрей и врановъ плошюдныхъ,

Корысть виновнику ужасна самому,

Когда къ спокойному приближишя уму.

Что есть прямой герой? По правотѣ поборець,

И шоржеспвующій подъ лавромъ миропворецъ.

О ны чувспвишельныхъ пипаніе сердець,

Жившель нѣжныхъ музь, богатый жапвь

ошець,

Споспѣшникъ крошкя и щедрыя природы,

Одушевляющій и множащій народы,

Сладчайшій миръ! гдѣ швой въ подсолнечной

чершогъ?

Не шамь ли, удалень ошкуду браней богъ;
 Оливы гдѣ цвѣшунь, и благовонны крины?
 Не въ Сѣверѣль, гдѣ скипирь и шронь Екате-
 рины?

Тамь храмы, шамь пивои дымяшся олшари;
 Тамь неба видь ивой, и солнца и зари.
 Съ Екатериной пы всемѣспно пребываешь,
 Съ Ней спранспивуешь въ водахъ, съ Ней гра-
 ды прелешаешь.

Какія зрѣлица, коль дивны красопы!
 Здѣсь дѣвы сыплють вамъ въ подножіе цвѣпы;
 По холмамъ и лугамъ, шамь множеспво народа
 Въ восторгѣ ждуть Ея и швоего прихода;
 Младенцы, юноши, согбенна сѣдина
 Спѣшашь, пѣсняшся зрѣшь, гдѣ шеспивуешь
 Она;

И ризы Ей свои и сердце подспилаюшъ;
 Насыпивъ Ею взоръ спокрашнѣ повшоряюшъ:
 „Мы видѣли земныхъ краснѣйшую владыкь,
 „Щасливыхъ солнце дней, Екатерининь ликь.
 „Се прахъ, гдѣ ногъ Ея шпопа изображенна!

„Се мѣсто, гдѣ Она почила упружденна!

„Сюда проспершь былъ перспъ! сюда крош-
чайшій взглядъ

„Сіяющій лучемъ безчисленныхъ опрадь!

Полуночна страна, ты паче всѣхъ щаслива,

Что шоль Монархия пвоя миролюбива!

О еспьлибъ духъ Ея прешель въ земныхъ вла-
дыкъ

Давнобъ исчезла злоспъ, къ кошорой свѣпъ
привыкъ;

Мешалль бы не служиль къ погибельной по-
шребъ,

И громъ, какъ въ древни дни, оспалсябъ лишь
на небъ.

Прявъ въ десницу скипшръ, любезна Рос-
совъ Машъ,

Хощѣла опъ среды живущихъ бранъ изгнапъ

Въ спада свирѣныхъ львовъ, въ пуспынь края
послѣдни;

Хощѣла умирпъ неспройности сосѣдни;

Принудишь буйную въ предѣлахъ Вислу пещь,
 Междоусобно въ ней сраженье волнь пресѣчь:
 Какъ вѣдругъ богатыми корыстями пресыщенный,
 Свирѣлспвомъ звѣрь опъ спруй Секванскихъ
 упоенный,

Забывъ наложенны опъ Росскихъ раны спрѣль,
 Ужасною на насъ войною возревѣль.

Европа нѣкогда съ нимъ вся почти сражалась;
 Карасть его землей и моремъ покушалась.

Стократно падалъ онъ, и миль ручьями кровь,
 Стократно воспавалъ, и укрѣплялся вновь.

Впослѣдокъ одолѣвъ чудовище презлое

Соперницу свою, не пребыло въ покоѣ.

Сей звѣрь, ужасный звѣрь, въ предѣль ея вор-
 ваясь,

Къ гибели людей, со злобой содружась,

Всегда народовъ былъ спрашилище окрестныхъ,

Всегда послушникъ злой Секваны гласовъ лесп-
 ныхъ.

Теперь на праведну надѣяся судьбу,

Россія съ нимъ одна пусшилася въ борѣбу.

Весь свѣтъ споя вдали на подвигъ сей взираешь.

Какъ движешь мышцы Россъ, какъ звѣря поражаешь!

И онъ ожесточень конечно опъ небесь,
 Что хобощъ свой на насъ, не на другихъ занесь.

Лишь Днѣспрь переспупиль, лишь бѣгъ свой
 къ намъ направиль,

Пронзень и землю онъ и воды окровавилъ.

Теперь нося въ груди вонзенно копье,

Ревешь и множишь вновь неисповснво свое;

Еще готовишься гнѣвить Екатерину:

Но что? лишь пѣмъ свою предускоришь судьбину.

Безъ силы щещень гнѣвъ, колико ни ражжень;

И ковь лишь спудъ родишь, коль свѣту обнажень.

Екатерина злоспъ и козни ненавидишь:

Но всѣ зависплавыхъ движенія предвидишь.

Сія для вышнихъ дѣлъ рожденная душа,

По принужденію, войну войной шуша,
 Небесному въ себѣ вдохновенью внимлешь,
 И сперва сотворишь Россію предприемлешь
 Прекрасну, какъ едемъ, недвижиму какъ швердь,
 По семь изъ ней Себя цовсюду распроспершь.
 Пусть въ хипросши свой умъ другіе укло-
 няюшь,

И недоспашокъ силъ коварствомъ дополняюшь;

Пусть злата и сребра желаніемъ горя,

Черуномъ ополчась преплаваюшь моря;

Народы вольные подъ свой яремъ приводяшь,

Черезъ шрупы ихъ во храмъ безсмертія восхо-

дяшь.

Ея долгъ въ бѣдспівіи спрадающихъ спасаешь,

И множа смершныхъ родъ законъ ему писаешь;

Чтобъ оный разносимъ во поднебесной нами

Разноязычными былъ чипанъ племенами.

О долгъ, великій долгъ! пренепорочна власть!

О вождельнѣйша блаженства Россовъ часшь!

Не зная во своемъ опечесивѣ навѣшовъ

Мы дальныхъ спранъ, искашь мы новыхъ бу-
демь свѣшовъ,

Не для того, чшобъ шамъ сокровище обрѣшь,
Но чшобъ законъ, свое сокровище, къ нимъ
внесшь.

Екатеринина блоспипели вишійсшва,

Преклонимъ свѣшь, вражды оспавишь и убійсшва;

Посланники небесъ благая возвѣсшимъ;

Вездѣ чеспъ, испинну, постѣмъ, возраспимъ.

„Се оныя, речемъ, Божеспвекны скрижали,

„Екатеринины гдѣ перспы начершали

Такъ, шакъ; безъ брани мы плѣнимъ весь Ею
свѣшь;

Безъ грому множеспвомъ прославимся побѣдъ.

Ужь предпекли Ея повсюду намъ доброшъ,

Премудросшь, правоша, и милосшь и щедрошъ.

Гдѣ еспъ народами насѣянна спрана,

Гдѣ чувспвуюшь дыша, Царица шамъ Она.

Зрю вѣчноспъ; разума шамъ каждый собесѣд-
никъ,

Великихъ дѣль Ея немолчный проповѣдникъ!

Но ны, Любитель музы, и человекъ
 Другъ,
 Ошмѣненъ лишь опъ всѣхъ великою за-
 слугъ,
 Внемли, шебѣ свой гласъ ша муза посвя-
 щаетъ,
 Подъ шѣнью коя пѣль швоею начинаетъ.
 Въ святилище доброгъ введенный я шобой
 Пипомецъ шасшливый Минервы спашь самой;
 Очей для пользы намъ недремлющихъ свидѣ-
 нель.
 Ко мнѣ бесѣдуетъ сладчайша добродѣтель,
 И новы испинны льетъ въ жаждущей мой слухъ.
 Что Ею просвѣщенъ воздашь Ей, слабый духъ?
 Ябъ лесшнаго во храмъ безсмершя достигнулъ,
 Когдабъ Царицѣ сей досшойно пѣснь ошры-
 гнулъ;
 Но слышу въ пеленахъ младенцевъ нѣжныхъ
 гласъ,
 Поющихъ Машь свою громчае, какъ Парнассъ;

Коль лучше шѣ межъ насъ хвалы Ея бря-
цающъ

Копоры солнечный свѣтъ Ею созѣрцающъ!

Невинна пварь! свои пы вѣри мнѣ успа,

Пусть будешь вся спиховъ въ усерды кра-
сопа.

И я драгую жизнь отъ Ней приѣмлю съ вами,
Я вяце озарень щедрошъ Ея лучами.

Колькрапно Машерью Ее начнете зватьъ,

Совозглашу: и мнѣ Екатерина Машъ!

И будешь пѣснь сія Монархинѣ угодна,

Лишь вамъ и просношѣ усердной лиры сродна.

Иль пы Предсшашель мой, пы духъ во мнѣ
роди,

Вождъ щаспія, пы мнѣ и мысли предводи;

Ты къ музамъ снизходя ихъ шоны усилиаешь

Ты самъ мой слабый гласъ ко пѣсни напра-
вляешь;

Велишь мнѣ зависти желчь чорну презирашь,

Со посмѣянїемъ на ядъ ея взирашь.

Чшо можешь повредишь души моей покою,

Когда пѣвъ орлихъ крыль просперша надо
мною?

Ко мнѣ, ко мнѣ блесни швой полный духа
ликъ,

Мнѣ мысли пошекупъ; я щасливъ, шы ве-
ликъ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ.

Младый и храбрый вождь, другъ общесва
и мой,
Препровождаемый соборомъ музъ герой,
Что видень по своей заслугъ, не по дѣдамъ,
Какъ агнецъ жилъ межъ насъ, какъ левъ изшелъ
къ побѣдамъ,
Пошемкинъ! будь щаспливъ, геройспвуй, ус-
пѣвай,
И славой дѣль швоихъ съ лѣшнами созрѣвай.
Открышы подвиги, вселенна ихъ свидѣшель;
Предложены вѣнцы; была бы добродѣшель.
О другъ мой! не косни, усстройся, пошеки,

Книю мстившь, или съ радостью умрешь не
ускоришь?

Гдѣ жаръ сердець къ Ея заслугамъ благодар-
ныхъ?

Пылдай шеперь на злыхъ, и посрамлай ковар-
ныхъ!

Я вижу, вижу, коль, любовью къ Ней крѣпка,
Губительна врагамъ Россійская рука.

Тамъ юные ппенцы искусствомъ мѣпкой длани,
Подобяшся орламъ замаперѣвчимъ въ брани;
Различны межъ собой лѣпями, спаномъ шѣль,
Согласны ревностью и громомъ шяжкихъ
спрѣль;

Всякъ хочеть быти сынъ Россіи непосыденъ:
О коль ликую я! мой другъ въ герояхъ видень;
Онъ жилъ среди красотъ, и аки Ахиллесъ
На рашно поле вдругъ онъ мужество изнесъ;
Впервые громъ пріяль, и громъ ему послушенъ;
Впервые встрѣшилъ смерть и встрѣшилъ ра-
внодушенъ.

Поднесъ въ умѣ моемъ шопъ ужась впечатлѣнь

Какъ варвары шебя рвались похишишь въ лѣнь;
 Ужь руки хищныя къ корысти проспирали;
 Ужь музы зря швою погибель обмирали;
 Послѣднимъ для шебя казался оный день,
 Тебя, и рашь швою покрыла смершна шѣнь;
 Ты силой опвода грозящую судьбину,
 Въ поборницы къ себѣ призвавъ Екатерину,
 Усердемъ къ Ней разжжень, сразилса, побѣдилъ;
 И гдѣ лилася кровь, шамъ лавры насадилъ.
 Тамъ Милька въ честь шебѣ спруями возшумѣла,
 Хвала швоя со спѣнь фокшанскихъ возгремѣла;
 И вяція хвалы предвѣспницей была.
 Се Олга днесь швоей побѣдой прослыла!
 Се вновь надъ злобою доброша торжешествуешъ,
 Екатерина вновь шебѣ споспѣшешествуешъ.
 Превыше чайнѣй взнесися, мой орель;
 Ты въ поле изъ моихъ обяшѣй полешѣль.
 Во шмѣ забвенья кшо не хочешъ пресмыкашъся,
 Топшъ долженъ на бѣды, на спрахи попускашъся,
 И славой заглушашъ полпы зависпной крикъ;
 Кого спрашишь она, не вполнѣ шопшъ великъ.

Не всё родилися язвисти честь хулою;
 Герои, не сумнись, усердствуюшь Герою:
 Не лешень на другихъ, но миль имъ хвалъ
 вѣнецъ;

И зависнь подлыхъ лишъ владычица сердцеъ.
 Ты ревностъ къ ревности, жаръ къ жару прилагая,
 И день опъ дня хвалой и силой возмогая,
 Какъ Турковъ, клевету и зависнь низложи;
 Во брани вдругъ перунъ и радугу кажи;
 Карай и возвышай пощадми геройство,
 То истинныхъ вождей, шо душъ великихъ свой-
 ство.

Озрись во древни дни, чѣмъ вышенъ шамъ шаланъ?
 Древеснымъ, былъ вѣнкомъ подвижникъ шамъ
 вѣчанъ.

Коль вышши почести, коль вышша вамъ на-
 града!

Сама своей рукой вѣчаетъ васъ Паллада.
 „Пощишесь, гласишь, другъ друга превзойшииъ:
 „Для всѣхъ лежатъ вѣнцы кто хочеть ихъ
 восхишь.

Она гласишь, шы глась пвоей Минервы внемлешь;
Ты ближе къ солнцу спалъ и вьщій свѣтъ за-
емлешь;

Осіяваюци съ высотъ шебя лучи,
Пошемкинъ, какъ луна, на нижшій кругъ мечи.
Герой еси щастія народнаго содѣшель,
Согласно блещешь въ немъ Георгій, добродѣшель.

ГАЛАКТИОНУ ИВАНОВИЧУ

СИЛОВУ.

Щасливое дитя незнапнаго ошца,
Что нрава пихоспью влечешь къ себѣ сердца,
Что рось, играль, гуляль, и съ Сарскихъ горъ
кашался,
И Темзы на брегахъ вдругъ съ Музами споз-
нался;
Коликобъ я желаль возвысиль мысль швою,
Поспавиши шебя въ самомъ добромъ раю,
Явишь, что пы любовь чувствившельности
плашишь,
Почшениа швои не на кумира прашишь.
Хопь не доспигь еще швой въ полную зрѣлосшь
духъ:

Во жизни ты успѣлъ; ты можешь быши другъ.

Чтобъ мыслишь, для сего не цѣлы нужны вѣки:

Мы судимъ, умспвуемъ; мы спали человеки.

Что прочимъ, щедрое намъ небо дало поожъ.

Пяшь шолько чувспвъ у насъ: но большель у

Вельможъ?

Какая въ обществѣ ни выпала намъ доля,

Нашъ разумъ съ прочими равняетъ насъ и воля.

Колико ни надупъ сынъ щаспїя, онъ мадь

Когда не приобрѣлъ успѣхами похваля.

Родоначалникомъ онъ числи хошь Прїама,

Мы выше воспечемъ, мы выспавимъ Адама,

И скажемъ, не гордись, швой пращуръ намъ

знакомъ;

Онъ нѣкогда былъ самъ земли бездушной комъ.

Такъ: подданны, цари, раби и Исполины

Первоначально всѣ сошворены изъ глины,

И сходспво въ шомъ межъ насъ и блещущихъ

особъ,

По смерти долженъ намъ шакой же мѣры гробъ;

И если бархашу, чѣмъ гробъ убишь, не спяжемъ,

Въ сосновыхъ дуплахъ мы равно спокойно ляжемъ.
 Въ шомъ сила, свѣпъ чшобъ насъ не мершвы-
 ми сочель;

Не тяжесью земли, не прупнями межъ пчель.
 Въ шѣ, кои спрогая премудрость пишеть, свящцы,
 Хопъ въ ленпахъ и звѣздахъ, не входяпъ шу-
 неядцы.

Такъ, Силось, ободрись: зависить все опъ насъ,
 Успройся и внемли со пишаніемъ мой гласъ.

Не буди дерзоспень: всему лежашъ границы.
 Вперяй въ солнце зракъ, губить свои зѣницы:
 Но смѣлость, чшо съ умомъ сопряжена была
 Гремящей славы чадъ премногихъ родила.

Не посланъ шопъ во свѣпъ для важныхъ на-
 чинаній,

При каждомъ шагѣ кшо боишся запинаній;

Лишь спупипъ, думаешь, чшо передъ носомъ
 смерть,

Безсиленъ, чшо своихъ не смѣешь силъ про-
 спершь.

Высокая душа не перипъ заключеній,

Полна и въ день и въ ночь невинныхъ попеченій.
 Запрешь ли въ клѣшку шы парящаго орла,
 Котораго взлешашъ ко солнцу похвала?
 Сама его шуда природа порываешъ:
 Такъ слава шу къ себѣ всечасно призываетъ.
 Рожденна начинашъ, весши, и совершашъ,
 Спыдился воздухомъ напрасно симъ дышашъ.
 Подобье Бога, кой всегдашній еспъ содѣшель,
 Во подвигъ свою содержишъ добродѣшель;
 И раздражаяся ошъ встрѣчныхъ ей помѣхъ,
 Спупаешъ въ шоржествѣ съ успѣха на успѣхъ:
 Пока чрезъ поприще велико пронесешся,
 И въ радости конца намѣренна коснешся.
 Чшо можешъ ушоминъ подвижницу сію?
 Когда въ движеніи, шогда она въ раю.
 Еспъ шайна сила въ ней, ее котора нудишъ;
 Еспъ искра божештва, чшо жжешъ ее и бу-
 дишъ.
 Ко оси зришъ земной магнитная спрѣла,
 Она ко шой спранѣ, гдѣ испинна хвала.
 То думъ ея предлогъ, шо мѣша успремленій;

Паришь божественныхъ послушница вельній.
 На хляби, пропащи, на ужасы печешь,
 Сквозь молніи, сама какъ молнія, съчешь;
 Проходишь вихри, мглы, пронзаешь знои, мразы,
 И шовчешь подь собой крушы препяпсшвъ кав-
 казы!

Порабощенники одебелѣвшихъ чревъ,
 Взирая на нее спояшь остолбенѣвъ,
 Безъ силы, безъ огня, безъ легкихъ криль на-
 дежды,

Ко пятопѣ земной прикованны невѣжды!

Вопросишь: ошь другихъ чѣмъ разнишя она?

Чувствивишельноснїю, копора ей дана.

Примѣшь, колякою сей жалоспью пронулся,

Чшо Рокъ нещаснїемъ друзей его коснулся;

Коль общеспва на меспѣ сей печь неперпѣливъ,

Онъ кажешся шеперь единымъ гнѣвомъ живъ.

Кимъ жаромъ къ подданнымъ Царица въ Нордѣ
 шаетъ;

Неясышь, что своей чадъ кровїю пишаешь!

То знаки сей души, досадовашь, желашъ,

Вскищашься радостью, надеждою пылашь,
 Любишь, и шакъ рещи, дѣлишь себя на части;
 Для ангела сего пошребны пылки спрасши:
 То парусы ея, а разумъ кормчій сихъ,
 Да шако внутрь предѣль печешь она своихъ;
 Со оспорожностью во благо дерзновенна,
 Предлогами опивнѣ удобъ прикосновенна.
 Какъ на небѣ вдали вознемшася гроза,
 До грома, молніей сверкаешь намъ въ глаза:
 Такъ пылкость кажешься разсудокъ упреждаешь,
 Но въ самой вещи онъ ее сопровождаеть.
 Безукоризненна, не рѣдко, вслыхнувъ спрасши
 Взаимаешь надъ самой словесностью власть,
 Пересѣчеться вдругъ шокъ мыслей непрерывень:
 Но сей разспрой души, природѣ не прошивень.
 Пусть сердце нѣжное ошъ жалосши замрешь;
 Пусть Муцій внѣ себя въ огнѣ десницу жжешь;
 Запмѣнье разума здѣсь разумъ украшаешь,
 И челоѳчештво не низипь, возвышаешь.
 Толико славная забывчивость мила:
 Чувствительность сіе безчувство родила.

Во безсловесіе насъ бѣшенство лишь рѣешь,
 Когда, вождь слабый, умъ, за бунтъ спрасшей,
 краснѣешь:

Словесное воспоргъ здѣсь шерпишь существо;
 Спяшь чувсшва; дѣйшвуешь едино божество.

Чшо въ околоняхъ шѣхъ, въ сердцахъ холодной
 крови,

Надежды въ коихъ нѣшь, ни рвенья, ни любви;
 Изображеніе безжилнаго кремня,

Изъ коего ни чѣмъ не высѣчешь огня.

Опъ заспоявшейся обременѣвъ мокрощы

Не кажушь ни къ чему зависшному охощы.

Вкусъ тако потерявъ больные, и ушывъ

Опъ пици чувсшвуютъ на рвошу лишь позывъ.

И кшо подъ солнцемъ симъ всѣхъ болѣе посшы-
 день

Какъ лежень по своимъ дѣянїямъ не видень?

Забощливый намъ духъ во шлѣнну площъ вло-
 жень;

Онъ дремлеть лишь въ Лешаргъ всегдашній по-
 грузень,

Безпечень, съ югаль громъ, или съ воспока гря-
нень,

Росяшь ли небеса, иль вовсе дождь не канешь;

Зарышь и погребень въ молчаніи, въ глуши;

Не просверкнешь въ немъ спросашь, не видно и
души.

Какъ? всѣ кричашь, къ ружью! все общесшво
въ превогъ!

Ты, съ лапой лишь во рпу, одинъ лежишь въ
берлогъ!

Вспань, милой, и проснись! давно ужь разсвѣло;

Ужь солнце ясной зракъ высоко возвело.

Храпашь! глубокимъ сномъ ошягощенны очи!

Изъ долгя ево вся жизнь сложенна ночи.

Что ешопъ мрака сынъ, подземной ешопъ кропъ,

Сей низкій духъ родинъ? какихъ пушь жданъ
доброшь?

Онъ въ жизни смѣлаго не здѣлалъ перспомъ маха.

О коль въ глазахъ орла презрѣнна черепаха!

Мы любимъ спѣсныхъ слугъ, и бодрого коня,

Гоняемъ пса съ двора, въ кошоромъ нѣшь огня.

Или, что смиренъ ты, ты мнишь и непорочень?

Но како ни себѣ ни людямъ ты не прочень!

Винишь, что пошь и пошь прошибся сторяча:

Опъ своего какой намъ плодъ паралича?

Журчащи воды насъ поашь и прохлажающь,

А безпрощныя зловоньемъ заражающь.

Прочь прущень, одалъ спань, не порщи здѣсь
красошь,

Гдѣ зиждется опъ пчель благоуханный сошь.

Подумай каженикъ, ослабленный опъ лѣни,

Чѣмъ шѣла своего ты разнишь опъ спѣни.

Душой, но чѣмъ явилъ ты оной бышье?

Бдой. Коль подло ешь свидѣтельство сіе.

Такъ всѣ швои дѣла, всѣ опышы разсудка,

Вся слава соспоишь въ предѣлахъ лишь желудка!

Благъ мужь! и велія тебѣ по смерти чешь,

Что ты за чешверыхъ одинъ могъ пишь и ѣшь!

Прожора! шако ли ты буй, неблагородень,

Что пяшь имѣя чувшь, алкашь, и жрашь лишь
годень.

Всякъ ѣсть, чшобъ живу бышь и силы подкрѣ-
пишь,

А пы за нѣмъ живешь, чшобъ полько ѣсть и
пишь,

И при достоинствахъ словесности и воли,
Подобисься одной, вредомъ примѣпной, моли.
Возри какъ изъ заклепъ вонъ вырвавшійся конь,
Шля пѣну изо рта и изъ ноздрей огонь,
Неперпѣливымъ грудь имѣя полную жаромъ,
И пошовымъ дымясь съ разгоряченья паромъ,
Черезо рвы, бутры, чрезъ равный лугъ бѣжишь,
Подъ ударенми доль копышь его дрожишь;
Ни быспросишь рѣкъ, ни вихрь за нимъ не успѣ-
ваешь,

И грива вдоль блестя по вѣпру развѣваешь.
Не пища пошому, чшо нѣтъ лишь полько крыль:
О! коль онъ радъ, себѣ чшо поприще открыль.
Взгляни на еншопъ холмъ, онъ шамъ ногой по-
ночешь,

Пына, бодряся, внизъ скочишь съ спремнины
жочешь!

Спрашись, прясешь главой, безробкое жребя,
И ржаніемъ зовешь во всадники шебя.

О! какъ мершвѣешь пы взирая на живошно,
Копорое шебѣ служиши шоль охотно,
Зажмурь, зажмурь глаза! конь скачешь на дыбы!
Бѣги, и поскорай сокройся въ мракъ избы.
Тыль смѣешь на хребешь аргамака возсѣспи,
Рождень межъ кокошей сидѣши на насѣспи.
Словущій подь луной владѣшелемъ всего
Размысли самъ въ себѣ, пы споишь ли его?
Онъ лучше, нежели пы, природы гласу внемлешь,
Онъ раны на войнѣ, и хвальну смернь прием-
лешь.

Сопрудникъ воиновъ и зришель ихъ чудесь,
Хощь вся его заслугъ мзда сѣно и овесь.
Такъ если чесшь шебя и похвала не пронешь,
И увѣщанье все въ душѣ безъ дѣйснва понешь,
Не двигнешь ни корысшь, ни общь примѣрь ума,
Ни къ ближнему любовь, ни зависшь ужь сама,
Безпечносшь шоль всю кровь, хладисшь, спудисшь,
морозисшь,

Да вразумишь ся конь, тебя копорой возишь.

Ахъ, онъ не чувствуешь укору ни стыда;

Онъ слышашь, видѣшь, знашь опрекся навсегда.

Дыханіе въ немъ есть, и полны кровью жилы:

Но на похвальное нѣшь двигнулися силы.

Онъ шѣломъ бодръ; душой чуетъ дѣйствуешь

ползя:

Онъ вовсе мерзвъ, но намъ погребешь его не

лзя.

Увы! возмозноль шакъ ожесточишься въ ка-

мень,

И погубиши весь чувствительности пламень!

Гдѣ искра божешва, гдѣ умъ въ немъ дѣйствій

царь?

Возмозноль сполбенѣшь, коль вся въ движеніи

шварь?

Взгляни на бѣгъ планеть! всѣ помняшь спрой-

нось чина!

Взгляни! колеблешся и воздухъ и пучина!

Какъ рѣки лясъ шумяшь и рѣюшь поншамъ дань!

Какъ славишь вышняго весеннихъ пшиць горщань!

Самъ вѣсперь, надъ 'швоимъ кой въ осень кро-
вомъ свищешь,

Безпечительный въспревожишь духъ швой
ищешь;

Чшобъ хонь однажды шы во свой проснулся
вѣкъ,

Хонь разъ бы бурей за опчешиво пошекъ.

Какъ! вовсе не вкусишь, чшо скорбь, и чшо за-
боша!

Умреши не опря съ лица ни разу поша!

Чшо наша жизнь, какъ цѣшь безперерывныхъ дѣль;

Чшо царствія земны, какъ улы разны пчель;

Гдѣ всѣ природною любовію влекомы,

Усердствуюшь, рачашь, шрудяпся до ишомы,

Различны пользь цвѣшы, лепая вдаль сосушь,

И въ нѣдра опчешива сладчайшій медъ несушь.

Взнесися мыслию въ воздушныя предѣлы

И взоръ опшоль проспри на обласпи шы цѣлы,

Приникни на шруды словесныхъ муравьевъ,

Внимай вспающій шумъ опъ всѣхъ къ шебѣ
краевъ,

Ты зришь ли, какъ среди бунтующаго моря,
 Съ неисповсшвомъ пловець бурливыхъ въспровъ
 споря,

Во рубахъ подь дождемъ, висипть поверхъ щоглы,
 И въ брань съ собой зовешъ громъ, молнiю и
 мглы!

То ярый валъ, его со мачшой въ бездну ринешъ,
 То въ прежню высопу, росяца влагой, вски-
 нешь;

Живошныхъ въ образъ рожденныхъ въ нѣдрѣ
 морь,

Онъ дѣлу насшопть, побѣдоносець горь!

На сушѣ видишь ли, какъ шопть себя опрекшисъ
 И смершный въ ангела безплошнаго облекшисъ,
 Прошиву пуль и ядрь, прошиву бомбъ лешипть,
 И шпячамъ смершей, смершми изъ рукъ, пре-
 шипть.

Чшо бѣдспвуютъ его ошець, жена и чада,

Онъ челюсшь самаго тошовъ распоргнушь ада,

И ешъли можно швердъ земную пошрясши,

Лишь шолькобъ опчешсшво онъ пагубы спасши,

Смотря на пылкость въ немъ, на духъ шолоко
швердой,

Ты движешься ево огнемъ жестокосердой?

Каковъ въ швоихъ очахъ шоржеспивенникъ смер-
шей,

Сложенный, шакъ какъ шы, изъ плошижь и ко-
стей!

Онъ въ полѣ подъ шапромъ преводить дни и
нощи:

Раскинувшись шы спишь среди прекрасной рощи;

Не шоль дръвь шѣнью, какъ его прикрывать ши-
шомъ,

Что спражь онъ сновъ швоихъ, шы мыслишь
ли о шомъ?

Онъ кровь свою лѣшь, обспавлень бѣдъ грозою:

Ты воздалъ ли за кровь хопя одной слезою?

И видя ранами изпечашлѣнну грудь,

Принудиль ли свою хопь разъ о немъ вздохнуть?

Почшилъ ли храбраго шой малосшю дани,

Хвалою удобной успь, и шолько плескомъ длани?

Увы! и сей опъ пламъ шы искры не почерпъ

Коль огнень духъ его! колико швой отерпъ!
 Онъ собспвенной парипъ добропой свѣпозарень,
 Ты чувспвѣй совлачень, шы подль, неблагода-
 рень.

Самую для шебя напуру онъ премогъ:
 Ты шруль ходящій, онъ, съ шобой въ сравненьи,
 Богъ.

Онъ умеръ, смерпъ его опечеспву спасенье:
 Ты живъ, но жизнь швоя ему опягощенье.
 Когдабъ шы былъ въ одрѣ, разслаблень, прока-
 жень,

Иль въ сполбъ, какъ Лопова жена, преображень:
 Ты большіябъ цѣны шогда предъ свѣшномъ споилъ,
 Безчувспвобъ онъ швое прощенья удостомилъ.
 Теперь когда шы ѣшь, гуляешь, пьешь и спишь,
 И вновь нажравшися въ постелѣ вновь храпишь,
 Герой межъ блюдь, всякъ день являющъ храб-
 ростъ шуже,

Хопя не въ кашоргѣ, всѣхъ кашоржныхъ шы
 хуже.

Вспомни, съ шѣмъ ли шы лилѣянь опъ пелень

Чшобъ шунядецъ былъ шы въ обществѣ, не
членъ.

За шѣмъ ли спроенъ швой языкъ и всѣ органы,
Чшобъ шы по возрастѣ вписался въ испуканы;
И рукъ и ногъ прямыхъ не знаючи пошребъ,
Свои бы подъ землей шаланшы всѣ погребъ.
Съ коликимъ шщаніемъ пернашыхъ бдяще племя
На вѣшвяхъ гнѣзда вьешъ, гостинницы на время;
Не оперившихся вода съ собой дѣшей,
Какъ кокошь бережешъ пшиць хищныхъ опъ
когшей.

И шыль гошовыя, ошцовъ швоихъ, жилища,
Тѣ самыя, гдѣ шы родился, пепелища,
Топъ горнь, которымъ былъ шоль-кратно жи-
вленъ,
Ту землю, коея плодами воскормленъ,
Опъ належащаго имъ бѣдства не исхишишь,
Тварь нѣжну опъ меча, младенцевъ, не защи-
шишь?

Иль думаешъ, что шы своей лишь стражь семьи?
Нѣшь, сколько ихъ ни ешь, всѣ; всѣ они швои.

Ихъ дѣды, что живошь во браняхъ положили,
 Въ младенчесивѣ шебѣ безсмертно одолжили.
 Спунай шеперь, спунай, заслуги ихъ плаши,
 Твоя пришла чреда; покрывъ шпенцевъ лепши.
 Не заключай своей, внутрь спѣвъ домашнихъ,

мысли,

Всѣхъ родспвенниками сопечеспвенныхъ числи,
 И шоль далече жаръ усердья распроспри,
 Коль общи далеко проспершы олшари.

Хопъ мы умножились подъ солнцемъ въ миліоны:
 Единъ у насъ Монархъ, единъ языкъ, Законы,
 Тѣжъ роци, площади, гробници, празднесшва,
 Признаки сполькіе единого родспва.

Священны дружеспва и браковъ супъ союзы:
 Превозмогаюшь все опечеспвенны узы.

Злодѣй, кпо насъ опвиѣ нашеспвуешь губишь,
 Злодѣй, кпо слабымъ намъ не хочешь пособишь.

Взгляни на мощъ швою, на плечи, ноги, руки,
 Тебя къ себѣ зовушь художеспва, науки.

Ты смысломъ одарень, и крѣноспію чресль:

Будь око шы слѣнымъ и соснарѣвшимъ жезль;

Возчувствуй самъ себя, взыщи похвалъ прав-
дивыхъ,

Всѣхъ выше щасныя еси, другихъ творить
щасливыхъ.

Что дѣлаешь земныхъ блаженными князей?

Ко благодѣшельству обиліе спешей;

И богомъ по чему слывешь межъ насъ державецъ?

Онъ подданнымъ своимъ всегдашній жизнедавецъ.

Онъ милоспью своей подобенъ небесамъ,

Которыя для всѣхъ велятъ сходить росамъ.

Не каждого судьба назначила во князи;

Но каждый, состоя граждансва въ общей связи,

Имвешь для себя особенный округъ,

Гдѣ можешь разливать благошворящій духъ.

Во разстояннн мы отъ Неба всѣ далекомъ:

Тотъ неба сынъ, кто бытъ умвешь челоукомъ.

Учись, возлюбленный, науки ны сея,

Она источникъ еси премудрости всея,

И истиннаго мащъ подъ солнцемъ благоденсва;

Терпи, и доспигай шерпѣньемъ совершенсва.

Да щедрыя въ шебѣ природы огнь горить,

Да Росску грудь умовъ Брипанскихъ лучъ зарипъ.
 И еспьли для себя попребень ободришель,
 Въ семь подвигѣ я спонъ швоихъ сопроводишель.
 Увѣрься, коль тебя я чувспивовашъ учу
 Любовью яль швоей любви не опшлачу?
 Недвижимъ на одрѣ средъ шяжкаго недуга,
 Я помнымъ окомъ зрю о мнѣ слезяща друга,
 И различаю, кпо сопечеспвенникъ мой.
 Въ нещаспьи доброхотъ являешся прямой.
 Привыкши смлада цвѣстъ подъ крошоспи опекой
 Ты любишь нудимъ бышь, но сладкою подшпрекой.
 Къ шаланшамъ и ума и сердца прилежишь,
 Въ обяшнїя ко мнѣ отъ хладныхъ душъ бѣжишь.
 Тебѣ онѣ всякъ часъ, шибѣ онѣ опшверспы,
 Тебѣ сіе перо ослабши водяшъ перспы.
 Вспревоженну шоской шы мысль утомони,
 И нѣжный слухъ въ мое вѣщанье приклони.
 Межъ сладкихъ швоего глаголовъ Адиссона,
 Межъ испиниъ грознаго доброшою Капона,
 Дай мѣсно симъ спрокамъ; за важны ихъ сочи:
 Въ нихъ дружеспва черпы: внимашельно прочши.

Бодрѣ путьъ пещи намѣренный усройся,
 И на пуши препонъ встрѣчаемыхъ не бойся.
 Успѣха на крылахъ чрезъ оны прелетай,
 Вѣнки себѣ похвалъ заранѣ соплетай.
 Изслѣдуй разумъ швой, изслѣдуй сердце спрое,
 Будь оный миль шебѣ, но будь сіе дороже.
 Съ закономъ шаковымъ пускайся знаній въ глубь,
 Свѣшь мыслей день опъ дня и жарь спраспей
сугубь:

Уста повсемшвенной природы сущъ не лживы,
 Чшо смершны въ жизни сей чувствившельно-
сшью живы.

ГАЛАКТИОНУ ИВАНОВИЧУ

СИЛОВУ.

Такъ, Силловъ! разсвѣло, воспрянемъ ото сна,
Нась бодрствовашь манишь прекрасная весна;
Расшворимъ чувствія, способности разбудимъ
И размысленьемъ мысль быспряе печь при-
нудимъ.

Сильна привычка всѣхъ успѣхомъ надѣляшь;
Спрѣлянемъ учащя безъ промаку спрѣляшь.
Таланпамъ надобны воздѣланья всегдашнн,
Произрацающъ шернь оброшенныя пашни.
Теряешъ прышосшь конь въ поѣздахъ не служа,
Мечъ праздный сколь ни оспрь, снѣдаешъ вре-
дна ржа.

Умъ пици пребуешъ, и знашь ево спремленье;
Самой души душа ешь хвально упражненье.

Все можно одолѣть упорностью труда,
 Берушь высокіе приспуюомъ города.

Коль спанемъ спашь, или сидѣшь поджавъ мы
 руки,

Не канушь съ небеси намъ сами въ мозгъ, науки;
 Пошь нужень, пошь сего къ снисканію добра,
 Оно неплѣниѣе и злата и сребра.

Есть всѣмъ вещамъ цѣна, богатой въ чинъ до-
 ступишь,

Но просвѣщенія онъ пѣнязьми не купишь.

Царь волчины дарить и гордой блескъ чесшей,

Но царь не дасъ ума и живоспи спрасшей.

Свѣшь мыслей бдѣніемъ приобретаюшь люди,

Ошь нашей собспвенной здѣсь все зависишь
 груди.

Пускай науки сей прошекъ какъ исполинъ,

Проникъ во глубину безвѣспныхъ намъ причинъ

Раченьемъ знаменитъ онъ здѣлался и славень;

Но вспяшь озрися, онъ намъ нѣкогда былъ ра-
 вень.

Взгляни, какъ учашся орлиные пшеницы

Леташь, куда ведушь предпечи ихъ опцы;
 Сперва со дерева на древо прелешаюшь
 И круги въ воздухѣ недлины содѣваюшь,
 По семь, со возрастомъ, оснавая низкоспъ
гнѣздъ
 Дерзашь выше пучь, и горнихъ ищущъ звѣздъ,
 По возмужаніи паря подъ небесами
 Взираюшь бодрыми на солнце очесами.
 Не вдругъ великія свершаюшся дѣла,
 Для предпріяшій грудь колико ни смѣла:
 Къ высокому наукъ прекрасень пупъ чершогоу
 Но шрудень; восходишь приспособишь по немногу.
 Успанешь, коль бѣжашь, сколь ни былъ бы
охочь;
 Почій, и отдыхъ вновь швою возспавишь
мочь.
 Въ опворенны наукъ насъ время вводишь двери;
 Науки времени, а не мгновенья, дщери.
 Не прочны ранніе на деревѣ плоды,
 Такъ прежде своя созрѣвшій умъ чреды.
 Опъ шоропливости успѣха нѣшь безмѣрной;

Здѣсь лучше много крапъ шагъ медлѣнной, но
вѣрной.

Разсудна бышь должна къ премудрости любовь,
Что чпещи, превращашь, какъ пищу въ сокъ
и кровь.

Опъ углубленья думъ мы въ знаньи возмогаемъ,
Болшпливы безъ ума, супъ равны съ полугаемъ.
Кпо рѣчи лишь плодишь, не мыслиши при-
выкъ,

Тонъ пекся изоспришь не разумъ, но языкъ.

Сама съ собою мысль бесѣдованн любишь,

И напряжась успѣхъ въ молчанн сугубишь.

Въ уединенн бышь мило соловью,

И упражняшь горпанъ во мракѣ дровъ свою.

Вниманн наукъ препоны побѣждаешь,

И лишь воспорженный умъ важное раждаешь.

Такъ, Силость, ободрясь, возчувспвуемъ нашъ

жарь,

И изнесемъ души во благо время дарь.

Намъ шопъ же дышешь вѣнрь, и шопе солн-
це свѣщешь,

Коснемся почки шой, къ которой духъ нашъ
мѣшишь.

Природа небеси вседаровиша дщерь,
Безъ зависти дѣлишь, какъ прежде, и шеперь;
Убогіе, и шѣ, что носяшь шиплы славны,
При всей ихъ разности другъ съ другомъ часто
равны.

Не рѣдко шопъ, на комъ сіяеть предковъ гербъ,
Какъ мѣсяць полнь извнѣ, шерля внушри ущербъ.
Въ шомъ смыслъ щастія обиды замѣняешь;
Такъ хипрая судьба всѣхъ навсе насъ равняешь.
Еслешвеннаго въ комъ огня не доспаешь,
Сколь много помощи наука ни даешь,
Не силенъ вознесишь до горней духъ степени;
Тельцы не бѣгають такъ быспро, какъ елени;
Однако шопъ всегда во свершникахъ великъ,
Кшо много приобрѣлъ раченіемъ опликъ;
И нѣшь шакой души во свѣшѣ беспаланной,
Трудъ коеябъ, успѣхъ не увѣнчалъ желанной.
Кого безмыслию нещастный рокъ обрекъ,
По крайней мѣрѣ шопъ внѣ общества упрекъ.

Что дѣлашь? онъ ему служиши не способень;
 Какъ безъ руля корабль онъ плавашь не удобень.

Но тѣ, копорые ни сѣюшь, ни орушь,
 А со жвѣцами сплошь плоды земные жрушь,
 Тѣ, гнусна саранча, какъ нѣкакій гнѣвъ неба,
 Не спояшь, кажешся, ядома ими хлѣба.

О сколько изойдешь по всякій годъ кулей
 На бесполезныхъ сихъ опечесива нулей!

Велика испинно, велика по упраша;
 А вся ему опъ нихъ, вѣсь шучныхъ шѣль, оп-
 плаша.

Ихъ мысль, рука, нога, во благо не скоро,
 Для чувшвованья грудь дубовая кора;
 Равны движенія лишившейся скопинѣ,
 Увязшей по уши въ неисходимой шинѣ.
 Ахъ, смерпный самъ собой какъ въ пагубу гря-
 дешь,

И ниже своего достоинства падешь;
 Во гнуснаго себя преобравивъ урода
 Беспыдно вопіешь: скупа къ нему природа;
 Природа обща мать; нѣтъ пасынковъ у ней,

Безчисленныхъ межъ насъ не ша причина пней.
 Коль многихъ грубости объемлешь пьма про-
 кляпа;

Опцы больши ослы, а дѣпти ихъ осяпша.

Коль многихъ пятопипъ дебелыхъ мыслей грузъ;
 Чшо дядька ихъ ханжа, иль подлой былъ фран-
 цузъ!

Въ иныхъ съ младенчества ядъ спранныхъ думъ
 посѣянь,

Нравъ крошкѣй во другихъ бесѣдой злой раз-
 вѣянь;

Какъ воздухъ спершійся взяшь силъ огню не
 дастъ,

Лишь воскуришся, вдругъ и шухнешь слабый
 хврасъ:

Такъ нѣжные души младеншвенной шаланы
 Сквозь налегающи не сильны вспапъ шуманы.
 Лишь искра щедрыя природы въ ней блеснешь,
 Стуспишся снова мгла, вдругъ искра и заснешь
 Доколѣ плясь умрешь, и мѣспо возмешь холодъ.
 То важно спроишь духъ, пока еще онъ молодъ

Усилясь иногда безъ дядекъ онъ парить,
 Но рѣдко шаковы паланшы рокъ дарить:
 Образованью все и навыку покорно,
 Но шѣмъ всемѣспіе природы не оспорно.
 Лешая опъ конца вселенной до конца,
 Она всещедрой лѣпъ рукою жаръ въ сердца.
 Опъ Юга Александръ, огнемъ души нескрышенъ,
 Течешъ побѣдами Воспока ненасышенъ;
 Борея шумнаго изъ ледовишыхъ нѣдръ,
 Числѣйшихъ полонъ пламъ, возникъ великій

Петръ,

Наполня кой чудесь неслыханныхъ вселенну,
 Оспавиль оную на долго изумленну;
 Тогда, чшо своили себѣ лишь смысла чеспъ,
 Признались спѣсь сложа: и въ Нордѣ люди еспъ.
 Еспъ, еспъ, приди и видъ: шамъ шѣжъ поднесъ

Герои,

Гремящи шѣми же побѣдъ хвалами строи.
 Въ душахъ дѣшей живешъ шамъ испный жаръ
 опцовъ,

Въ Екатерининной шамъ плоши духъ Петровъ.

Что Сѣверу дары природы не опьемны,
 То суша вопієшь, и волны средиземны;
 Опшолѣ звукъ доброшь готовься свѣнь вни-
 машь,
 Гдѣ въ Прадѣда распеть и въ дивну Павель
 Машь.

Кто смѣешь пригвождашь даръ щедря неба
 къ мѣспу,
 Душевный огонь лепишь къ климану будно къ
 шѣспу.

Доводы, философъ, на воздухъ лови,
 Созвѣздія и доль въ подкрѣпу думъ зови,
 Узъ нашихъ поры шѣль, и ожещай намъ жилы,
 Спроеньемъ мозга мѣрь воображенья силы,
 Для вождѣленія, сколь хочешь, кровь хлади,
 Лишь льду въ нее для дѣль похвальныхъ не
 клади;

Полночны жипели шебя смиренно просяшь,
 Что шубы на плечахъ, а въ шѣлѣ души носяшь.
 Опъ жару спранъ другихъ дай нашимъ часшь
 сердцамаь,

И не подобься шѣмъ во древности жрецамъ,
 Кошорые на нушрѣ въ гаданіяхъ взирали,
 А въ прореченіяхъ безъ милосердья врани.

И ты, чпо высоко свою взнимая бровь
 Кричишь: молчише всѣ, во мнѣ дворянска кровь,
 Не полагайся ты безъ мѣры на породу,
 Вишь мы не лошади, не разнаго приплоду;
 Аравской, правда, конь жарчаѣ, де, другихъ,
 Но ты не конь; опмѣнь не кажешь намъ ша-
 кихъ.

Иль мнишь, за душу парь вложенъ въ просто-
 людина,
 Во мѣсто крови дегнь, и въ мѣсто сердца
 льдина?

Увы по сихъ ты поръ невѣжества во шѣмъ,
 Дачь много у шебя, а пустоши въ умѣ.

Скажи, почпо швоимъ людьми не слышь крещь-
 янамъ?

Архангелу тыг свой, шѣ ровня обезьянамъ?

Чего для сосунокъ природы дорогой

Ты чувспивуешь въ ней машь, всякъ мачиху
 другой?

Какъ жидь, кошорому свѣпъ вѣришь безъ поруки,
 Все' хочешъ опкупишь, въ свои все грабишь
 руки,

И вводипъ шѣмъ купцовъ безденежныхъ въ скуду;
 Сему подобны пѣ зависпавцы жиду,
 Чпо мяся одни Небесъ законными дѣшями,
 Кромсаюшь для себя, всѣмъ общій даръ, лом-
 пями,

Не ущербляя намъ нещаспнымъ ни крохи.

Но чѣмъ виновны мы, какіе въ насъ грѣхи?

Не шоль, чпо бабки насъ проспья повивали,

И алогубыхъ нимфѣ опцы не призывали?

Своими машери кормили насъ грудьми;

Не ужьно для сего не можно бышь людьми?

Чпо вопчинъ нѣпъ у насъ, какое шо безчеспье?

Добраша лучшее во всѣхъ земляхъ помѣспье.

Чпо въ шомъ, чпо у шебя орда велика слугъ?

Но многоль показаль шы опчеспву заслугъ?

Веди, какъ древній Грекъ, шы племя опъ Зевеса;

Безъ добродѣтели все будешь слышь повѣса;
 И родословьемъ намъ сколь слухи ни шруди,
 Архива не спасешь, коль искры нѣтъ въ груди;
 И пращуръ швой Пріамъ, съ прабабушкой Ге-
 кубой,

Лишь поводъ надъ побой насмѣшки намъ сугубой.
 Такъ, царикъ маленькой, пы спѣсь большу сложи,
 И огонь швоей души, не предковъ, намъ кажи.
 Гласъ истинны, и гласъ шо божій и народа,
 Всѣхъ спарѣ въ свѣтѣ шинль и почестей при-
 рода.

Таланшы въ обществвахъ надѣлали вельможъ:
 Такъ ими поддержи ты рода блескъ и множъ.
 Коль въ черни малы сунъ познанія спелени,
 И добродѣтелей однѣ лишь видны шѣни,
 Въ рожденныхъ щасшливо, мысль здрава цвѣстѣ
 должна:

Ошибка всякая въ сановникѣ важна.

О боже сохрани! чшобъ души были узки,

Во нѣкоихъ изъ шѣхъ, чшо знаютъ по фран-
 цузски,

И числяшь всѣхъ изустъ ученія свѣпиль:

Толь духъ премудроси ихъ свыше посѣпиль.

Не срамъ ли, коль шебя порода къ сану бли-
зипь,

А поведеніе до челядинцовъ низипь;

Иль, ежели, чему спыжуся вѣришь я,

Душь много за побой, а хуже всѣхъ швоа;

Не укоризна ли безграмошныя предки,

Гдѣ опышы доброщь сіяли шоль не рѣдки.

Языкамъ изучась, пивъ мудроси опъ спруй,

Блюдись, чшобъ небыль шы на всѣхъ языкахъ
буй,

И презираючи всеобщу машь природу,

Не спался извергу подобень иль уроду,

Кой мощень лишь людскихъ ко умноженью золь:

Бодешь какъ бѣшеной, кого ни вспрѣпиль,
воль.

Тѣ огненны сердца, шѣ царпвія подпоры,

Чшо жерпшовашь собой въ его защипу скоры;

Верховно на земли блаженшво спавяпъ въ немъ,

И въ шысячахъ родяпъ огонь своимъ огнемъ.

Подвижники доброты, другимъ лишь въ пользу
 сильны,
 Тѣ души къ обществу любовью многокрыльны,
 Взлетаючи похвалъ на крылу выше мѣръ,
 Тѣ будущъ пусть себѣ, сынъ счастья, примѣръ.
 Подобная въ себѣ ко общу благу ревность,
 Докажетъ своего скоряе рода древность ;
 Не пудра, гордой шагъ и тщетный плащья
 блескъ,
 Достоинствомъ хвалы, не златомъ купящъ,
 плескъ.

ЕГО СІЯТЕЛЪСТВУ ГРАФУ
ГРИГОРЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ
О Р Л О В У.

1772 года.

Писано въ Лондонъ.

Усердный своего опечесива любитель,
Великая душа прямыхъ добротъ обитель,
Подвижникъ выше всѣхъ, чпо носяшь лавръ,
борцевъ,
Гражданскихъ тысячи достойнѣйшій вѣнцевъ,
Орловъ! шакъ ты пріяль шоль хвальную опвагу!
Ба сердцѣ положиль бышь жершвой общу благу,
Попечь, и обратишь всѣхъ смерши на себя!
О начинаніе достойное шебя!
Кшо другъ опечесива, другъ общаго покоя,
Умедлишь моего благословишь Героя?

Какъ пушникъ упружденъ подь часпыхъ вѣп-
вей шѣнь,

Какъ жаждущій бѣжитъ на водный шокъ елень:

Такъ онъ изъ нѣдръ красотъ, шагами Исполина,

Течешъ, гдѣ грозная свирѣпспвуетъ судьбина;

Опъ спруй прозрачныя и пихія Невы

Пускаешся къ спѣнамъ плачевныя Москвы.

О красныхъ мапъ градовъ! о Сѣвера сполица!

Коль рока надъ шобой опягчена десница!

Не Чингисхановъ родъ опяшь шебя разипъ:

Въ Херсонѣ Славенинъ; и варваръ памъ слезипъ.

Не Туркъ приспалъ къ спѣнамъ; вдали бияся съ

Россомъ,

Онъ спраждепъ понеряпъ обильный Кипръ съ

Родосомъ.

Но что? памъ люша смерпъ насильну данъ берешъ,

Герой въ полпъ, увь, безъ опомщенья мрешъ!

Тамъ спрахъ, душъ слабыхъ бичъ, всегдашній

врагъ надеждъ,

Пугливыхъ женъ ширанъ, доспойна меспъ не-

вѣждъ,

Заемнымъ опъ мечпы вооружень вредомъ
 По спогнамъ бѣгаешъ, печень изъ дома въ домъ.
 Кровавые глаза опчаяньемъ покрышы,
 Вознемшися власы, дрожащія ланишы,
 Разверсны челюсти, звучанье, скрежешъ, шумъ,
 Рожденно думами чудовище въ казнь думъ,
 Унылыхъ машерей, опцовъ, дѣшей превожипшъ,
 И наспояще зло мечшательными множищъ;
 Во грудь дыхающихъ вливаешъ смерпный хладъ;
 Въ невинныя сердца, злымъ должный, вносишь адъ;
 Бѣгупъ несчастные и кроюся въ вершепы,
 Трелещущей рукой крѣпяпъ свои заклепы!
 Развратной вѣры шolkъ, испочникъ шамо золь,
 Съ кадильницей въ рукахъ, на слезный всходишь
 доль;

Прельщая ложными умъ дѣшской чудесами,
 Всѣхъ хочешъ примиришь не медля съ небесами;
 Берешъ съ невѣжесшва благоговѣйну дань,
 Пороки спавя въ спрой, родишь усобну брань.
 Убийство, и грабежь, попрапие свяшыни,
 Текупъ преобращипъ прекрасная въ пусшыни.

Коль суевѣрна мысль полкъ бѣшенства влечеть,
Тамъ сколь ни малъ мяшежь, ручьями кровь
печеть.

И се несчастливый но ревностный Свяшитель,
Безсильный волкъ ея въ народѣ воспяшитель,
И просвѣщенья мужъ исполненный и дней,
Спрадалецъ разума, палъ жершва слезна ей!
О градъ! колікія напасши шя объяли!
Возможноль, чшобъ швои шоль чада обуяли,
Чшобы, когда шебя препенещеть Югъ вдали,
Рожденные въ шебѣ войну съ шбой вели!
Не чада шю швои, шю изверги природы,
Люшѣе, нежелъ всѣ чешвероногихъ роды,
Рожденіе ехиднь, шлешворныхъ плодъ сѣмень,
И омерзѣніе попомшвенныхъ племень.
Но живъ Россіи Богъ, жива Екатерина;
Прешупникъ долженъ пасшь, шы цвѣспь по-
добьемъ крина.
На ревностіи крилахъ Орловъ къ шебѣ ле-
шпщъ,
Онъ духомъ смѣлосши всю бурю укрошпщъ;

Злодѣевъ, жаждущихъ сребра и дружной крови,
 Сожжешь огнемъ своей къ опечесиву любви.
 Спасишель граждань! шы мниль въ слѣдъ

Марса печь;

Останься, и блюди въ влагалищѣ швой мечъ.
 Врученныя тебѣ Богиней грома сирѣлы
 Рушашъ и безъ тебя Турецкіе предѣлы;
 Ты въ нихъ присущивуешь чувствивелень
 врагамъ;

Домашнимъ ускоряй на помощь днесь богамъ.
 Врагъ въ нѣдрѣ общесшва, и нѣшь ему упора;
 Гнусные Турковъ онъ, болѣзней, глада, мора.
 Судьба, чшо намъ сіи нещасшья навела,
 Для прекраченья ихъ шя въ общесшвѣ блюла.
 Гряди, и опъ меча избавь согражданъ выи,
 Свирѣпосшь укропи воздушныя стихии,
 Твой духъ, швой испый духъ въ разсѣянныхъ
 впери,

И какъ орель ппенцовъ подь крила собери.
 Хошь распочиль ихъ спрахъ, они не меньше
 милы,

Тѣхъ сродники они, кѣмъ Турски гибнушъ силы,
Ихъ робости вина не сердце ихъ, судьба;

Я въ каждомъ вѣрнаго зрю опчешву раба.

Одинъ злодѣй, иль два, всѣхъ чести не умаляшъ,

Не люди шо, змѣи, чшо присныхъ брашій жа-

ляшъ.

Пронзи сихъ гидръ, Орловъ, шо званіе швое;

Съ побою грозное Минервы копіе.

Тѣхъ лжи служиселей, шѣхъ новыхъ Проме-

шеевъ,

Бѣснующуся шварь, презрѣнныхъ чародѣевъ,

Чшо крадушъ съ небеси некрадомую мощъ,

И буесловяшъ въ день преобращиши ношъ,

Перекарай, окуй и ноги имъ и руки,

И пригвозди къ горамъ, для ващшей дерзскимъ

муки.

Такъ злобу скверную, всѣмъ зрящимъ, обуздай,

И площъ ея шерзашъ небеснымъ шпицамъ дай.

Ты вшелъ во градъ; гражданъ къ нимъ души

возвращились,

Во хлябъ опчаянья прешупны погрузились.

Какъ волки хищные, копорыхъ мучишь гладь,
 Туманомъ пользуясь, въ средину овнихъ spada
 Врѣваюшся, свой зѣвъ повсюду обращающъ,
 И безоружну пшварь несышны поглощающъ:
 Вдругъ паспырь насшупивъ, съ опшмспшпшель-
 нымъ жезломъ,
 Разгнѣванный шечень за зло воздаши зломъ.
 Укрышся хочешь зѣвъ, но паспырь поспши-
 заешъ,
 Какъ прежде агнцевъ шощъ, шакъ сей его шер-
 заешъ.

Тягчишь ударами, кроваву челюспъ рвешъ,
 Побѣдною шрубой овецъ къ себѣ зовешъ.
 Я паспыря въ шебѣ шакого созерцаю;
 Гнѣвъ сердца швоего я духомъ проникаю.
 Куда бѣжите вы? погибельны сыны!
 Не скроешесь въ моря, ни въ пропасши земны.
 Вамъ казнь написана, о волки агнча spada!
 Чшо чувшшвуешеш днешь спноя при дверяхъ ада?
 Я вижу, какъ злодѣй золь горькихъ чашу пьешъ!
 Трясешся, мучишся, ногами воздухъ бѣешъ!

Виси, несчастливой! перзайся, мри, исчезни;
 Возьми съ собою всѣ, и въ адъ снеси, болѣзни:
 Они твои; ихъ пошь достойнъ лишь одинъ,
 Кто обществу покой, природы рушишь чинъ.
 А ты, великій градъ, краса земнаго круга,
 Полунощи Едемъ, гроза и ужась Юга,
 Тронъ прасщевъ, и ихъ блюстители костей,
 Дивящихъ цѣлый мѣръ опечеснво вождей,
 Котораго чресла мощь свыше одѣваешь,
 Вседневно въ лавръ главу побѣда увиваешь,
 Красуйся; изблевалъ ты свой плетворный ядъ;
 Кивопомъ паки снIALъ свящыни, Божій градъ.
 Теки, избранный родъ! опяшь къ спѣнамъ Са-
 лима;
 Тамъ радуга надъ нимъ завѣповъ Божьихъ зрима.
 Посланникъ тамъ Небесъ, кой грѣшникамъ пре-
 пишь;
 Онъ свыше мочь пріялъ; онъ гнѣвъ спихій
 крошишь.
 Увѣрся, нѣшь другихъ въ бѣдахъ тебѣ по-
 борцовъ;

Геройскій шолько духъ раждаешъ чудопворцовъ
 Любви опечесива покорень цѣлый свѣшь,
 Та узы шяжкія самой напуры рвешъ.
 Дѣяньями ея проспранная Вселенна
 На многій часъ была не рѣдко изумленна.
 Возможна въ правду ей великоснь пѣхъ чудесь,
 Во баснословны дни чшо дѣлалъ Геркулесь.
 Воззри, сей како Мужъ вдохновень днесъ ею!
 Какъ жизнью жершвуешъ опечесиву своею,
 Полночной диво всей и міра очесамъ,
 Позорище самимъ любезно небесамъ!
 И сила Вышняго ему споспѣшесивуешъ;
 Онъ смершень будучи, надъ смершью шоржес-
 швуешъ;
 Герой, и гражданинь, и врачъ, и судія,
 И аки Богъ во мзду доброты своея,
 Гдѣ взглянешъ, прочъ бѣгушь вредипельны
 бореи!
 Гдѣ спунинъ, шамъ распушь и розы и ли-
 леи!
 Я зрю нещасливыхъ опцовъ, и маперей,

Цѣлѣшь бодрой юнѣспи, прекрасныхъ ликъ дщере-
рей;

Пришествія его обрадованны слухомъ,

И жизнедапельнымъ одушевленны духомъ,

Какъ слабые еще, орлиный родъ, пшеницы,

Опъ хищныхъ пилицъ во всѣ разпужанны концы,

Скрывавшиися поднесъ въ горахъ, въ лѣсахъ, въ
вершешахъ,

Въ разсѣлинахъ земныхъ, въ знакомыхъ имъ
укрѣпахъ,

Несомы на крилу всхищающихъ опрадь,

Взвивающся, лепящъ, и полнящъ чудный градъ.

Онъ шако, какъ Сионъ, недвиженешя во вѣки;

Крушящся въ немъ шумя живишельныя рѣки;

По спогнамъ средъ зимы лепаетъ тихъ зефиръ,

И съ криль прясешъ воню благоуханныхъ мирръ.

Не очевидный ли здѣсь всякъ шому свидѣшель,

Сколь можешъ одного изъ смершныхъ добродѣ-
шель!

Пришель, узрѣль, воздвигъ несчешны вдругъ

семьи;

Жизнь вдунуль и въ меня; памь искренни мой.

О общиникъ свышняго и размяшель свѣша!

О Ангель велія Богинина совѣша,

Кой радость плачущимъ и жизнь благовѣспишь,

Всѣхъ любишь, какъ себя, и шолько злобѣ

мспишь!

Чшо намъ воздашь шебѣ? но шы даровъ не

вземлешь,

Ты шуне бдишь о всѣхъ, ниже когда воздре-

млешь.

Рѣзьбой изображашь на мраморѣ швой зракъ,

Быль смершный бы швоихъ заслугъ безсмер-

шныхъ знакъ.

Сердца людей, чшо жизнь шобою возпріяли,

Незаглаждаемы да будушь ихъ скрижали.

Доколѣ спанешь цвѣсть великая Москва,

Не умрешь о шебѣ въ попомкахъ ихъ молва.

КЪ

ИЗЪ

ВОИНСКАГО СТАНА

ПОДЪ

ДУНАЕМЪ,

1772 ГОДА.

Онь спруй смѣшеннаго съ кровьюми враговъ
Дуная,
Гдѣ Опчештво, и въ немъ шебя воспоминая,
Сражаюсь я, на свой не жалуясь рокъ,
Прими, дражайшая, письмо не многихъ спрокъ.
Хощь смершный въ жизнь за шѣмъ, чшобы
любить назначень:
Чшо дѣлашь намъ, когда законъ любви ушраченъ,
И ищутъ обласпи одна другой вреда,
Чшо, коль ни лесченъ свѣшь, во свѣшѣ жишь бѣда?

Продерзость ослѣпясь вмѣняешь мочь въ Ге-
ройство,

И рушишь крошкѣя невинности спокойство,

Все безопасіе зависишь отъ ружья;

Распавшися съ побой жить въ полѣ долженъ я.

Здѣсь храбры юноши отъ рожьшихъ оплу-
ченны,

Здѣсь отъ обьяпій женъ супруги опвлеченны;

Кій жребій належишь всѣмъ обще, шопъ и
мнѣ;

Любовь меня къ шебѣ, но долгъ зовешъ къ
войнѣ.

Ты зрѣшь меня всегда, но зрѣшь героемъ рада;

Я браненосецъ здѣсь, ты памь моя Паллада;

Не малъ для мужества мнѣ жизнь швоя залогъ;

Живи, чшобъ Марсъ меня сильнае къ брани
жогъ.

Сугубо крѣпокъ я, сугубо шоржествую,

И почести шебѣ воински долженствую:

Побѣда сосшопишь въ любви, не въ мечѣ;

Твоя Георгій мзда, лишь на моемъ плечѣ.

И былъ либъ я шебя, возлюбленна, достоинъ,
 Когдабъ умѣлъ я бышь любовникъ лишь, не
 воинъ,

И слыша, что къ себѣ насъ кличешъ брань,
 шрубя,

Опъ звука оной меръ, и крысябъ за шебя;
 Увидѣвши враговъ предъ градскими врапами,
 Побѣгъ бы, и несясь безвѣспными мѣспами,
 Оплакиваль швой плѣненны красоты?

Нѣшь . . . ! грудь моя впреди, и безопасна ты!
 Какъ! Россуль обмирапъ, шерзашъся опъ раз-
 луки,

Сидѣшь съ любовницей, и ждапъ поджавши
 руки,

Чшобъ свѣша шронъ была Сулпанская софа,
 Сшамбуль Державный Римъ, и Августъ Мусшафа!
 Скоряе пошечешъ вся шваръ пропиву чина;
 Увидимъ, большель онъ, или Екатерина!
 Она ли безъ Днѣпра, и Кіевскихъ холмовъ,
 Иль гордый врагъ безъ рѣкъ, безъ моръ и ос-
 шрововъ?

Во древни времена прехрабрыя гражданки
 Съ мужьями на спѣнахъ спояли Россiянки;
 Изъ ихъ прекрасныхъ рукъ прошивникъ былъ
 ражень;

И мы ли въ сіи дни слабiй погдашнихъ жень?
 Прочь, прочь любовь! коль я побой лишь сла-
 dospirasнень;

Ерошу я не съ шѣмъ, какъ Мусшафа, подвла-
 спень.

Не выпунишь на шагъ Сераля изъ среды;
 Лепишь изъ нѣдръ любви на смершны Россѣ
 бѣды!

Не оскорбись моихъ шы жаромъ выражений;
 Иныхъ, любезная, не знаю я сложеній.

Что сердце чувсшвуешь, то льешь перо сіе;
 Пишу въ одной оно, въ другой рукѣ ружье.

Ты знаешь что; себя умъ здравый украшаешь;
 Что намъ въ любви, коль ша сердце не воз-
 вышаешь?

Чесшъ собсшвенна мнѣ вождѣ; она речешъ:
 спупай;

Усна твои законъ; онѣ гласящъ: сражай.

Спущаю, и ражу! Спрашишесь сопоспаны!

Мнѣ честь Геройства шлемъ; сама любовь мнѣ
лапы!

Конечно сей солдатъ не умреть нещасливъ;

Убьющъ его; въ другой себя онъ часши живъ.

Онъ адъ непрелетной душою усрѣшаетъ;

Что выше жизни бытъ любимымъ почиаетъ.

Подъ солнцемъ смертный естъ!... довольно я
молчу;

Не одолжаю я, но должное плачу;

Со добродѣтелью держу единоборство;

Коль гдѣ, въ семь подвиговъ прехвально естъ
упорство.

Я лавры для себя, ты для меня топчешь;

Ты знаешь, что ко мнѣ, что къ Опчеству
любовь.

Хощь слухъ твой бранною не полнится трубою;

Ты раница сама; ты борешься съ собою.

Жалѣешь ты меня, однако въ поле шлешь,

И виявь что ранень я, не подмы слезы льешь.

Тыбъ съ кровію моею вседушно ихъ смѣшала,
 Коль опдаленность мѣстъ тебѣ бы не мѣшала;
 Не падъ въ безпамятство упѣшилабъ меня,
 И сбереглабъ весь жаръ любовнаго огня.
 Единабъ рѣчь, *терпи* мнѣ боль оспановила,
 И ослабѣвшу мочь во мнѣ возобновила;
 Ябъ съ вящимъ жаромъ въ бой кровавый по-
 лешѣль,
 Сипулая, при тебѣ, по кучамъ Турскихъ шѣль!
 Ахъ, кія мысли мнѣ суровый Марсъ влагаешь!
 Нѣшь; по не Марсъ, любовь во мнѣ превоз-
 могаешь!
 Опъ ней одной, опъ ней я шщуся жаръ взи-
 машь;
 Во всѣхъ оруженникахъ любовь здѣсь гнѣва машь.
 Та недоспашокъ въ насъ пригожснва замѣ-
 няешь;
 Въ насъ безобразіе любовницъ взоръ плѣняешь.
 Окровененный зракъ, разпрепанны власы,
 Мечъ въ длани, въ сердце чесшь, вопъ всѣ мой
 красы;

Вотъ образъ мой каковъ средь ратныхъ ополченій!
 Чего и ждешь? тешишь, то спрашныхъ при-
 ключеній.

На все иду, и все я съ радостью терплю,
 И вдвое я врагамъ опасенъ; что люблю.
 Кто хочешь, пусть тебѣ привѣстива тамъ
 чиняешь;

Вкругъ фижемъ пусть твоихъ, какъ Купидонъ,
 лепашь;

Не стану я твердить: вѣрна ко мнѣ пребудь;
 Не можешь украсься лешь во просвѣщенну
 грудь.

Что ты въ моемъ письмѣ не часны видишь
 вздохи,

Для война сіи въ спрочахъ неспренье плохи.

Что Промысль положилъ того ужь не избышь;

Сколь намъ ни воздыхашь, а все тому же бышь.

Онъ знаешь лучше насъ, что служишь намъ въ
 потребу;

Терпи, дражайшая, и будь покорна Небу.

КЪ.....

ИЗЪ

Л О Н Д О Н А.

Монархи межъ собой не рѣдко брань пво-
ряшь,

Военнымъ духомъ всё писашели горяшь;
Коль шакъ; Пишны сунъ шѣ власни оспроумны,
Чшо для шакихъ же винъ войны заводяшь шумны;
Въ послѣдокъ, о Царяхъ даюшь пошомки судъ,
Тужь съ ними чешъ пѣвцы и жеребій несунъ.
Не всякой славу Царь могъ въ вѣчнось рас-
просшерши,

Не всякой и Пишнь былъ славень съ годъ по
смерши,

Хошь въ жизни принималъ ошь многихъ плески
рукъ

Какъ царь, привѣщсшва въ знакъ, изъ многихъ
пушекъ звукъ.

Хваль нашихъ, въ жизнь, пруба, знакомыхъ намъ
вашага

Ревешъ, что мы уже безсмертія у прага,

Руками что уже касаемся верей,

Мы пишемъ; умерли; верспъ со спю опъ
дверей.

Чеспъ наша послѣ насъ подвержена опалѣ,

Что больше дней, по мы опъ храма славы
далѣ;

Со мрущей шакъ хвалой сквозь время чупъ
бредемъ,

Пока въ бездонну хлябъ забвенья упадемъ.

Вопъ наше кончипся, чѣмъ въ свѣспъ спихо-
шворспво

Пѣвцы! чѣмъ опврапишь въ попомкахъ къ намъ
презорспво;

Сапиру ли нашъ мечъ, на нихъ упопребишь,

Или заранѣ ихъ Имномъ ухлѣбишь:

О просвѣщенные вѣковъ грядущихъ роды

Примите вы мои всемилоспиво Оды!

Не баснословный бредъ, не обща шо дрема,

Препоручаю вамъ: сокровище ума.

Я пѣль; спруны мои казались очень звонки;

Пріяшелей моихъ разсудки сильно понки.

Бывало какъ спихи прочпу я въ ихъ кругу;

Свидѣтель Аполлонъ, всѣ хвалѣшь, я не лгу.

Я въ жизни не съ однимъ имѣль знакомспиво

домомъ,

Гдѣ ни обѣдываль меня зывали громомъ;

Я прахъ шеперь, моя живаль шо въ свѣпѣ

честь;

Молю, спихи мои не дайше моли съѣспь.

Но дойдешь ли сія къ потомкамъ челобипна,

То пайна ни кому изъ смерпныхъ неиспышна.

Коль спихопворну плоть червь въ гробѣ могь

пояспь,

Диковинкаль спихамъ опь червя же пропасшь?

То правда въ разныя идушь они пошребь,

Ихъ подь исподь кладушь какъ въ печь сажа-

юпъ хлѣбы;

Купцы, что продають различной смершнымъ
злакь,

Завершывають въ нихъ хрѣнь, перецъ, и пабакъ.

Идутъ они въ дѣла, идутъ и въ забабоны,

На мѣрки для поршнихъ и войску на папроны;

Ребяшамъ на змѣи, хлопущки и пыжи,

Свѣчамъ, окорокамъ копченымъ, на брыжи;

Плодь разума спихи ко всячинѣ пригодны;

Со жребіемъ людей судьбой своею сходны.

Всѣмъ общъ намъ къ жизни входъ; въ ней раз-
ны шмы смершей;

Спихамъ въ свѣшъ пушъ одинъ; изъ свѣша спо-
пушей.

Я признаюсь, въ спихахъ я самъ жужжу, какъ
муха:

Но ешо моего не оскорбляешь уха;

Не всякой Папою бышь можешь кардиналь;

Всякъ ждешь, чѣпобъ на него сей жеребій упаль.

Спроси писца спиховъ желаешь ли онъ славы,

Смиреной дасшь ошвѣшъ: онъ пишешъ для
забавы,

Избышокъ въ шомъ лишь дней препроводишь

хопя;

Онъ межъ Парнасскихъ чадъ невинное дыня;

Но загляни сему, шы въ сердце опрочаши,

Тамъ найдешь я Пипъ: стихи мои въ печашни.

Но еспьли дѣло все въ печашни соспоишь,

То всякой грамошѣй въ мигъ можешь бышь

Пипъ;

Поспавъ слова швой въ приспойныя шеренги,

Поди въ печашной домъ, и заплаши шамъ деньги,

Тамъ въ мигъ швой писнушь слогъ и выйдешь

мокрой лисъ,

Ты въ шужь минушу спалъ Сапирщикъ иль

Лирисъ;

Пошоль въ домъ съ вѣчною въ своемъ карманѣ

славой;

Дерзай, шы деньги даль, шы стихошворецъ

правой.

Теперь друзей своихъ къ обѣду пригласи,

И слогъ швой по большимъ боярамъ разнеси;

Блаженспива швоего и возсіяло время,

Смошри, и кануль Лаврь на Спихошворче шема.
 Вошь шайна вся спиховь: рука да голова,
 Червилица, перо, бумага да слова,
 И диволь, чшо у насъ Пиишы споль плодяшя,
 Какъ опъ дожда грибы въ березникъ родяшя.
 Однако мнѣ жалка шакикъ Пиишь судьба
 Чшо ихъ и слогъ споишь не долѣ гриба.

Когдаже всѣ мы шоль не долговѣчны крайнѣ,
 Другой какой нибудь шупъ должно крышя
 шайнѣ;
 Знашь не опъ риємъ однихъ и почныхъ споль
 числа,

Зависишь нашего удача ремесла.

Какъ нѣ, чшо зрѣлица въ шеатрѣ представляють,
 Людми со спороны лицъ скудосшь добавляють,
 Я зрѣль шолпился въ нихъ безграмошной игрокъ,
 Но чшо онъ значишь шамъ? какой его урокъ?
 Пусшь; онъ въ шеатрѣ былъ; и въ плашье на
 ряжался,
 Шошяль съ копьемъ въ рукахъ, и раза съ два
 сражался,

Съ Дмишревскимъ рядомъ шель; кпожь скажешь
онь игрецъ?

Онъ силы дѣйствъ незналъ: такъ почно и пи-
сець,

Какъ пушной на шапръ онь риѣменный вы-
ходишь;

Берешь перо межъ перспъ, и по бумагѣ водишь.

Вошь ешио говоришь, посшавиль я шворогъ,

Такъ долженъ ужъ синоящъ въ другой шпрокъ
пирогъ;

Прибравши такъ слова онь мыслишь здѣлалъ
чудо,

Что предъ чипашеля вдругъ выставиль онь
блюдо.

Со всею худобой нескладицы, бредни,

Слывешъ онь у своей Писапелемъ родни;

Великой умница и со смѣха уморець,

У знапоковъ прямыхъ онь жалкой риѣмопво-
рецъ.

Межъ нимъ и игрокомъ въ шомъ шолько раз-
носпъ вся;

Топь кликнушь въ дѣло бѣль, а епопъ самъ
вплелся.

Обрѣмь; спаненся, имъ бышь въ пеапрѣ любо,
Топь милой съ просна радъ, нашъ писарь буй
сугубо.

Полубоа видишь всякъ, въ дарахъ къ нему скупа;
Онъ мыслишь голова другихъ людей шуна,
И не сошлясь на свѣшь, себя всѣхъ выше спа-
вишь;

Другой кпо спань писашь, онъ къ буйспву
злоснь прибавишь,

Вдругъ вышлеть на шебя спо надписей, Са-
ширь,

Ты смѣль попрясшь его въ умахъ людскихъ
кумирь.

Даснь жаломъ знашь, кпо онъ; онъ колоколь
завонной,

Горацій онъ въ Морской и Пиндаръ въ Ми-
ліонной;

Въ приказахъ, и въ рядахъ, гдѣ Мойка, гдѣ Нева,
Неугомонная шумишь объ немъ молва;

Ходя изъ дома въ домъ онъ самъ ее сугубишь;
 Всѣмъ чепель свои спихи; чужихъ на смерть
 не любишь.

И по сказашь: онъ правъ; кому не миль свой
 шрудъ?

Спихи намъ вмѣсто чадъ; мы мозгъ ломаемъ
 шущь.

Кпо знаешь? можешь бышь, при каждой онъ
 спраницѣ

Пыхшѣль и мучился, подобно роженицѣ;

Такъ, пущь, когда онъ чадъ съ шакимъ шру-
 домъ родинь,

Пущь, машерски на нихъ любуешся, глядинь.

Гляди! лишь не кричи мои другой породы;

Мои какъ Ангелы; у всѣхъ другихъ уроды.

Коль пыбъ за Ангеловъ миѣ ихъ не навязаль;

Я дѣшушекъ швоихъ за обезьянъ бы взяль.

Въ чужихъ они глазахъ шолико не красивы,

Горбашы, сплющены, и хворы и паршивы,

И живосши по нѣпъ, и въ каждомъ при бѣльма,

И мысль по свихнуша, и риема по хрома.

Со всѣмъ увѣчныя и гнусныя калеки;
 Опъ совершенства миль на тысячу далеки;
 Иной бы опъ людскихъ, въ подпольѣ крыль ихъ
 глазъ:

А ты нарочно ихъ всѣмъ суешь на показъ.
 Да какъ же? скажешь ты, мой люди слогъ чи-
 шающъ,
 И хвалящъ; полку въ немъ знашь много обрѣ-
 шающъ.

Я чаю хаживаль ты въ Театральный домъ,
 Комедіаншова въ честь слыхаль въ немъ плес-
 ковь громъ;
 Какъ скоро Князь иль Графъ ударилъ шамъ въ
 ладонъ:

То каждой изъ просныхъ подобіемъ догони,
 Безъ пощаженья рукъ сугубилъ общій прескъ,
 Хопя незнаеть самъ чему сей плашилъ плескъ.
 Спроси за чемъ онъ бьеть; ударилъ, де, вель-
 можа;

Толпа швоихъ чщеповъ, на чернь сію похожа.
 Какой шо шамъ живеть на Мойкѣ Меценашъ

Что пѣспуеешь швой слогъ, а шы шому и
радъ,

И думаешь что въ немъ невѣдь какая здоба:

Но испинныхъ красонь не знаете вы оба;

Не видипь проку онъ кромѣ шебя ни въ комъ;

Причина вся шому что шы ему знакомъ.

Такъ съ Богомъ успѣвай, плѣняй, брашь, прѣ-
сны души,

Безхипроспны сердца гдѣ Мидосовы уши.

Какъ шакъ, шы говоришь, я шлюсь на словаря,

Въ немъ имя шы мое найдець безъ фонаря;

Смопшипко шамо я какъ солнышко блиспаю,

На самой маковкѣ Парнасса превишаю!

То правда қосна желвь шамъ здѣлана орломъ,

Кокушка лебедемъ, ворона соколомъ;

Тамъ монаспырскіе запечны лежебоки

Пожалованы всѣ въ искусники глубоки;

Коль вѣришь словарю: шо сколько есть дворовъ,

Споль много на Руси великихъ Авшоровъ;

Тамъ подлой на ряду съ писцомъ споишь

алырщикъ,

Игумень шупъ съ клюкой, шупъ съ мацами
 башырщикъ;

Здѣсь дьяконъ съ ладономъ, шамъ понамаръ съ
 кушьей;

Съ баклагой збишеньщикъ и водоливъ съ бадьей;

А все шо Авшоры, все мужи именишы,

Да были до сихъ поръ оплошностью забышы:

Теперь свѣшь умному обязанъ молодцу,

Чшо полну ихъ именъ соснавилъ памяшцу;

Въ дни древни, въ шарину жиль, былъ, де,
 царь Ванушо,

Онъ былъ, да жиль да былъ, и скаска шо вся
 шупо.

Такой шо въ едакомъ Писашель жиль году;

Ни спрочки на своемъ не издалъ онъ роду;

При всемъ шомъ слогъ имѣлъ, повѣрьше моло-
 децкой;

Зналь Греческой языкъ, Кипайской и Турецкой.

Топъ умныхъ сполько шо нашкаль проповѣдей:

Да ихъ въ печаши нѣшь. О! былъ онъ гра-
 мощѣй.

Въ семь годѣ цвѣль Фома, а въ едакомъ Ерема;

Какая же по немъ оспалася поема?

Слогъ пылокъ у сего и разумъ шакъ лешучь,

Какъ молнія въ есирь сверкающа изъ шучь.

Сей первой издалъ въ свѣпъ шушпливую піесу,

По почнымъ правиламъ и хохоса по вѣсу.

Сей надпись начерпалъ, а епощъ пашерикъ;

Въ шомъ разума былъ пудъ, а въ епомъ чешверикъ.

Тощъ испинну хранилъ, чшилъ сердцемъ добро-

дѣшель,

Друзьямъ былъ вѣрный другъ и бѣднымъ благо-

дѣшель;

Въ великомъ шѣлѣ духъ великой же имѣлъ,

И видя смершь въ глазахъ былъ мужеспивень и

смѣлъ.

Словарникъ знаешь все, въ комъ умъ глубоць въ

комъ мелокъ;

Разсудковъ и добронъ онъ вѣрный еспъ осе-

локъ.

Кшо съ нимъ вапажился, былъ другъ ему и

брапъ,

Во святицахъ шопъ ево не меньше какъ Со-
крашъ.

О други, что своимъ дивитесь работамъ,
Сю вы памятку читайте по субботамъ!

Когдажъ возлюбленный всероссій нашъ сло-
варь

Плохъ разумовъ судья, плохъ нашихъ хвалъ зво-
наръ:

Ктожъ будетъ цѣновщикъ сложеній стихо-
творныхъ,

Кто сильнъ различитъ хорошія отъ вздор-
ныхъ?

Бери сто разъ перо, и по бумагѣ мычь,

Со всѣхъ концевъ земли къ себѣ идеи кличь,

Три лобъ свой, пружься, рвись, въ мигъ ска-
жущъ наши строки,

Лжедохновенны мы иль истинны пророки.

Оспавъ читашелей судьями думъ своихъ,

Есть Аполлоновы наперсники и въ нихъ;

Имъ шепчешь въ уши Фебъ, чей лучше слогъ
чей хуже,

Кшо въ Иппокренѣ пиль, кшо черпаль въ муш-
ной лужѣ.

Прямой стиховъ шворецъ и шаинственникъ
Музь

Есть шоль, чшо въ жизнь блюдешь съ добро-
шами союзъ;

Изъ сердца испинны, въ другихъ сердца, пре-
носишь,

И ни кого, чшобъ чель спихи ево, не просишь.

Свѣшь знаешь и безъ насъ полезно чшо ему,

Гдѣ сердце зиждешся, гдѣ ница ешь уму;

Пчела не черезъ чуръ виѣшся кругъ навоза,

Любимы ей мѣсша нарцисъ, піонъ иль роза.

Куицы шоварь лицемъ не горломъ продаюшь,

И шолько лишъ въ набашъ, коль нездорово,
бьюшь.

КЪ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЬ
ЕКАТЕРИНЬ ВТОРОЙ.

САМОДЕРЖИЦЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ.

Просни Монархиня, я въ мысляхъ поше-
рялся;

Сколь помню, я равняшь насъ съ Вами умудрялся,

И Царь не знаю какъ изъ глазъ моихъ исчезъ;

Куда ты жаръ меня безвременной пронесъ!

Какъ рьяный конь когда почуветь вожжи слабы,

Несешья чрезъ бугры, колоды, пни, ухабы,

Покамѣшь головы не сломишь ѣздоку;

Посмотришь; и лежашъ ужъ оба на боку:

Такъ мыслей въ шоржеспивѣ Пипишь впередъ спре-
мишся,

И паромъ пошовымъ Пегазъ подъ нимъ дымишся;
 Онь дѣла опскакавъ на выспрѣль вдругъ ядра,
 Онь самъ себѣ кричинь онь радости: ура!
 Пока, средь мнимаго шріумфа опрокинушь,
 Очушишся въ попи, съ Парнасскихъ горъ низ-
 ринушь.

Что лучше бѣглыхъ думъ? держи и ихъ въ уздѣ;
 Сколь швой ни жарокъ конь, послушень будь
 бродѣ;

Топь долженъ умѣряшь свои въ спихахъ поѣзды,
 Кпо взничъ лежа, щипашь не хочешь въ небѣ
 звѣзды;

Подвержень я шеперь нещасію сему,
 О Музы, Аполлонь! что я предпріиму?
 Весь огонь мой, какъ зарядъ, на воздухъ лишь
 изшраченъ;

Мой разумъ какъ корабль безвѣпріемъ захвачень.
 Ужь Фаешоншовъ я вкусилъ онь чаши рокъ,
 Боюсь прибавляшь внѣ дѣла пышныхъ спрокъ:
 Но ежели парить опасно къ небу пшахой,
 Что мнѣ мѣшаешь полсть смиренной черепахой?

Что пише ъдешь, де, по далѣ можешь бышь;
Я въ самой тихой шагъ свою умѣрю прышь.

Какъ млечный пущь Боговъ прекрасень, равень,
гладокъ:

Такъ равномерный слогъ согласень, плавень,
сладокъ; *

Не даромъ онъ вездѣ божественнымъ слыветь;
Какъ ушка въ немъ Пийшь не пряхнется, плыветь;
вепь;

Какъ тихая рѣка, что брегъ безшумно моешь;

Какъ поченый кубарь, что спя на мѣснѣ воешь;

Какъ мусленой варгань, что понь одинь даешь;

Какъ спыла каменка, что влагу ужь не пьешь;

Какъ ржавое ружье, что съ полки все срываешь;
ваешь;

Какъ спарой мѣхъ, что жаръ на силу раздуваешь.
ваешь.

Симъ слогомъ я пойду опасности пущь нѣпъ,

Кпо плѣжешь по земли, уже не упадешь.

Чтобъ нѣжность всю соблюсь, и Рифмѣ бышь
богашой,

Мнѣ вмѣсто соловья хопъ быкъ вались рогашой;
 Вонъ изъ моихъ стиховъ нескладны письма,на,
 Рцы, цы, съ шоварищи, ихъ вымолвка прудна.
 Ты разноцвѣтной лягъ спрока моя долиной,
 А ты подруга ей какъ хвостъ шянись павлиной;
 Спань буква съ буквой въ рядъ, какъ низаной
 жемчугъ;

Въ моей горсти сердца, коль обморочень слухъ!
 Хотя бы смершныя волками огрубѣли,
 Все улюлюкаю какъ дѣшокъ въ колыбели;
 Неслыханны доднесъ подѣю чудеса,
 Возчувствують меня и доль и небеса;
 Преспанушь вѣпры душъ и воды колебанься,
 Ушьми чпобъ досыща музыки нахлебанься;
 Медвѣди, шигры, львы, услыша нѣжной шонъ,
 Повѣсять морды внизъ, и возьмушь угомонъ.
 Всѣ пшицы по лѣсамъ среди весны умолкнушь,
 Не вздохнешь горлица и соловьи не щолкнушь.
 Съ Кавказомъ на Неву вдругъ двигнешся Рифей,
 Альпъ, Ешна, Апеннинъ, ихъ сорвешъ съ мѣсть
 Орфей.

Фебъ спанеть надъ моимъ, какъ вкопаной, зе-
нипомъ,

Бряцанья моего припянушый магнипомъ;

Цѣльные нсы сомкнушъ крикливу плошно паспъ;

Но связанъ мною воръ и не помыслишъ краспъ;

Колеса въ мѣльницахъ, и жорновъ камень спа-
непъ,

Ни капелька воды черезъ запрудъ не канепъ;

Упихнепъ молоповъ по наковольнѣ спукъ,

Вдругъ выпадешъ шопоръ у плошниковъ изъ рукъ;

Шлящіе дрова свою музыку кинушъ,

И шеи искривя, безгласны, рпы разинупъ;

Сильные опя обыметъ Турка дуръ,

Лишь будешъ Россъ въ ружьѣ любитель вѣчный
буръ.

Гоповися внимапъ сладчайшей гласъ Сирены,

Мнѣ кажешся у всѣхъ заране шаюпъ члены;

Всѣ жмурапъ ужъ глаза, всѣхъ вяжешъ крѣп-
кой сонъ,

Храпяпъ: я бдю одинъ; комужъ внимапъ мой
шонъ?

Такъ развѣ, какъ плохой съ кааерды проповѣд-
никъ,

Всѣмъ спящимъ, самъ къ себѣ я буду собесѣд-
никъ?

О нѣшь! нѣшь! красшь сердца сей способъ силь-
но плохъ,

То выспушь ракова, и черепашной слогъ;
Одной избывь, я, палъ въ другую неудобность;
Колико трудно знашь и малу вещь въ подроб-
ность!

На мѣшу смошримъ всѣ, спрѣляемъ всѣ въ одно:
А средоточія коснушься мудрено.

Бѣда, коль попуспу шумишь швой спихъ какъ
море,

Какъ омушь шихъ споишь, и шо опяшь все горе.

Не радъ, чпо въ риѣменной я промысель вилелся,

И за оно спрокъ предъ симъ Пинпомъ назвался;

Нась учашь, какъ спихи бышь должны плавны,

сладки:

Но для меня сіи всѣ правила загадки.

Коль хочешь говоряшь шы риѣмою блиспашь,

Возьми перо пиши, лишь быlobь что чипашь;
 Слабъ въ мысляхъ или швердъ, по сихъ поръ шо
 не видно;

Коль мышъ родить гора тебѣ же будеть спыдно;
 Ты пишешь, буйной шпросъ опвагѣ не вѣрай,
 Сколь жаръ швой ни великъ, разсудкомъ умѣрай;
 Торжештвенъ огонь хорошъ, пожары ненавистны;
 И слоги, жупеломъ что пахнушъ, некорыстны;
 Коль нужда позовешъ, какъ хочешъ зареви,
 Хощъ всю порохову шущъ мыслей подорви:
 Блюдись лишь, коль тебѣ еще гдѣ должно вспых-
 нушъ,
 Чшобъ прежде времени со срамомъ не уших-
 нушъ.

На каждо духъ одинъ сложенъе разливай;
 Опъ ложныхъ испинны красы распознавай;
 Безъ дѣла словъ не множъ, будь мыслями оби-
 лень;
 Высокъ и вяшенъ всѣмъ, и крашокъ вдругъ и
 силенъ;
 Владѣй языкомъ, риешъ въ загорбокъ не шолкай;

Непривужденнымъ спихъ реченьемъ замыкай;
 Безъ испытанія не оставляй ни спрочки,
 И полни смысломъ всѣ и запяты и почки;
 Не къ спашу не клади, ахъ, и, еще, увы;
 Блиспай приспойностью опъ ногъ до головы.
 Я шлюсь шеперь на свѣпъ; не шѣсныяль границы
 Назначены судьбой для нашей колесницы,
 И какъ, помилуйше, не сбипся шупъ, съ пунни,
 Упругаго коня коль сильно ни круни?
 Идеями себѣ лишь шолько пупъ угладишь,
 Лишь впрячь и покашишь, анъ съ мѣрой словъ
 несладишь.

Размѣришь пальцами для вѣрности слова:
 Анъ Риема въ спихъ неидеть; впрягай все съ
 изнова.

Ты риему какъ нибудь хопъ за власы припя-
 нешь,
 И кажешся уже шеперь шо сильно грянешь;
 Поѣхаль, поскакаль; ббешъ лошадь изъ тужей;
 Посмопришь, здравой смыслъ не держишь ужъ
 вожжей,

Но шупь ли нашего предѣлы мастерства?
 Всмотрись не разишся оно опь колдовства.
 Ты индѣ, говоряшь, шо къ небу вознесися,
 То въ преисподнюю слетѣши покусися;
 Вдругъ здѣлайся шальнымъ, и чшо нибудь за-

грѣзь:

Однако не бѣсись и на спѣну не лѣзь.
 То кинься къ Западу, шо къ Сѣверу и Югу,
 И здѣлай въ воздухѣ мешелицу и вьюгу;
 Бушуй и пѣнь моря, ярьсь и сосны рви:
 Но съ разумомъ пугай, съ приспойностью диви.
 Повѣдай испинну, и будь ея зеркало:
 А безъ шово швое какъ мѣдный шазъ бряцало.
 Въ иныхъ спихахъ Невой иль Волгой зашуми
 И новымъ слышншихъ волшебствомъ изуми;
 Опь общей низкости возвысь швой смыслъ и

рѣчи,

Плѣняй и просвѣщай шѣмъ души человѣчи.
 Чудесной лабириншъ изъ замысловъ сославъ:
 Но къ шой же шочкѣ всѣ околицы направъ;
 То выпусти весну, шо молнии и громы;

Часть III.

Туть вновь построй, шамь рушь, и башни и
хоромы;

Бездушну шварь душой, какь Богь вдохнови;

Во бышіе чево нѣшь въ свѣшѣ, призови;

Все что прекрасно ешь велико и чудесно,

Вь сложеніи швоемь заспавь блиспавь совмѣсно.

Сокровище души богатой обнажи;

Ошечеспва любовь ошечеспву кажи;

Увѣрь сограждань, чье она перо предводишь,

Толь мысли важныя, и путь вь сердца находишь.

Та спихошворнаго подгнѣша ешь огня;

Та лучше нежели Пегазовь шесперня;

И словомь: разцвѣши свои, чѣмь можешь, пѣсни,

Спрѣлай, шуми, реви, хошя съ надсады пресни.

Смопри, пожалуй, сколь намь спрогь кладушь

законь:

Не шашки по мѣспамь, не бабки спавишь вь конь!

Слова шупь должно класшь какимь шо чуд-

нымь спроемь;

Изь мозгу думы славь, какь пчель изь улья,

роемь,

Чпобъ ими каждая спрока быма гуспа;
 А чѣмъ ее набѣшь, какъ жипница пуста?
 Кричань: пали, пали, а пороху ни крошки,
 Мечись въ подобіи угаромъ пьяной кошки.
 Воображеніе, шо правда, горячо,
 И знаю, чпо подвысь, къ ногѣ, и на плечо;
 Въ идеяхъ непочпо класнь на природу пени,
 Они въ моей главѣ какъ въ царствѣ мершвыхъ
шѣни,

Тѣснясь, давясь, коньшупсь, кишань,
 И сами выскочипь изъ шѣмы на свѣнь спѣ-
шань:

Да шупь какая шо лѣнишь ихъ естѣ умовка,
 Вопь епо шолько мнѣ велика оспановка.
 Пока онѣ въ мозгу, картина хопь куды,
 Лишь на бумагу внесь, курячьихъ ногъ слѣды.
 Имъ надобно дашь цвѣпть, размашку, живоспѣ
шѣло:

А епо скучное для бѣглыхъ мыслей дѣло.
 По шѣмъ же все чершамъ шы киспю води,
 На живопись свою разь шысячу гляди.

Видь ека приснальность, хопя ково шакъ
взбѣсипь;

Кпо шакъ ужь каждую пылинку почно вѣсипь?

Что нужды, какъ нибудь, не шопь же ли все
Спась,

Хопь Рафаиль, хопя работалъ богомазь?

Я Ангела пишу: пуспь въ видѣ онь Арапа,

Для сходсшва, вмѣсто ногъ, медвѣжья пойдешь
лапа;

Лишь былъ бы спашень въ немъ и соразмѣрень
рощь,

Прибавлю въ шоропяхъ ему я сзади хвощь;

Въ прикрасу, мохнами одѣну чорной шерспи;

И спаль онь какъ Адамъ изъ свѣжей создань
перспи.

Теперь придашь крылѣ; шакъ всѣхъ и обману,

Кпо смѣешь Ангела приняшь за Сашану?

Связь думъ моихъ сама, всѣмъ чшущимъ нашу
книгу,

Даспь знашь, что должно шупь шшояшь Ар-
хисшрашигу;

Хопяжь бы кто на насъ за шо спаль пени
 класль,

Другими лѣносшьми порокъ сей можно скрасль;

Ужь индѣ Сапану украсиль лъзя поглаже;

Предсшавиль безъ хвоспа, безъ рогъ, въ лучахъ,
 не въ сажѣ;

Такъ можешъ чпець и самъ ихъ плашье раз-
 мѣниль,

Да ешь же правило: внезапосшьми дивиль;

А что внезапнѣ, какъ дьяволь не съ рогами,

И Ангель бапюшко съ медвѣжьими ногами?

Что онъ чернехонекъ, въ шомъ винень свѣтъ
 не шы;

Ешь царсшва, черные гдѣ праздничны цвѣшы.

На хвоспъ его на шерсль, на каждую спранну
 чершку,

Кто не дуракъ найдеть приспойную уверхку.

Съ хвоспомъ онъ для шово, что крыльями
 снабдѣнь:

А пшиць безхвоспыхъ родъ шобою не найдень.

Когда лешаешъ онъ, такъ что сна за причина

Хопъ хвостъ бы у него шащился въ при ар-
шина?

Кшо взглянешь на шаку каршину не хуля

Гдѣ съ парусы корабль написанъ безъ руля?

Чшо можны, шерсть на немъ? видъ перья шо и
пуха;

Какъ началъ шакъ уже рядишь и кончи духа.

Хопяжь прикрышь ему и пудрою власы,

И шо, мнѣ кажешся, не поршишь въ немъ
красы;

Пряшность въ зрипелей, чшобъ все на немъ
вдыхало,

Не худо въ руки дашь ему и опахало;

А бѣса чопками съ канунникомъ снабдишь.

Догадку можешь шо въ чипашеляхъ родишь,

Кшо поумнѣе въ нихъ, шопчасъ и прошолмачишь,

Чшо Ангель красопу, бѣсь, лицемѣра, значишь.

Между спихами, 'Одъ нѣпъ лучше да Поемъ,

За шѣмъ чшо родъ сей полнь гадашельныхъ
Емблемъ;

Не Исо шупъ, Ерокъ, кавыка, иль варія

Все Ероглифика да все Аллегорія;

Пипись ни пычки вонь Египетской мудрецъ;

Задачи онъ даешъ, рѣши хонь лопни чпець.

На время, шакъ сказашь, изъ свѣсна онъ уходишь;

По солнцу, по лунѣ, по всѣмъ планешамъ бро-

дишь;

Ты въ рай за нимъ лепишь, а онъ уже въ аду;

Ты въ адъ, анъ въ вешошномъ полчепся онъ ряду;

Ты въ рядъ, при Испрѣ онъ уже изъ пушекъ

жаришь,

То въ полишавры онъ, шо въ барабанъ ударишь;

То на Иванѣ вдругъ великомъ чудесишь,

Во всѣ колокола опупавшишь звонишь.

И шешерева чшобъ пронзишь глухова уши,

Ошъ деревенской гласъ заемлешъ онъ кликуши;

То пришворясь хранишь; онъ будпо изнемогъ,

То вдругъ средъ улицы въ коровій прубишь рогъ;

Виншовка вдругъ набашъ, гремушка и шумиха,

Берешъ въ дишканшь и въ бась, и вопіешъ из-

лиха.

Какъ яспребъ голубей врозъ начнешъ думъ пы-

ряшь,

И возмешь по спрокамъ шуда сюда ныряшь;
 Опъ вѣка не было шакова водолаза,
 Онъ промежь ногъ уйдешь у Аргуза споглаза;
 Преображаешся и жабой и ужомъ;
 Тупъ шянешь бичевой, шамъ жилился гужомъ;
 Всѣ вровъ! кричишь, всѣ врозъ! всемирна ѣдешь
 слава!

Чшо шамъ? пронулась въ пупъ сущесивъ ево
 арава:

Русалки, Лѣшіе, Кикимры, Домовы,
 Пешры злашихъ ключей, Ивашки и Бовы,
 Перунъ и Вѣшпрогонъ, и Дидій Лада,
 Всѣ Дуси воздуха, земли, небесъ и ада,
 По роспу, спаршинспву, заслугамъ и чинамъ,
 Какъ кликаны въ его спихи по именамаъ.
 Всѣ ѣдушъ, всѣ кашяшь, какъ масленица спройна,
 Всѣ шакъ склочены какъ чорспвая избойна.
 Тупъ на одномъ Пийшь канашъ, какъ воровъ
 Поиманныхъ, ведешь на кашоргу Боговъ;
 И се въ овчинномъ Дій наизворопъ шулупъ,
 Бокъ о бокъ прыгаешь Ега съ нимъ баба въ
 спулъ;

Спрашають мечпаніе, шопь громомъ, па пѣ-
спомъ:

Лишь осѣняйся чпець большимъ опъ нихъ кре-
спомъ;

И шо и дѣло чшо швори, швори, молишву,
Чшобъ духамъ симъ шебя не предашь Богъ въ
ловишву;

Ложася спашь, свой одръ креспомъ же ограждай,
И сновидѣніе ихъ шѣмъ предупреждай.

Какъ по землѣ чпецовъ мечпанье напугаешь,
Колдунъ нашъ по морю какъ по суку шагаешь;

То высунешь изъ водъ Нереея съ кочергой,
То съ изумрудною женоу его серьгой;

Поснавишь имянно и вѣсь шоя и цѣну,
Не докончавъ одной другую кажешь сцену.

Какъ носяшь часпныя подачи брюху въ дань,
Хопъ ѣспь не хочешся, изъ за спола не вспань:

Такъ разными шебя онъ блюдами замечешъ,
Поѣшь пожалуй гопшь, безъ успали лепечешъ.

А коль разсердишся, незнамо для чево

Вдругъ въ десяти спрокахъ не скажешъ ничево:

Кошь нѣшь стекла, окно бумагой залѣпляющъ;
 Припомъ, изъ ничево, онъ дѣлалъ сіо и по,
 Такъ здѣсь ужъ вопреки изъ многова ничшо;
 Анъ все шаки видна въ немъ шворческаая сила,
 Чшобъ кришика на шо проклята ни гласила!
 Сей Риемоборницъ въ мигъ можно рошь зажащъ.
 Какъ! Вдохновенника, Пророка обижащъ,
 Чшо онъ Каспальскихъ водъ пьянь ходищъ
 безъ просыпу,
 Юродспвущень, блажищъ, и мелещъ безъ посыпу.
 Великій Аполлонъ! всманъ бапюшко, проснись,
 Напасшвущень швой другъ, за лукъ рукой шро-
 нись,
 Рази продерскую злодѣйку безъ опсрочки,
 Такъ кровь бы изъ нея свисшѣла какъ изъ бочки!
 Мечнаю? или мой услышанъ Фѣбомъ спонъ;
 Се чшо шо зрю вдали, онъ, мой кормилецъ, онъ!
 Шлемъ на бекрень, хребещъ опягощень кол-
 чаномъ,
 Чшо схожъ величиной со пивоварнымъ чаномъ.
 Сшрѣлилъ безъ промаху, и кришика мершва;

На верьхъ желаннаго я взбился шоржества.

Ахъ! не пусшья ли мой умъ объемлюшь грезы?

Ахъ! дрожь меня берешъ, и прошибаюшь слезы;

Жива безсовѣспна наѣздница, жива,

Солгаль мнѣ Фебовъ лукъ, спрѣла и пшпива!

Не ядомъ бранныхъ словъ, не желчью опол-

ченна,

Но въ лапы грознаго разсудка облеченна,

Опяшь прошивъ меня какъ буря восплаешъ,

Сквозь звукъ моей прубы и лиры вопіешъ:

Что шы, гласишь, Пѣвецъ, парнасской полонь

спѣси,

Кричишь пакъ, пьянаго во образѣ Елеси?

Когда слова швои на риемы положиль,

Ты думаешъ, шѣмъ свѣшь невѣдь какъ одолжилъ,

И за нескладную пшпи спраниць работу

Желаешъ чшобъ шебѣ поспавили кшпшу?

Нѣшь! еша пѣсня, другъ, чрезмѣрно далека;

Ты не Пшпль: швой слогъ болошо не рѣка.

Предавшишь думъ своихъ неукрошимой бурѣ,

Ты не послѣдуешъ разсудку и натурѣ;

Ворвась во верхоградъ, игривое козля,
 Лишь шолько порпишь, что произнесла земля.
 Изъ бездны Богъ возвелъ шоль чудную махину;
 Всѣ въ ней шворенія расположилъ по чину;
 Въ спихахъ швоихъ сей мѣръ, сколь ни прекра-
 сень, весь

Та древняя опять и безобразна смѣсь.

Съ наслышки говоришь пы въ рѣчахъ какъ
 сорока,

А прямо своего не вѣдаешь урока;

Коль пѣшь, и дичь нести все шрудность ужъ
 одна;

Не пей Каспальскихъ водъ иль черпай ихъ со
 дна.

Когда пѣшь надобно другихъ наукъ съ запасомъ,
 Такъ не ужели мнѣ разспахься въ вѣкъ съ
 Парнассомъ?

Неужто громкую и лиру и шрубу,

Въ шѣхъ роцахъ и лѣсахъ повѣсишь на дубу,

Что гласу моему плясаньемъ ошвѣчали,

Мешались кувыркою и корнемъ въ верхъ шор-
 чали?

Коль шакъ, для опыту еще я грохну разъ;

Внимай подсолнечно шебѣ знакомой гласъ.

Залириль! движуль шварь? да пляшешь скомо-
рохомъ.

Надулся весь, гремлюль? да какъ пузырь съ го-
рохомъ.

Проваль же инь возьми вашъ громкой пышной
слогъ,

Давнобъ прагедіей прославишья я могъ;

Тушь все проспехонько не пыщишься, не
душься,

Въ кошурны молодцу диковинкаль обушься?

Подъ ними шолько вишь высоки коблукы,

Какіе на Руси всѣ носяшь Гайдуки.

Я право смасперю, мнѣ дайше шолько сроку,

Вишь лихо первую поспавишь ладно спроку,

А шамъ ужь чшо въ умѣ все будешь на гумнѣ;

Да! я бишь позабыль, кусь ешопъ не цо мнѣ.

Тушь какъ шо лицъ насшавъ, и въ плашье пере-
кушай,

Сплеши волшебной узль да и опяшь разнушай;

Представь коварнаго собою играца,
 Хошь каршу прогложи да выиграй сердца;
 Съ комедіяншами пускайся въ хлѣбосольство,
 И часто отпраляя съ поклономъ къ нимъ по-
 сольство,
 А по дурной плевокъ, нескладной взглядъ очей,
 Испоршишь въ мигъ одинъ премногихъ трудъ
 ночей.
 Я видѣль, какъ на смѣхъ Принцеса шамъ пле-
 вала,
 И печень бѣднаго Пиппа надрывала;
 Въ самомъ подложіи къ орхеспру онъ сидѣль,
 Какъ въ небо Аспрономъ, на куколь сихъ гля-
 дѣль,
 Иль гладный песь когда обѣдаешъ хозяинъ,
 Онъ корчился, блѣднѣль, и пряся аки Каинъ;
 Но чшожь? народъ сказалъ: охъ! шшука по
 плоха;
 Мы ждали всѣ слона анъ вышла спа блоха;
 Для слѣдствій Трагику погдашнему печальныхъ,
 Опасень опышь мнѣ сложеній шеапральныхъ.

Такъ видно баснями безсмертія искашь,
 Вся вымерла душа, давай геро черкашь.

Была жила овца, овца была кургуза

Иль съ маленькимъ хвостомъ, однако не безъ
 пуза.

Вошь двѣ спироки и еспь; вишь видно ужь писца;

Ну! чтожь еще сказашь? да, шакъ: была овца

Невинна, смирененька, хорошенька овечка;

Бывало ѳспь праву, не молвишь ня словечка.

Вошь ужь и два спиха, чай епо взяли въ шолкъ.

Ну! въ евпу по овцу влюбился сильно волкъ,

И какъ смиреніемъ овечьимъ не плѣнишься?

Онъ безъ приданова хопѣль на ней женишься;

Женишься онъ хопѣль; о слогъ мой какъ пещошь,

Одна рѣнь за собой другую волочощь!

Женишься онъ хопѣль, и все гошовиль къ свадьбѣ;

Назначиль въ коей жишь съ женой ему усадьбѣ.

Однажды на овцу безъ паспуха напаль,

И лапкою ее по шерсни попрепаль.

Какъ! попрепаль, пошпой; шунть кажешся не
 складно;

За волка выдавать овечью дочь не ладно.

Такъ можно дашь другой сей баснѣ оборопь:

Быль волкъ, была овца, у нихъ обѣихъ ропь,

Такъ были часпья съ овцой у волка драки;

Бошь на! овца дралась; и шо опяшь все враки.

Тѣфу пропасть! мудрено: была жила овца,

Быль волкъ, шо разъ шверди: а баснѣ нѣшь

конца.

При сочиненіи, вишь шо шо мнѣ и чудно,

Все просто кажешся; примись писань, и

шрудно;

Добро бы, я на, вкусъ попась не наровиль;

Ужь на ешо догачь! всѣмъ Богъ благословиль.

Самъ слышу, что меня какой шо духъ пред-

водишь,

И въ жилахъ кровь моихъ подобно брагѣ бро-

дишь;

• Какъ курица съ яйцомъ клохчу, ношусь вездѣ;

Незнаю въ коемъ лишъ изъ многихъ сѣспь гнѣ-

здѣ;

Во всѣхъ подослана крапива да репейникъ,

Часть III.

10

И я при всѣхъ дарахъ плохой спиховъ запѣй-
никъ;

Коль горько на чужой смотрѣшь съ досадою
шрудь

И чувствовашь въ себѣ къ шомужь безъ проку
зудь!

Тутъ какъ шо, врагъ возьми, смычкомъ по ли-
рѣ шаркай;

Здѣсь дуй въ шрубу, шамь плачь, а шамь вор-
оной каркай.

Въ возможны образы свой голосъ измѣнй;
Бурлацкимъ пѣнемъ здѣсь, шамь Ангельскимъ
пѣннай.

Преображай себя въ гадовъ, въ чешвероногихъ,
Въ бездушныхъ, въ дышущихъ, въ рогатыхъ и
безрогихъ.

Что дѣлашь? вижу самъ, коль шрудень къ сла-
вѣ пушь:

А сильно хочешся къ чипецамъ закрасься въ
грудь:

Радъ въ рай, да многія пославлены мышаршва;

Мозгъ полонъ Риѣмъ: а все виѣ Риѣменнаго цар-
сва.

Такъ семь-ко безъ чиновъ, не муча долго думъ,
Все на бумагу класшь, что ни взбрѣдешь на умъ;
Кто знаешь? можешь бышь шупъ выдѣшь дивна
шпука;

Премногихъ въ знашь ввела удача не наука.
Пловцы по вѣпру мчасъ находяшь оспрова,
Авосьлибо и я всѣ спавя сплошь слова;
Высоки, niskiя, слогъ новъ найду въ сей смѣси,
И шѣмъ прославлюся чрезъ всѣ града и веси;
Не плюй Зевесъ дождемъ, я въ Риѣмахъ ворожу;
Не байте смершные, вамъ пользу горожу.
Се! вижу девять Музь и Аполлонъ десяшой
Съ лопушникомъ въ рукахъ, съ пешрушкой,
лавромъ, мяпой,
За новой вымысль бредушь меня вѣнчашъ,
Что способъ я нашель щоль сладосшно брен-
чашъ.

Ахъ! обманулся я, по Риѣменные вои,
Парнасса Вишязи, изъ словаря Герои;

Какое множество винъ, бубень и жлудей!
 Не сполько подъ Донскимъ о праздникъ людей,
 Или на прехъ горахъ, на ярмонкѣ иль рынкѣ;
 Всѣ льнушь къ моимъ спихамъ какъ мухи съ

медомъ къ крынкѣ,

Всѣ на гошовую сленающся корысть,
 Безъ милосердія щипашъ меня и грысшь.

Весь слухъ мой заглушень, шумливостью ихъ
 брани;

За чѣмъ пы не въ свои, кричашъ, садишся сани,
 Споль много враль, и вракъ по сихъ поръ не
 скончалъ!

Простите бапюшки, Петазь меня замчалъ;
 Да мнѣжь какъ спалъ, писашъ явилася богиня,
 Въ надеждѣ на нее я вхалъ рошъ разиня.
 Нѣтъ! пы безвременно здѣсь припворяешъ шалъ.
 А! такъ проспипелень лишъ вамъ знакомой
 враль.

Здѣ ползающій спилъ опнюдь не по дорогѣ.
 Такъ лучшель въ пышномъ ложъ какъ правда въ
 нискомъ слогѣ?

Твой дурень слогъ, шебя мы можемъ приперешь.

Нѣшь! онъ хорошь я въ пошь гошовъ хопъ уме-
решь.

Къ Монархамъ шакъ писашь всѣ запрещающь
книги.

На спихошворчій умъ кпо смѣешь класнь ве-
риги?

Ешъ правила на все, и славны образцы.

Да онымъ лихъ не всѣ послѣдуюшь писцы.

Инь буй пы, и шебя лишь спрасшь одна уно-
сись!

Такъ чпожь? на глупенькомъ и самъ Господь не
спросись;

Пишы въ запуски, въ учономъ свѣшѣ врушь:

Однако же за шо съ нихъ пошдинь не берушь;

На рынокъ сей ходишь нѣшь никому запрешу;

Кпо грамошень, пиши, не подпадешь опшвѣшу.

А еслибъ пеней всякъ за слогъ свой, опшвѣчалъ;

Я грѣшной не одинь въ шо время бы молчалъ;

Да лихъ по щаснью, намъ все опдано на волю;

Довольно; я Пишь, я брежу, чпо изволю;

И въ шпомъ по сходспвуешъ со царской наша
 часпъ,

Чпо въ рнемахъ намъ дана велика очень власпъ.

Сего о сверспники! вы права не перайште,

И вздоры вздорами сугубишъ ускоряште.

Коль радоспень поймавъ ушедша зайца псарь,
 Я радъ, чпо вынырнулъ въ моемъ сложеньи Царь,
 Чипапшель, чаю, всякъ, искуспво по примѣпшилъ,
 Какъ я разспался съ нимъ опяпъ ево какъ вспрѣ-
 пшилъ;

Внѣ дѣла исписалъ бумаги съ полспопы,

Однако до своей допнался же пропы;

Кпо знаетъ, какъ виляпъ, попъ пишешъ не
 безъ вкуса;

Кпо дѣлу настоипъ, по ужъ и видно пруса.

Онъ лезешъ на Парнасъ, какъ спущанъ въ кандалахъ

А смѣлой удалецъ лещаешъ на крылахъ

.

Возшоржеспвуй мое по харпни перо!

Пущпъ видишъ свѣпъ, коль пы на почерки оспро.

Рисуй, опяшь рисуй Шипковъ превосходство,
 И наше довершай съ Царями леснио сходство!
 Здѣсь чешь шово, шебя кто держишь про-
 между персть ;

Промчи меня, Пегазь, промчи еще съ пянь
 версть!

Миѣ ѣхашь въ рядъ съ Царемъ достоинство за-
 видно.

Ахши! но что шо ужь подобій пѣхъ не видно;

Миѣ вспала разница межь скишпра и ума,

Что часно въ жизни намъ спутьшествуешь
 сума ;

И мы сердечныхъ чувствъ глаголемы владыки,

Цари людскихъ спрасней одѣянные въ лыки,

На преизящные надѣяся спихи

Гордимся слово какъ Индѣйски пѣшухи;

Какъ распушаемся! какъ фыркаемъ бормочемъ!

Насупивъ бровь ни съ кѣмъ и говоришь не хо-
 чемь.

Пусть шощи наши сунь всѣ закромы, лари,

Спяжавцы мы ума и слѣдственно Цари.

Хоть крошость и самихъ Монарховъ украшаетъ,
 Богаша Риема намъ бышь крошкими мѣшаетъ.

.

Блеснула Риема въ свѣшь, на что ужъ въ серд-
 цѣ Chesъ?

.

Да ужъ добро бы мы хвалилися умишкомъ,
 Коль былобъ въ насъ его, до удивленья съ лиш-
 комъ;

А шо, по истиннѣ, иной какъ бубень голъ:

А хорохорится какъ въ яхонтахъ Моголъ.

Во снѣ и на яву швердишь ему спрашь въ уши,
 Всѣ плюнушь; ты одинъ плѣнишь сердца и души;
 И шушь шо мы уже свѣшь въ запуски смѣшимъ,
 Какъ впиюришься одни въ безсмертнѣя храмъ спѣ-
 шимъ,

И изъ каспальскаго одни ручья лакаемъ,

. и всѣхъ другихъ брыкаемъ;

Какъ съ недогложеннымъ носяся песь мосломъ,
 Коль будешь окружень другихъ собакъ числомъ,
 Онъ спервишься, ворчишь, и зубы оскаляетъ,

Бросается на всѣхъ и часпо уязвляеть:

Подобнымъ образомъ ревнипелый Пиппъ,
 Которой грудью всей за честь свою споиптъ,
 Коль возьмешь въ руки просптъ и, аки книж-
 никъ, пишеть,

Ко всѣмъ онъ сверспникамъ, въ по время, зло-
 бой дышеть;

Ему лишь, шакъ сказаптъ, опъ Музъ сей данъ
 мосоль;

Онъ чрезвычайный ихъ къ безграмапнымъ по-
 соль;

Самолюбивоспи оправой упоенный,

Хопъ Музы любяптъ миръ, всѣмъ кажетъ духъ
 военный.

Война, любимой нравъ Парнасскихъ храбрыхъ
 чадь,

Что значиптъ каплющій съ ихъ перій чорной ядь;

Вооруженные ругашельспвами Ямвы

Желчь: проза, надписи, сапиры, Диэирамвы

Не самолюбіель, не гордосптъ ли и злосптъ?

Что мечъ у бѣшеныхъ, въ рукахъ по нашихъ
 просптъ.

Смощря на брань Пшпшь, подобны бабшмь смущшы,
 Кшо не подумаетшь, чшо мы изрядны шущшы,
 Чшо передь публикой безденежно глумя,
 Другъ друга пшпшми безчеспшя клеймя,
 Шалъемь бѣдненькш обѣвшшсш дурману,
 Ядъ дѣлаешъ въ насъ мысль не ключъ Каспаль-
 ской пьяну?

Какъ! шѣ вѣщающъ чеспш, чшо сами сполько злы;
 Смиренью учашъ свѣшъ бодливые козлы;
 Слухобаянншкш, въ прекрасномъ шѣлѣ бѣсш,
 Умонеисшовцы, презрѣнной полны спѣсш!

О шш Сшвщлль родня, Делфшйска Бога внучъ,
 Надушый мерзоспшнымъ киченшемъ паучъ,
 Пшпшь! чшо кромѣ Ршемъ, не видишь далѣ носу
 И съ Аполлонова весь свѣшъ ругаетшь спросу
 Скажш рабамъ швоимъ, когда шобѣ досугъ
 И упраздненъ опъ Ршемъ швой дшвншй умъ и
 слухъ,

Скажш подъ коею родшлся шш планешой
 И коей разншсшя опъ грѣшншхъ насъ примѣшшой!
 Меркуршй моему рожденью предсѣдалъ,

Онъ мнѣ спихи писашь искусство дивно даль.
 Такъ не ужели намъ вмѣнять тебѣ за Папу,
 И цѣловашь твою, во знакъ почтенья лапу?
 Конечно пакъ! не яль свѣшь вашимъ очесамъ?
 Да шы, сударикъ нашъ, какъ сажа чорень самъ.
 Чпо нужды, былъ бы спихъ; я въ прочемъ не
 въ опвѣштѣ.

Вопшь, риема у него осьмое чудо въ свѣштѣ!
 Спасибо и за шо, хошя онъ самъ дуришь,
 Другихъ за шалосшь онъ опечески журишь;
 И мыслишь всякой разъ онъ сполько душъ испра-
 вишь,
 Сколь много на письмѣ богатыхъ приемъ по-
 спавишь;
 Чпо риема, шо душа; а приемамъ щопу нѣшь;
 Щитай же сколько душъ? имъ весь исправлень
 свѣштѣ;
 Кпожь смѣеть ужъ ево къ смиренію принудишь?
 Когда онъ приемами могъ сполько душъ наудишь;
 И чпо ни видимъ мы на Сѣверѣ добра,
 Все епо опъ его раждаешя пера.

Судьи храняшь законъ, онъ ихъ за взяпки жа-
лишь;

Солдаты мрушь съ ружьемъ; онъ въ одахъ храб-
роснь хвалишь;

Слуга боярину почтение воздаешь;

О долгъ семь въ спихахъ онъ нравственныхъ
поешь;

Что вещи всѣ пекушь, и не перяюшь чина,

Тому, какъ явсивуешь, спихи ево причина.

Ну что, коль едакой дѣшина да умрешь,

Какой послѣдуешь всей подселенной вредь!

Какъ ось подломишся, не ѣдешь въ даль
кареша:

Такъ спанешь все, когда онъ будешь взяшь изъ
свѣта.

Лишь только было онъ злопой возставиль вѣкъ,

Какъ рокъ безвременной косой дѣшину ссѣкъ;

Лежишь сердечушко на вѣкъ глаза зажмуриль,

Которы на другихъ косяся въ живѣ шуриль.

Кому теперь порокъ и варварство пугаешь,

Доброшы коренишь, и сплошь людей ругаешь?

Сперпимоль смершнымъ, что поль нужна
особа,

Какъ Мирянинъ простой, не миновала гроба?

О Солнце, облака, о звѣзды, о луна,

Рыдайше, преснула громчайшая спруна,

Скончался въ цвѣшѣ лѣшь риємъ крѣнкій испо-
вѣдникъ,

Наперсникъ испинны, и божій собесѣдникъ,

Опечесиву краса; въ роду своемъ одинъ

Прозаикъ и Пипшь, и важной Арликинъ!

Куда, подумаешь, зашѣливъ былъ покойникъ!

Храбѣоръ какъ Еруслашь иль соловей разбойникъ;

..... приспупомъ браль сердца;

Машъ въ риемахъ не щадиль ни брапа ни опца.

Теперь, хошя ево свѣшь бездыханнымъ числишь,

Онъ, мершвый кажешся все сочиняешъ мыслишь;

Хошя окоспенѣль и пропянулся весь,

Сквозь блѣднось на челѣ сверкаешъ грозна
спѣсь.

За умъ ево ему проспили желчь и враки,

За складны риемы онъ злешой достоинъ раки;

И ежели къ стихамъ пошребень духъ кому,
 Топь съ вѣрой прибѣгай къ угоднику сему;
 Не шокмо въ оспрыкъ свѣшь сапирахъ поу-
 чаешь;

Онъ всѣмъ ошь гроба смыслъ и риемы испо-
 чаешь.

То правда, еслибъ кпо о чемъ ево просиль
 Какъ онъ еще дышаль; онъ носъ помубъ ску-
 силь.

Теперь не бойшеса; лежашь спокойно мощи,
 Могила обросла Парнасской древомъ роци;
 Тамъ Музы водяшъ ликъ, Каспальски бьюшъ
 ключи;

Несише поскорѣй и ладанъ и свѣчи,
 И пойше новому Свяшпшелю молебны,
 Когда здоровой смыслъ и Риемы вамъ пошребны,
 Чшо ешо! я кричу, они не сходяшъ съ мѣспь;
 Подише братія ей Богу ужь не съѣспь;
 Ужь нѣшъ въ рукахъ пера; онъ умерь, я сви-
 дѣшель;

Душа пошла въ свой пушь, во гробъ добродѣ-
 шель;

Съ сея минушы онъ безвредно сущесство;
 Спупайше пользуйшесь безмезднымъ врачев-
 сствомъ.

Нейдуть! бояшся въ немъ чудотворящей силы,
 Сапиру чшобъ на нихъ не выслалъ изъ могилы,
 Иль надпись желчную, Рондо, иль Мадригаль;
 Чшобъ, какъ приспуняшь близъ, ногой не за-
 дрегаль.

Ахъ ! , я чшо шо самъ пугаюсь
 И всѣми членами опъ спужу содрогаюсь;
 Мнѣ гласъ приходить въ слухъ: koliko слога
 швой лживъ!

Скрываешь шы меня въ могилу, а я живъ.
 Ты живъ! помилуй же; не про тебѣ здѣсь слово;
 Ты добродѣшелень: мы говоримъ про злово.
 Мужъ совѣспи и Риємъ, на мой не сѣпуй бредъ;
 Я шѣшу самъ себя, не мышлю ближнимъ вредъ,
 Опъ Аполлона я пророкомъ бышь помазанъ,
 Чшобъ мной Пипшъ былъ всѣмъ, какъ въ зерка-
 лѣ. показанъ.

Внимайше смершные, вопъ подлинникъ ево:

Понеже носимъ мы подобіе Царей,

Имъ пища не вкусна воды и сухарей;

И какъ живошнымъ всѣмъ пріяшень воздухъ свѣ-
жій,

То лисимъ онъ хвостомъ шупъ кроешъ нравъ
медвѣжій.

Умѣешь различить, что ракъ и что осепрь,
Что люди въ шолкъ берупъ, пускающъ что на
вѣшрь:

А еспьли бы ему не домъ шальной прелона,
То желчью самовобъ онъ облилъ Аполлона.

То правда, временемъ и передъ нимъ шумить:
Но пыжкостъ шупъ свою промежь зубовъ ще-
мить;

Спускаешъ гордыя пониже понъ цѣвницы,
Хошь вспыхнешъ не ожжешъ, подобіемъ зар-
ницы;

Закусишь свой языкъ, хошь и огорчень:

Онъ Граціями сей сноровкѣ научень:

Коль выдешъ на просторъ природнымъ дмишся
духомъ;

Тамъ былъ а здѣсь мясникъ съ обу-
хомъ;

А паче дуешь онъ на шо свои брылѣ,
Что подь органъ ево не подошли рылѣ.

О сколько онъ своей шупь послабляешь злости!

.

Споящимъ раздражень въ чеспъ оному сполбомъ,
Онъ радъ бы шопъ въ сердцахъ сшибишь съ
разбѣгу лбомъ:

Но какъ шо мозгу вредъ, ума ево прешолу,
Чтобъ раздробишь въ куски и свергнушь мраморъ долу,

Онъ Ангеловъ своихъ, Риємъ окрыленныхъ шлепъ.

Тѣ въ Невскоѣй Монашпырь направя свой полешъ,

Какъ черны мухи сполбъ собою улѣпляюшъ;

Напружася ево шуда сюда валяюшъ;

Свалилибъ: но морозъ мужъ бѣдныхъ прихвапиль,

Висяшъ, и кажупъ всѣмъ, кшо ихъ шуда пу-
спиль.

О сердце черное, гнѣздо свила гдѣ злоба!

Что неповиннаго шы гонишь далѣ гроба?

Великій Аполлонъ, коль Риема ешь пвой даръ,
 Коль спихопворческій шы въ насъ вдыхаешь
 жаръ,

Почпо неисповыхъ шы имъ возпламеняешь,
 Ты кажешся пѣмъ зло вселенной причиняешь!

Не я ихъ пламеню: опвѣшспвуешь миѣ Богъ,
 Хошь можешь бышь сперва я ихъ сердца за-
 жогъ;

Какъ духи чпо за спѣсь съ верховъ низрино-
 венны

Всѣ были хороши, всѣ Богомъ вдохновенны;

По оппадени опмѣнной спали родъ,

Проворшво поже въ нихъ: но прежнихъ нѣшь
 доброшь;

Ихъ, зависшь, злосшь, вражда, неисповосшь, вол-
 нуюшь;

Не ангелами днесъ черпьми ихъ именууюшь;

О спихопворцахъ шѣхъ, приспоишь мыслишь
 пожь,

Копорыхъ полнишь духъ, сварливосшь, злоба
 ложь,

Что проспирають меськ ко ближнимъ, далѣ
смерши;

Они слывуть пѣвцы, а въ самомъ дѣлѣ черши.

Не пишипь чоршь спиховъ, лешаеть иль сидипь:

А воплощенный бѣсъ свѣпть риемами вредипь.

Когда имь бѣшенство однажды овладѣеть,

Какихъ тогда другимъ, онь пакосней не дѣетъ!

Опъ чорша опойдешь креспомъ, коль не би-
чемь,

Молишвой, ладаномъ, а опъ нево ни чемь;

И пакъ онь бѣсипся, пакъ риемами швыряетъ,

Богиня ужь ево Полиція смиряетъ;

Архангеловъ своихъ за ангеломъ пославъ,

Что съ шону збившася ево подъ руки взявъ,

Во мѣсто скромнаго безмолвія опводяпъ,

И шамо опъ него дошолѣ не опходяпъ,

Пока наспроишь шонъ по здравому уму.

О спранной оборотъ съ Парнасса да въ шюрьму!

Какой мнѣ спыдъ пѣвцы наносяпъ окаянны,

Когда за разумъ ихъ сажають въ покаянны!

Возможноль чшобы я писца вдохновиль?

Чтобъ съзвѣсть риѣмь, какъ бѣсъ, онъ смертныхъ
родъ ловиль.

То изверги мои, опсшунники, не чада,
Изшедши Фуріи изъ риѣменнаго ада,
Которы совѣсть чesть рушашъ,
Не просвѣщающъ свѣтъ неисповсшвомъ спра-
шашъ.

И хощъ спрашилищъ сихъ, сихъ буйныхъ
сквернослововъ,

Спрошшелей . . . , на неповинностъ кововъ,

И не всегда казнящъ сама имъ злоба казнъ;

Какая ихъ сердце съ дѣвольскими разнъ,

И гдѣ правительствѣ шюремъ споль много сы-
щешъ,

Сколь много по земли ханжей учоныхъ рыщешъ?

Собаки бѣсящся въ извѣстны шолько дни,

Гопшвы всякой часъ съ ума сойши они;

Собакъ до смерти бьющъ, сихъ чучель прези-
рающъ,

Что угрызенные опъ нихъ не умирающъ.

Змѣя грызешъ пилу, пила языкъ ей прешъ;

Невинность злота ѣсть, она же и умреть.

Всегда отъ зависи Анпиинны чахнущь;
 Коль духъ ея вождень, и риемы адомъ пахнущь;
 И благо, что пера власць всякому дана,
 Чшобъ видѣшь кшо писалъ Пиить иль Сапана;
 И сколько сихъ и пѣхъ находицца по щепу,
 Тущь найдешь обоихъ существенну примѣшу.
 Слогъ ешь сердечныхъ чувствь зеркало и пол-
 маць,

Коль яду полнь, писалъ по скаредной Риемачь.
 Пиить, котораго мой духъ воспаменяешь,
 На риему никогда души не промѣняешь;
 Чуждъ желчныхъ надписей, язвительныхъ са-
 ширь,

Доброта спрокъ ево ешь присный харакширь;
 И шы пока не золь, дошолѣ мой наперсникъ,
 Иначе чоршу брапъ, и сапанѣ шы сверсникъ.
 Ой, богъ стиховъ какой молебень мнѣ пропѣлъ!
 Рѣчь кажда какъ спрѣла, я сильно шоронѣлъ;
 Такъ лучше глупымъ слышь, щипашь мнѣ зубы
 во рлѣ

Какъ слышашь опъ людей: вопъ въ эпомъ Ри-
мы чоршѣ.

И въ самой испиннѣ, когда намъ смыслъ вру-
чень,

Чтобъ въ прозѣ и въ стихахъ былъ нами свѣтъ
учень:

Мы не проснишельно предъ онымъ погрѣшаемъ,

Что въ прозѣ и въ стихахъ мы желчь и ядъ
мѣщаемъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ
ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
РУМЯНЦОВУ.

*На притѣсненіе Турковъ въ разныхъ городахъ
за Дунаемъ, и воспослѣдовавшее отъ того
заключеніе мира.*

Писано въ Лондонъ 1774 года.

Герой, кошораго проспраанный славишь
свѣшь,
И сыномъ молніи разящія зовешь!
Проспи, что кропкія воспитанникъ науки
Спрягаешь голосъ свой съ шоржеспвенными
звуки,
И вносишь риемы въ швой привыкшій къ грому
слухъ:
Ошь духа швоего онъ свой заемлеть духъ.
Нѣшь нужды для него во спихоншворшва богѣ:

Вождь Росскихъ силъ, ему еспь мыслей, вождь,
во слогъ.

Онъ хочешъ въ проснопѣ хвалу Тебѣ сопмесъ:

Передъ Героями подла учона лесъ.

За Испромъ Туркъ погранъ, за Гемомъ Туркъ
шрепещешъ:

Какъ Темзы со береговъ Россъ Россу не воспле-
щешъ?

Когда шо испинно, какъ разумъ намъ речешъ,
Чшо не безъ промысла подъ небомъ все шечешъ:
Я мню, воздвиглась бранъ, чшобъ весь былъ мѣръ
свидѣшель,

Колика еспь швой, Румянцовъ, добродѣшель:
Бранъ длилась, чшобъ ея славнѣй для насъ ко-
нець,

Чшобъ межъ Героевъ швой всѣхъ краше былъ
вѣнець.

Не оцущишельноль, чшо Ты есь оный воинъ,
Екатеринина избраня доспоинъ;

Чшо духъ Ея въ шебѣ, швой въ воинспѣ живешъ;

Ты персть проспрешь, и Россъ препоны пляж-
ки рвешь!

Всѣ бодростью орлы, полеша всѣ орлина,

Всѣ дѣши одного во брани исполина.

Что пвой обьмешь взорь, шѣ намъ спяжашь
поля;

Гдѣ шы спушилъ ногой, шо Росская земля.

Сразились ли враги, пьюшь горешь смершной
чаши;

Засѣлили во стѣнахъ, всѣ крѣпости ихъ наши!

По праву пушечну все намъ принадлежишь,

Когда прошивникъ мрешь ошъ спраха, иль,
бѣжишь;

А онъ всегда бѣжишь, вездѣ онъ мрешь ошъ
спраха;

Коль пошпишь, разбишь, развѣянь въ видѣ
праха.

Нашъ, шанъ его, шапры, сосуды, злапо,
снѣдь,

Оружья, знамена, и свѣпла пушекъ мѣдь,

Творенье Галлскаго искусства знамениша;

Хощь лиль бы ихъ Вулканъ, шо Туркамъ не
защипа.

Одѣнь въ Ахиллову Тодъ збрую Визира,
Румянцовъ въ мигъ сего запнешь богатыря;
Принудипь, прячась, за полщей спѣнь дер-
жапсья,
Въ зловонномъ воздухѣ, въ поллѣ невольныхъ
жапсья,
Просипь о выпускѣ, слезами жизнь спасапсья,
Трепещущей рукой намъ славный миръ писапсья!

О Воинспвенникъ, что лишь полько зракъ
покажешь,

Волшебнымъ ужасомъ куешь враговъ и вяжешь;
Удалостію мочь свергающій борець,
Высокихъ думъ пѣвцамъ, всѣмъ радостей Тво-
рець!

Позволь мнѣ внемлющу успѣхъ походовъ смѣ-
лыхъ

Предапсья вольному стремленью мечпнь весе-
лыхъ,

И памяпсью, войны къ началу, воспечи,

И не одинъ оппѣшь молебень Магомеду.
 Удачей сей ольспясь сооружаюшь мостъ,
 Жечь каждый градъ у насъ, деревню и мотоспъ.
 Услышавши свою на сей спранѣ вапагу,
 Во необычнующу пришелъ Сулпанъ опвагу.
 Иппи ко Кіеву всѣхъ кляпшой обязаль,
 И шамо зимовашъ имъ власпшо указаль;
 Самъ даже до Москвы мечпшой своей просѣкся,
 И преждевременно ужъ Газіемъ нарекся;
 Щаспливой вѣспію обрадовалъ Сераль;
 Торжеспвоваль гордясь среди шюремныхъ краль.
 Чпшо побѣдпшаль онъ, шо ппшелъ въ Алкоранѣ;
 Онъ сѣпшваль, за чѣмъ войной пошоль не ранѣ.
 Среди храбрующпхъ кичлива спарца думъ,
 Удариль въ службу ево Россійской славы шумъ,
 Чпшо всѣ ево за Днѣспрѣ до Кіева преходцы
 Испреблены въ конецъ, и рашъ и полководцы;
 И вмѣспшо, чпшобы имъ спруи Днѣпровы ппшь,
 Сошелъ съ небесъ указъ въ Днѣспрѣ ихъ намъ

шоппшь.

Державный шабака курпшель шупшь смушплся,

И шрубку опложа въ задумчивоспѣ пущилъся;
 Опомнися сказаль, „не храброспѣ по, случай;
 „Напали въ шемнопѣ, напали невзначай.

„Россіянамъ де шупъ разливъ рѣки споспѣшенъ.
 Симъ мужъ премногихъ жонъ былъ нѣсколко
 ушѣшенъ.

Онъ разною шщепой въ умѣ себя ласкаль;
 И рой за роємъ въ бой людей своихъ пускаль.
 Взявъ шрубку; „вослибо и мы, сказаль, ща-
 сливы;

„Не всякой день дожди, и не вездѣ разливы.
 Чшобъ храброспѣ оправдашь, Румянцовъ спался
 Вождь,

Разишь ихъ въ ясны дни, когда не канешъ дождь,
 И нѣшь другихъ, кромѣ ихъ крови, наводненій;
 Разиши на мѣспахъ возможныхъ положеній;
 На сушѣ, на водѣ, въ долинахъ, на горахъ,
 Во блапахъ, во лѣсахъ, на полѣ, во градахъ,
 На башень высошѣ, во мрачнѣйшихъ вер-
 шепяхъ,

Нашурой и рукой воздвигнушыхъ укрѣпахъ.

Запри днесъ хляби всѣ, О небо, Россамъ въ
 честь;

Что прапишь молнію, когда Румянцовъ ешь?
 Какъ бдищельный ловець шо звѣря нажидаешъ,
 То вдругъ на онаго въ берлогѣ нападаешъ;
 Біешъ ево въ лѣсу, на гладкой бьешъ спени,
 Посмотришь, звѣрь падешъ, иль воешь ужь въ
 цѣпи:

Со вящшей хитроспью на ловъ онъ свой иско-
 дишь

Во смершны шенеша вездѣ враговъ заводишь;
 Валятсѣ набѣжавъ на пощаенный ковъ,
 Иль спонуть плѣнены подъ шягоспью оковъ.
 И се млада волча, сынъ Хана, съ ногъ скащился,
 Что дебри въ глубину небережно впусщился!
 Се бдящи отвориль на пагубу глаза,
 И одалъ спшалъ съ своей аравой Абаза!

По множесшвѣ пусшыхъ прощивъ ловцевъ по-
 цышнокъ,

Явился наглъ онъ звѣрь, и въ бѣгѣ сильно пры-
 шокъ.

Опсрѣзаны со всѣмъ отъ милыхъ имъ Бендеръ
 Ко крайности враги прибѣгли мудрыхъ мѣрь:
 Чшобъ въ силахъ имъ своихъ вопще не изну-
 ряться,

Въ набѣгахъ шущъ и шамъ помалу не шеряшья,
 Сложивъ хопяшъ въ одно и Спагъ и Янычаръ,
 Абду и Абазу, всѣхъ Турокъ и Тапаръ;
 И шако понеслись подобьемъ грозной шучи.
 Видомъ не видано шакой народа кучи!

Поставленъ на горѣ преогражденный спанъ;
 Правительспвуенъ имъ лишенный сына Ханъ;
 Ханъ Поршъ другъ, ея преемникъ мнимый прѣна,
 Султана слѣдспвенно и сполбъ и оборона.
 На швердоснѣ положась спремнисшаго холма,
 Мечшала кажда бышъ внѣ спраха шущъ чалма;
 Возгромоздились, равны со облаками!

Какъ неба жишелей доспанешъ ны руками?
 Приспѣль сраженья часъ, воздвигся шрескъ и
 громъ,

Лешивъ свиспя ядро за яркимъ въ слѣдъ ядромъ;
 Не гомонился врагъ числомъ и мѣспомъ крѣпокъ,

Бѣда! когда бы Россѣ лѣзшь къ верху былъ не
цѣпокъ.

Но въ мигъ вскочидь къ нимъ мужь, рекомый
гранодерь,

Кой прямо шагъ на нихъ непрепешный про-
сперь;

То видя, дрогнули, и нѣсколько уныли,

Побѣгли налегкѣ, и пушки взявъ забыли.

Спѣшишь бодя, и бѣя бичемъ коня, Гирей,

И съ нимъ чужь дышущихъ шабунъ богатырей!

Теперь опкрылося, чпо Вождь Россійской мочи

Умѣешь ихъ во дни крышь сѣнью смертной ночи;

Далече опъ Днѣспра со воинствомъ ходишь,

И Днѣспръ багряныхъ спруй изъ ихъ кровей

родишь;

Спунашь, испровергань; и преширань имъ силы,

Въ Тарпей холмы, рвы преобращашь въ могилы.

Одна бѣда намъ съ плечь, другая на плеча;

Шумишь зашевелясь Визирска саранча.

Ахши! пронудася вся сила западная,

Спрашилище Руси валишь изъ за Дуная!

Куда погналь паслухъ скопину предъ собой,
 На шоргъ, на водопой, на пажись, иль убой?
 То знашь не до нево; какъ Богъ дастъ, какъ
 случисься;

Довольно: съ Русью брань, шакъ онъ на Русь
 и мчисься.

Султану онъ шепнулъ: онъ будешь Рускимъ бичъ;
 Лишь полькобъ ихъ ему завременно поспичъ.
 Въ шомъ дѣло, чшобъ полкамъ не данъ соеди-
 нисься;

А шо ужъ всѣхъ плѣни; не спанушь боронисься.
 Какъ знаешь супосшашъ военно ремесло!

Побѣда вся ево, лишь взглянешъ на число.

Однакоже коней не скоро знашь уздали:

Понеже не съ большимъ недѣлей опоздали.

Сколь быспро ни неслашь прошиву насъ ихъ
 злосшь,

Однако къ намъ Визиръ какъ жданный прибыль
 госшь.

Но успояшь дабы Султану въ данномъ словѣ,
 У ворога другой былъ замысль нагошовѣ:

Ошвсюду окруживъ насъ въ гибель вовлещи,
И списнушь всѣхъ вложа несмѣнныхъ силъ въ
клещи;

Опрѣзавъ пѣжеспи, и въ нихъ запасы снѣдны,
А послѣ пѣсни ужь безъ боя пѣшь побѣдны.

Сей думь чершежь хорошь, и здѣсь намъ пѣж-
кѣй вредъ;

Но онъ хорошь въ умѣ, а въ дѣлѣ сущій бредъ.

Едва Халиль успѣлъ за Испромъ оглядѣться,
Съ Румянцовымъ сойдясь, не зналъ куда и дѣшья.

Не дешевь за Дунай спаль сей ему прогуль:

То грудь его одна зазнаешъ, и Кагуль.

Смошря на гопшевъ сань, прѣемъ ему былъ жа-
рокъ;

Онъ переплылъ Дунай, принесшь свой спань
въ подарокъ;

Спань полонъ всячины, чпо больше? и монешъ;

Не диволь, лакомшва ко злашу въ Туркахъ
нѣшь?

Оспавишь цѣлой спань, палашки, порохъ, пушки,

Изо всея казны не вынесшь ни полушки,

Убишыхъ, сдавленныхъ, разорванныхъ, ушопшихъ!

Однако за Дунай убравшись удалцы,

Полусожженные опъ молній ушлецы

Султану сей уронъ искусно возвѣсмили:

„Мы будпо всю на нихъ Россію напустили,

„Воздвигли изъ гробовъ шѣхъ даже мершвецовъ,

„Коперы въ спарину бивали ихъ опцовъ.

„На каждаго изъ нихъ доспалось насъ по двѣспѣ,

„Да мыжъ дыша огнемъ, шекля сомкнувшись

вмѣспѣ.

„Во помощь Мусшафа, и Магомедъ былъ звань,

„Но не было споры, Халиль оставилъ спань.

Въ Халилевыхъ очахъ чпо шакъ предлоги дики?

У спраха, говоряшь, всегда глаза велики.

Но какъ? малали разнь; разбойникъ и Герой,

Румянцовъ и Халиль, шолпа и бодрый спрой;

Ошечесства любовь, хищенія звѣрины,

Тьма мыслей въ Мусшафѣ, и умъ Екатерины!

Возможноль, чшобъ шербешъ и кофъ изъ за

морей,

Могли спояшь прошивъ воды и сухарей;

Чтобъ Турки прошивъ насъ не споль же были
слабы,

Какъ заключенныя внупръ ихъ сѣралеи бабы?

Сдаются города, очищенъ здѣшній брегъ;

Просперъ удалый Россъ чрезъ воды свой набѣгъ;

Со Журжей, мѣспомъ имъ и шоржеспва и гроба,

Проспилась навсегда упорныхъ варваръ злоба;

Румянцовъ ихъ спокрапъ пресила, побѣда,

Къ нимъ нишенъ мирная, ихъ лиши кровь щадя.

Не внемлюшъ кропоспи Геройскаго совѣща;

Топовы драку веспъ до преспавленья свѣща.

Ихъ Небо жесточипъ, опщамъ во чадахъ мспя;

Надежда ихъ слѣпипъ, во гибель вящу льспя.

„Не нонъ ввечѣру, шакъ завпре, до обѣда

„Овосьлибо преидешъ на ихъ спрану побѣда,

„Овосьлибо испномъ и мукъ ихъ выдешъ срокъ

„И облегчипся ихъ хошя не много рокъ.

Онъ легче спаль, ушихъ, порадуипесь однажды,

И удовольспвуйше свои къ побѣдамъ жажды.

Топъ моръ, чудовище изъ преисподнихъ мѣспъ,

Что часно васъ самихъ безъ милосердья ѣспъ,

Оплошно взяпый въ плѣнь плѣвившихъ пожи-
раешъ;

О како здѣсь Герой безъ мести умираешъ!

Что можешъ въ сердцаъ жаръ? и что въ десницѣ
громъ?

Коль шаякко Россу лечь безъ боя подъ шапромъ!

Вошь Муспафы приумфъ! вошь перва Туркамъ
льгоша,

И радоснь шайнаго Славянь недоброхоша!

Спупайше варвары, воздвигнишесь шеперь;

Спосинь опворена къ побѣдамъ вашимъ дверь.

Лишь врагъ пронулся, лишь предспиражіе вспре-
вожилъ;

Иль Россъ не умираль, иль каждой мершвой
ожиль,

Толь сильно ихъ разяпъ, шоль нуданъ кровь
ихъ печь!

Умалилось число, но равно оспрь нашъ мечъ.

По прежнему Герой разбойника тоняешъ;

Румянцовъ малоснь силь искусствомъ допол-
няешъ,

Военачальникъ, другъ, и бодрый спражь, и врачъ,
Безперерывныхъ вождь оружія удачь.

Какъ смѣешь на него несышу паспъ разинушь,
И въ гробъ шворца побѣды чудовище низринушь?
О Турки, леспный гласъ надежды вашей лживъ;
Румянцовъ кову въ спыдъ, и вамъ въ погибель
живъ!

А пы, О Мустафа! О спарець, спарець
буйный,

Вгляни на покъ кровей Турецкихъ много-
спруйный!

Внимись, коль жалокъ пы, колико рокъ швой
спрогъ;

Твой поншъ безъ кораблей, Луна швоя безъ рогъ;
Крыло швое Херсонъ уже лепиашъ не сможешъ;
Твой льспець, зависпникъ нашъ, съ шоски ужъ
перспы гложешъ;

Въ Янычарахъ швоихъ жаръ къ бою охладѣль,
Подъ штяжестью ушрашъ пы вдвое посѣдѣль.

Ты ждя съ часу на часъ, чшобъ силу нашу
сперши,

Осиленной Монархъ, самъ ближишься ко смерти.

Ахъ, сколько по полямъ размешано косней!

Ахъ, Балта споймала полъ многихъ областей!

Почто, завидя намъ, ты мнимыя боязни

Преобрашилъ себѣ во наспоящи казни?

Прими совѣтъ ума, брань солнцевъ, и смиришь;

Екатеришь ты предъ свѣтомъ покорись.

Скажи; твои моря, шебѣ ихъ власъ приспособишь;

Испощевай казну, плаши, чпо брань намъ

спойшь.

Съ Херсонцами просишь, имъ вольностьъ услугу;

Условіемъ такимъ желанный миръ купи;

Европы во дѣла не смѣй мѣшаться больше,

Свою лишь знай Серавъ, и не мечтай о Польщѣ.

Кровавыхъ гордому виновнику зашѣй

Какъ громъ ударилъ въ слухъ реченныхъ смыслъ

спашей.

Какъ! лязяль вѣнчашъ войну такимъ поноснымъ

миромъ!

Бышь Азии смѣшнымъ, безъ рукъ, безъ ногъ,

кумиромъ!

То слава предковъ ихъ, по Норпы блескъ пре-

шпиль:

Но что за блескъ? ошь васъ вся слава прочь

дешишь.

Какъ Аспидъ онъ зашкнулъ свои нарочно уши,

Во что ни спанеть, радъ сохнушь Россіянъ

съ суши;

Бодрись изовнѣ, внутрь полонъ горькихъ слезъ,

Окованъ весь спрашишь звучаніемъ желъзь!

Прешоржень мира сеймъ; вновь громаы раздалися,

Турецкихъ вновь кровей попоки полилися;

Упорный Муспафа, что былъ понынѣ бодръ,

Уроновъ не перця, возлегъ на смершнй одръ;

Свирѣпою судьбой въ сей жизни не доволенъ,

Въ другую съ пропускной онъ грамопой уволенъ;

Монархъ, любитель нѣгъ, излишесшва, сла-

спей,

Невѣжда упоенъ оправкою лесшей,

Во дняхъ сѣдинъ къ войнѣ по склонности грѣ-

ховной

Преемнику Софы оставиль брань въ духовной;

Былъ бѣшенъ, какъ Аяксъ, и кончилъ жишье,
 На собственнo съ серцовъ напяся копье!

Нещасливой памяти безфлосный Царь скон-
 чался;

Амешъ въ его спези, Амешъ Абдуль помчался,
 Наслѣдственной въ груди къ намъ злобою дыша,
 Берешся насъ казнишь, ярься, бѣсясь, лыша.

Коль Галламъ вѣришь, онъ большой наукъ пи-
 шомецъ,

Онъ цѣлой Марсъ въ бою, ужасной спѣно-
 ломецъ.

Теперь ужъ на спранѣ Турецкой перевѣсь;

Гремишь изъ за Юнонь серальныхъ инъ Зевесъ!

Онъ новыми снабженъ спрѣлами опъ Вулкана;

Что Поршѣ предала сеспра ея Секвана.

На диво всѣмъ хромой работаешъ брадачь;

Какихъ не ждашь въ войнѣ опъ спрѣль его
 удачь?

Всемирно ужъ враги симъ выиграюшь лѣшномъ;

Порядкомъ пойдешъ брань, не прежнимъ опро-
 мешомъ.

Просверкиваетъ имъ нарочитъ блескъ побѣдъ;
 Россъ Турковъ изоспириль, какъ прежде Россовъ

Шведъ.

Искуснѣй прятущся, скоряя назадъ далящся:
 Коль поспоящъ, большой ужъ грудюю валящся.

На свальный бой Визирь не спанещъ козырящъ,
 Какъ Фабій, медленьемъ насъ будещъ изнурящъ.

Лишь мы преидемъ Дунай, обляжемъ кую крѣ-
 постъ,

Онъ, скрывъ свою въ лѣсу, иль за горой сви-
 рѣностъ,

На нашемъ вспянь ходу, вдругъ выскочитъ
 какъ волкъ,

То конный съѣсщъ у насъ, по пѣшеходный
 полкъ.

Такимъ-по брань веспи назначено приемомъ;
 Дѣль новой видъ; чалмѣ шоржеспвовашъ надъ
 шлемомъ!

Межъ пѣмъ поборница Румянцову судьба,
 Намѣреній ея свершишеля раба,
 Надъ всѣми превознесщъ гошовитъ Исполины,

И образъ на себя пріявъ Екатерины,
 Въ сѣни, гдѣ онъ почилъ, невходной никому,
 Зарей оболчена является ему!

Будя его своей прикосновеньемъ длани

„Проснися, сынѣ мой, проснись, Герой, воспани;

„Приспѣль, рекла, днесь часъ прѣступниковъ
 карашь,

„Полна ихъ мѣра золь; ожеспочилась рашь;

„Смиренье наше ихъ смягчиши не довольно;

„Текушь на собсшвенну погибель произвольно;

„Ты ихъ разиль, губиль, спрѣляль, шопиль,
 плѣнилъ,

„Караль, опровергаль, крушилъ, помиль, шѣс-
 ниль;

„Но нынѣ заключи во ужасовъ осадѣ,

„Смеси съ лица земли, и всѣхъ запри во адѣ!

Онъ очи опворидъ, но исчезаль призракъ;

„Довольно; епо былъ Екатеринынъ зракъ,

То рекши, возпрянуль, въ броню свою облекся;

На онъ полъ силою невидимою влекся;

Прешедши воинспвомъ Силиспрїю облегда;

Въ други спраны другихъ направиль воевь бѣгъ;
 Для указанья мѣстѣ чужь перспѣ успѣль про-
 сперши,

Какъ въ челюстяхъ враги явились люшой смерти!

О несрѣщаемый ни коихъ въ чшенъи книгъ,
 Екатерининныхъ полковъ Архиспрашигъ,
 Чшо подвиговъ плоды шоль славны пожинаешь,
 Скажи, какой врагу пы силой запинаешь?
 На шой спранѣ ихъ жраль мечь, пламень и вода;
 На сей, самъ градъ, ошъ бѣдѣ убѣжище, бѣда.
 Благъ индѣ войскъ раздѣль, здѣсь люшыхъ золь
 причина;

Но чѣмъ гдѣ больше войскъ, извѣспиѣе кончина:
 Голодныхъ ршовъ число усугубляешь гладъ;
 Пусшь шверды замки ихъ; но не шаковъжель адъ?
 Вокругъ ошуплены ошъ Россовъ ихъ ошпроги;
 Вездѣ пресѣчены къ спасенію дороги;
 Не вшпрѣшишь въ воздухѣ ошкрышомъ ни чалмъ,
 Всѣ согнаны сидяшь въ мѣспахъ кромѣшной
 шьмы.

Тѣ, кои ускользя ошъ зѣва смерти бродяшь,

Приспанища себѣ подѣ небомъ не находящъ.
 Какъ баснословная безъ погребенья шѣнь,
 Скипаешся Паша, пусшынникъ ночь и день,
 И жалоспный ушлець своихъ не обрѣтая
 Къ пльвившимъ вспяшь бѣжипъ, несноснымъ
 гладомъ шая.

Румянцовъ имъ за моръ подобнымъ зломъ опш-
 мспиль,

За ихъ чудовище другое къ нимъ пусшилъ,
 Которо прежняго свирѣлѣе при крапы,
 И прошивъ коего всѣ слабы Иппокрапы.

Окромѣ смерти нѣтъ на люшый гладъ врача;
 Не лучшель въ полѣбъ имъ всѣмъ паспи опш
 меча?

Чшо градъ? кладбище ихъ! и чшо ихъ дома?
 гробы!

Живые мершвецы поверхъ зѣмной упробы!

Чшо взялъ къ себѣ Визирь, разбишу рапъ, при-
 зрѣвъ,

То пягоспъ лишь ему; гдѣ пища спольку чревъ?

Обспавленнымъ среди шоль душнаго берлога,

Что, Галль или Магомедъ или опій имъ помога?

Попали въ Лабиринтъ; всѣмъ заживо согнишь;

Ошдача морь, земель, одна къ исходу нишь.

„Внѣ Шумлы не расшешь кормовъ для васъ на-
дежныхъ,

„Коль опъ Румянцова нѣшь грамошъ покор-
межныхъ.

„Премирье ужь прошло, намъ нуженъ полный
миръ,

„Миришесь, коль чревамъ пошребень вашимъ
пирь.

Чѣмъ больше время длянъ, шѣмъ больше гладь
имъ спрашенъ;

Что въ бомбахъ съ порохомъ, когда спомакъ
безъ брашенъ?

Ужь въ цѣмыхъ шабунахъ являенся мяшежь,

„Мы время! мы время! у всѣхъ одни слова и
шѣжь,

„Во прѣнашъ насъ сію заведъ Визирь безъ
шолку;

Всѣ вопянъ къ Визирю, и спонунъ безъ умолку.

Какъ враговъ пшеницы, что съ глаза чуть не
мрушь,

Безъ пользы ко опцу прибѣжище берущь;

Вошце съ писканіемъ къ нему зіяющь ртами,

Поль-оперенными вошце прясущь крылами;

Понуждѣ онъ засѣлъ, самъ голодень въ гнѣздѣ,

Внѣ буря, вихрь и градъ, и молніи вездѣ:

Такъ Турокъ къ Визирю вошце свой гласъ воз-
носишь,

Вошце, чего ему онъ дашь не въ силахъ, про-
сипшь;

Предъ каждымъ радъ накласшь пшеницыбъ онъ
копной,

Но буря внѣ и громъ; Румянцовъ подъ спѣной!

Онъ малу рань свою во миліонъ умножилъ;

Но миліонъ враговъ сжалъ, списнулъ, уничто-
жилъ.

Извѣстенъ лишь ему приемъ упошребя,

На многи раздѣлилъ Румянцовы себя,

И въ духъ Россами внушрь чусмомъ, не зри-
момъ,

Повсюду носился горящимъ Серафимомъ.

О какъ разширился то вражьей весь землѣ!

И распростиеръ любви къ Ошечеству крылѣ!

Хоть почивая днесъ, онъ въ сѣни возлегаешъ,

Но ужась опъ него Спамбула досягаешъ

И сердце Азіи опчаянной прясешъ!

Кпо Шумлянъ, Варшянъ, кпо Силиспрянъ днесъ

спасешъ?

Молчанъ, ни кашлянупъ, какъ будто спѣны

пусны,

Хотя шолпами ихъ градовъ проспраншва гу-

сны;

Пренянъ, о злѣ своемъ никшобъ не воздыхаль,

Чшобъ даже шепшу ихъ Румянцовъ не слыхаль.

Чу! чу! . . . онъ шупъ! онъ шамъ . . . онъ

козличъ утнѣпаешъ,

Онъ въ шучу прешворясь надъ Руцукомъ ле-

паешъ,

И смертоносенъ паслъ на Базарчикъ грозилъ!

О коль великій спрахъ противниковъ разилъ!

Визирь шолпамъ своихъ, шолпы ему не ради,

Спящъ повѣся лбы, какъ волки середь пади!

Ко бѣгшву нѣшь спези, чпо дѣлашь чпо на-
часть?

Какъ брань не въ добрый часъ запѣянну кон-
часть?

Условьямъ съ ихъ спраны Россіане не внем-
люшь;

Спящъ кругъ спѣнь съ ружьемъ, и, чпо гор-
чай, не дремлюшь;

Не выпуская ихъ ни пяди изъ укрѣпъ,

Румянцовъ какъ-шо къ нимъ нежалоспливъ, сви-
рѣпъ.

Разспашься съ Крымцами, дашь ходъ на Чер-
номъ Морѣ,

Есть пожь пуспипъ въ Спамбуль, чпо сами
шерпяпъ, горе,

И дверь почти въ сераль къ Султану опперещъ;

Не уступипъ сего, всѣмъ съ голоду мерещъ.

О пняжкой переломъ! о прудная задача!

Мечь оспрѣ съ обѣихъ спранъ, и дѣло не безъ
плача!

То спанушь замолчавъ, по възрыдаюшь вновь;

Ахъ кончился пшено, ахъ на исходѣ кофѣ!

Какъ вѣспью едакой обрадовашь Султана:

Не спало у него ни черныхъ волнь, ни Хана,

Ни пушекъ, ни мечей, ни золоша въ казнѣ?

Онъ мочный Царь, имѣлъ все епо какъ во снѣ.

Увы! поспорилибъ, но голодъ убѣждаешъ,

Кой сластны ихъ чрева жестоко осаждаешъ;

Къ Агамъ и къ Визирю закрашися въ спромахъ,

Ужасну дѣлаешъ превогу въ ихъ умахъ.

Всѣхъ ошоронъ берешъ съ холодной нѣкой

дрождью;

Миръ мысляшь заключишь, пускаешъ на волю

бождью.

Чшо дѣлаешъ? ошданъ Поннъ, чщобъ былъ спа-

сень Абдуль,

Чщобъ имъ изъ Шумлы вонъ, намъ пупъ опи-

крышь въ Сшамбуль.

Но Визирю дабы не подлежашъ удавкѣ,

Чиновныхъ предъ себя къ очной онъ кличешъ

сшавкѣ;

Чтобъ убѣдительно Султану дать отвѣтъ,
Для безопасности не плохъ собча совѣтъ.

Хотъ паче чаянья ево и сильно взбѣсиль;
Былъ общій приговоръ, не-ужь-шо всѣхъ повѣ-
силь?

Припомъ до приблизи рѣшишельна часа,
Полезно выслушашъ всѣхъ навсе голоса.

Кшо знаешь, можешь бышь на насъояще бѣд-
ство

По быспрошѣ ума иной найдеть и средство.

Разнобунчужныхъ въ мигъ сошлась толпа Пашей,

Увѣчныхъ, раненыхъ, безъ носовъ, безъ ушей.

Какъ недоколопы, съ ножемъ въ горшаняхъ,
жершвы,

Всѣ блѣдны, жалоспны, прясущися, полмер-
швы!

Абдѣ, кой силу зналъ военнаго вреда,

Доспалось первому вѣщаши череда.

Ево не знавшася ни съ Музой ни съ Ерміемъ,

Богъ оспрыхъ выдумокъ, содѣялъ гладъ вишемъ.

Хлябъ мудроспи онъ рошъ широкой отвориль,

И слѣдующу рѣчь собранью говорилъ:

„Я чаю, господа, вы ешо не забыли,

„Въ печенъи сей войны сколь мы несчастны
были;

„И еспьли опія весь проспали мы хмель,

„Всѣ помнимъ, многихъ кодь лишились мы зе-
мель.

„Въ усаспыхъ ршахъ ножи, по плечи голы руки,

„Булатные мечи, въ спрѣляныи мѣшки луки,

„Кровавые глаза, ружье и писполепъ,

„Все еспъ; а съ прашой намъ деремся споль-
ко лѣпъ.

„Пуль нашихъ градъ вдали прошивныхъ дося-
гаепъ;

„Но какъ шо даѣ пуль сердце ихъ жаръ ша-
гаепъ.

„Чшо дѣйствуюпъ они получше насъ огнемъ,

„Доводомъ шо, чшо бьютъ и ночью насъ и
днемъ.

„Пуспъ многочисленны, пуспъ храбры наши
люди,

„Но какъ проломишь ихъ спѣной сомкнушы
груди?

„А шо прокляшое, шо адско копіе,

„Ихъ ружей при концѣ вонзенно осприе,

„Не пораженіель для Музульманъ всегдашно?

„Мнѣ даже въ сихъ спѣнахъ объ ономъ вспо-
мнишь спрашно!

„Здѣсь, здѣсь, предъ вами радъ жизнь гладомъ
я скончашь,

„Лишь ребрами бы мнѣ на ономъ не порчашь.

„Сколь поразипельны ихъ пушечны удары,

„То скажупь безъ меня всѣ Турки и Ташары.

„Коль скоро разъ одинъ ихъ къ выспрѣлу про-
рвешь,

„Ужь каждая, какъ жерло пучинное, ревешь;

„Безъ милосердія Магомешпанъ увѣчишь,

„Ково задѣнешь, ужь никакъ шово не лѣчишь.

„Чшожь Галлы насъ во брань кровавую маня,

„Твердили, чшо войны порядка не храня

„Разгонимъ Рускихъ мы одними лишь усами,

„То суцій былъ обманъ; пускай-ко выдушь сами.

- „Клянусь Пророкомъ, лишь своибъ явили лбы,
 „Намъ равно падалибъ бездушны какъ сполбы;
 „Орудія огней по нашѣмубъ шеряли,
 „По нашѣмубъ спаспись по Шумламъ бы нырjali.
 „О поношеніе, и спудъ всея земли,
 „Прокляшые войны кровавой фишили!
 „Имъ любо, ихъ шо пирь, чшо люди погибають;
 „Чужими жаръ они руками загребають.
 „За ихъ ко пагубѣ прельсвившій насъ языкъ
 „Желаю всей душой имъ въ сердце Руской шпыкъ.
 „Да сіи, жгуція крапивы зляй, лилеи,
 „Диваномъ впредь Луны вмѣнянся въ лиходѣи;
 „Да всякъ на нихъ сосѣдъ воспанешъ разъяренъ,
 „И вновь; какъ насъ, Дунай ихъ шопишь, либо
 Рень;
 „Или, когда сіе не можешъ совершинься,
 „Всѣмъ царснвамъ цвѣснъ, а имъ опъ зависнибъ
 крушинься.
 „Судише, кая шупъ намъ пагуба была,
 „Чшо Польша ошамѣвъ въ крови своей плыла?
 „Нашель на Муспафу духъ святости внезапу,

„Вдругъ вздумалось, чпобъ свѣшь почоль ево за

Папу;

„Разколовъ судія и учредишель вѣрь

„Объялшя онца буншовщикамъ простерь.

„Кпобъ ни былъ шамъ Король, какая намъ по-
шеря?

„Межь нами мольлено: серальная пшерья!

„Могущій дурачокъ, подь спаросшь сумазбродь!

„Правдива рѣчь: Царь глушь, не радуйся народъ.

„Искусшвенная брань ево ли рукодѣлье?

„Во Польшѣ буншь, а намъ въ чужомъ пиру
похмелье!

„Невиннымъ скучася куреньемъ шабака,

„Бурлишь, и, дома самъ, въ бой наши шлешь
бока.

„На щопь ихъ вѣчную приобрѣнаешь славу,

„Имѣя чпо шеряшь, ведешь войну кроваву.

„Но чпожь? подь шягошой унрашь и лѣшь
скользя

„Самъ гинешь; на нево и бишь челомъ не лязя.

„Наслѣдникъ же его могущеспва и дури,

„Лишь только изъ шюрмы, на пѣжъ спре-
мился бури;

„И роковы крылѣ даешъ ему Диванъ,

„Чтобъ равно и подъ нимъ былъ бѣдный Ту-
рокъ рванъ.

„Не вышлалъ кровью намъ Сулпанскихъ щастій
проба?

„Уже доказано; щаспливы сильно оба!

„И шопъ и сей средъ жонъ побѣды размѣрялъ;

„Топъ цѣлой флошъ, другой все море пошерялъ;

„Межъ предковъ пѣмъ своихъ Герои опмѣнишы:

„Что въ царствованье ихъ, какъ свиньи, Тур-
ки бишы!

„И я опасень, чтобъ безморный нашъ Абдуль,

„Коль брань веспи, всея державы не продуль.

„Пускай за прусоспъ насъ, сколь хочешъ, свѣшъ
поносишъ;

„Совѣшную опдашь, что Руской вождъ ни про-
сипъ.

„Предспавиль бы живяй вамъ общу я бѣду;

„Но чувспвую позывъ жеспокой на ѣду.

„На ваши предаю, что вымолвилъ, разсудки;

„Иль, лучше шакъ сказаць, на пощи въ васъ
желудки.

„Когда не нравишься вамъ съ лишкомъ строгій
поспъ;

„Уважьте мой совѣщъ: онъ выгодень, хошь
проспъ.

„Что до меня, я спихъ, и вовсе утомонень;

„Я голодень какъ волкъ; и къ миру сильно
склонень.

Подобно шакъ и я, перехватилъ Ахмешъ,

Копорой важень былъ за умъ и спароспъ лѣспъ;

„Признаюся, онъ пналъ, мнѣ бишь не охотно;

„Понеже сверхъ шово, что мнѣ доспалось пло-
шно;

„Что чупъ меня въ полонъ козакъ не захватилъ,

„Я госпня спраннаго въ упробъ ощунилъ;

„Вошелъ какъ шапъ, шеперь все грабиспъ какъ
разбойникъ,

„И я вельми боюсь, чшобъ не былъ я покой-
никъ.

„Такъ приговоръ мой пошъ; въ семь общемъ
полону

„Когда какой буянь помянешь про войну,

„Тово всемѣрно счешь запѣйникомъ измѣны,

„И къ Рускимъ выспавишь немедленно за спѣны.

Окончилъ рѣчь Ахмешъ; взялъ очередь Топчи,

Гладь коему пеперь даль мудросши ключи;

И какъ сердешной онъ не ѣль ужь двои супки,

„Что епо, брашцы, взвыль, голодна смернь не
шупки!

„Что внушрениа моя давно пуснымъ пусна,

„Являюшь по мои запекшися усна,

„Копоры опвориль на силу я предъ вами,

„Боясь, чшобы душа не вышла воць съ словами.

„Помилуйше, почшо намъ всуе время длишь,

„И заживо себя опь смерти не цѣлишь?

„Чшобъ жизнь спасши, въ моря богатство ме-
чущь многи,

„Чшобъ голову соблюсшь, прочь рѣжущь руки,
ноги.

„Диковинка ли Крымъ и чорный Пошъ опсѣчь,

„Чтобъ оспальны моря и оспровы сберечь;

„Убавишь прежню спесь и бранноносну пры-
шосишь,

„И шѣмъ ввеси въ чрева благословенну сы-
шосишь?

„Какой Султану спыдъ плашишь морями вышь,

„Чтобъ Туркамъ съ голоду на суши не испшишь?

„И прапу жизней чѣмъ онъ можетъ намъ воз-
мездишь?

„Когда умремъ, ужъ намъ вишь до моря не въ-
дишь.

„А что предѣль ево не будешь споль широкъ,

„То спроишь къ лучшему всемилосливый рокъ.

„Проспранна обласишь еси излишняя забота;

„Да и на что моря, когда не спало флопа?

„Построяшь, де, другой, и оной сберегушь;

„Не правда; Рускіе и шощь опяшь сожгушь;

„Доколъ ошъ земли огонь не испребишь;

„Дошоль съ родомъ симъ нещасливо намъ
бишься.

„Скорый мирись, Визирь, клади войнѣ конецъ,

„Опнынѣ пвой Топчи ужь болѣ не бипецъ,
 Въ печенѣи алчущихъ колодниковъ совѣша,
 Коснулся храбраго вѣщаши долгъ Бехмеша.
 Огромной онь, большой чалмою попрыся
 Завелерѣчиль, всей горшанью голося:

„Желая щастья мы Абдулова опшвѣдашь

„Добились до пово, чпо нѣчево обѣдашь.

„Коль въ испощаніи срачинское пшено,

„Чпо и совѣшовашь? все дѣло рѣшено.

„Извѣстно по, Абдуль великой нещаспливецъ,

„Кпо бьешся за нево, шопъ самъ себѣ уби-
 вецъ.

„Но какъ я жишь хочу; вопъ вамъ корошкой

шолкъ;

„Я болѣе не бьюсь. Сказавши по, умолкъ.

Умолкъ, но Барахшы, чпо черный лобъ нахмура

До сихъ безмолвенъ поръ сидѣлъ, какъ грозна

буря,

Зашевелясь и свой въ груди собирая духъ,

Спаль прогашся, пыхпѣшь и разродился

вдругъ.

„Проваль возьми, сказалъ, блисшательную

Поршу!

„Сулшань, моря и Крымъ по миѣ поди все къ

чоршу,

„И пушки и война и изъ Дамаска спаль!

„О кофъ моя, шабакъ! цыпляша и сераль!

„Сверхъ сей осадныя, гдѣ держимся мы, мрежи,

„Закожье полно пуль, на шѣлѣ раны свѣжи,

„Гладь чрева моего распросшраняся вдоль,

„Неуврачуему причиншвуешь въ немъ боль!

„Я съ роду не шерпѣль шоль зѣльной перешуги;

„А вы спязуяся вишійшвуешъ, други!

„Хошя просшерли мы далеко свой рубежь,

„Коль правду говоринь, все епо былъ грабежь;

„И чупъ пядень земли мы взяли чисшнымъ боемъ,

„За чѣмъ же не опдашь, что нажишо раз-

боемъ?

„Пущь Керчу подь себя заправяшь; пущь, не

шронь!

„Ощъ давныхъ имъ время принадлежалъ Хер-

сонъ

- „И если разсудишь, по Мусульмански, здраво,
 „Они и на Спамбуль имѣють сильно право.
 „Владѣли Греки имъ; ихъ вѣра въ Русь прешла;
 „Такъ, по наслѣдству, ихъ шудажъ сполица шла.
 „Но по внезапному шогдашнихъ дѣль преврану,
 „Плѣненный нами Грекъ понесь ея ушрапу.
 „Судьба донинѣ знашь забывшися спала;
 „Теперь проснулася и должный шокъ взяла;
 „Велишь простишься намъ съ пріятношью
 Европы,
 „И гонишь во спрану, гдѣ черны Еѳіпы,
 „Безплодные поля, каленые пески,
 „Мерешь въ селеньяхъ шѣхъ оцъ зноя и шоски;
 „И я дивлюсь, чшо шо на умъ врагамъ не вспало,
 „Чшо крошки средь побѣдъ, шоль взыскивають
 мало.
 „Мирь екой, шакъ сказашь, находка и корысть;
 „Но коль умедлимъ, намъ придетъ другъ друга
 грызшь.
 То правда, грызшь, Уланъ сидѣвший близъ при-
 бавиль,

И рѣчь прервавъ, глаза на Визиря успавиль,
 Какъ будшобы ево гошовилса ужь съѣшь;
 Пошомъ забайль вдаль, опкашлянувъ разъ

шессть:

„Ошь голода, Визирь, ничѣмъ не опсидѣшься,
 „Хопъ за сно снѣнь уйшишь, и въ лапы всѣмъ
 одѣшься.

„Домашній епо нашъ, внушрь гнѣздящійся врагъ,
 „Чшо роешь день и ночь намъ пагубы оврагъ.
 „Возможноль доложишь, коль пребухи въ насъ
 пусшы,

„Табашныель лиспы во мѣсно ѣспъ капусшы,

„Иль порохъ повелишь и ядра намъ кусашъ,

„Иль по медвѣжьему всѣмъ лапы здѣсь сосапъ?

„Когда шы силенъ насъ поподчивашъ обѣдомъ,

„То я шебя, Визирь, сравняю съ Магомедомъ.

„Но чуда коль сего не можешъ сошворишь,

„Чшо гладомъ попусшу Сулпанску рашь мо-
 ришь?

„Увы! въ бѣдѣ сей какъ Паши не будушь шоци?

„Коль на Магмедовы Визирь походишь мощи!

Въщашь было Улань вдаль чпо шо запѣваль,
 И снова было рошь широкой разѣваль;
 Но ппицу быспрошой изобразивь крылашу,
 Визирской Казначей въ совѣпну вбѣгь палашу,
 И съ мершвостью въ лицѣ.,, Алла лала! вскри-
 чаль;

„Вся снѣдь разграблена; пы жизнь свою скон-
 чаль;

„Голодну чернь держашь въ порядкѣ невоз-
 можно;

„Прости пшено и кофь, жаркое и пирожно!

Обѣими ушьми Визирь внявь вѣспь сию,

„Скоряй, сказаль, скоряй перо и харпю.

Сь приборомь шушь Бахчи изь всей меннулся
 силы,

И пролиль въ шоропяхь на Визиря чернилы.

„Скоряй, возкликнули опчаянны Паши,

„Хопь кровю своей, чѣмь хочешь, да пиши.

Но видя, чпо Визирь въ великомь неуспроѣ,

Чернильницу предь нимь держашь взялися шрое;

Онъ восемь разь въ нее перо свое купаль,

И восемь разъ въ нее ошь спрахъ не попалъ;
 Въ послѣдокъ ошь Пашей поддержанной рукою
 Унаровиль, и свой слогъ началъ сей спрокою:
 „Великій Государь! брашь солнца и луны!
 „Прочши, къ шебѣ пвои чшо пишупъ горюны.
 „Понеже не было намъ щасья въ рашномъ
 полѣ;
 „Мы въ разныхъ городахъ засѣли по неволѣ.
 „Тупъ спушали враги насъ шысячью шенешъ;
 „Своя намъ рашъ бѣда; чревъ много, пици нѣшъ.
 „Адрянградцы съ ней къ намъ, правда, поспѣ-
 шали;
 „Но Рускіе ее ввешъ въ Шумлу помѣшали,
 „И ешо, Государь, шакъ здѣлалось не въ ладъ,
 „Чшо воспослѣдоваль межъ нами сильной гладъ.
 „Всѣ спали жершвовапъ лишь собшвенному
 брюху,
 „Дерущя не за васъ, но хлѣба за краюху.
 „И каждой стоишъ здѣсь премногихъ ранъ ло-
 мопъ;
 „Чшо здѣлаешъ? духъ бодръ, изнемогаешъ площъ.

„Въ семь случаѣ ужомъ вершѣлся я и жабой:

„Упрямятся враги пошѣшишь насъ ослабой.

„Румянцовъ во своихъ намѣреньяхъ упругъ,

„Суровъ, и какъ камень въ переговорахъ шугъ.

„Все Крымъ швердишь да Крымъ, да приспа-
ни и море,

„И я на шо сдаюсь, бывъ близокъ шоль къ
уморѣ.

„Теперь о Государь, мнѣ въ дѣлѣ споспѣши;

„Что началъ я, своей шы власшью доверши.

Письмо и грамошу, какъ должно, вмѣстѣ склали,

И наскорѣ къ Царю шу радость опослали.

Онъ похоти, сласшей и вождельнѣй рабъ

На силу сысканъ былъ въ полкѣ серадныхъ бабъ.

Посланіе своихъ прочешши содрогнулся,

Въ объашья жень упаль, и съ шрудношью оч-
нулся;

Сшрегутшимъ ихъ скопцамъ велѣль созвашъ Ди-
ванъ:

„Была, де, брань, шеперь за миръ взялся Сул-
шанъ.

Тамъ наши подтвердилъ благоговѣйно иски,
И сквозь очки смотрѣлъ, что нѣшь ли гдѣ

описки.

Припворной радостью скрывъ испинну печаль;
Къ намъ грамошу послалъ; а самъ ушолъ въ

Сераль,

Теперь не пушки лишь, иной палъ жребій Тоду,
Султану въ честь писать торжественную оду.

Пусть поздравительный ему гошовишь лиснь,
И шамъ поправишь все; что перепорчили

Приснь.

Долгъ трѣбуешь, да Галъ державца ушѣшаешь,
Копорато онъ морь и оспрововъ лишаешь.

Окончана война; все дѣло мечъ рѣшили;

И всякой Филосовъ въ догадкѣ погрѣшили,

Что въ мушной злоснь душѣ скрываючи глу-

боко,

Чтобъ въ ону не могло ничье проникнуть око,

Уединень на насъ лукавства сѣши плель,

И шрудностью чужой крѣпился и цѣлѣлъ.

Теперь ево грызешь спыдъ, зависишь и кручина,

Что предъ Румянцовымъ всѣ сѣпи паучина.

Сколь узоль былъ ни хитръ, но Александръ
разсѣкъ;

Зломышленникъ назадъ въ намѣреньяхъ пошекъ,

И грѣшныхъ черпезей сожегши втай бумагу,

Какъ правой нашему сорадуешь благу;

Блюдяся шѣхъ же самъ, что Туркъ понесъ,
хлопошь,

Клянешься, онъ всегда Россіи доброхошь.

Онъ львомъ на насъ хопѣль при случаѣ пу-
стишься;

Иначе рокъ судиль; лисою онъ верпшишь.

И въ испинну, побѣдъ неслыханныхъ со дня,

Кпо бышь раздумаешь намъ близкая родня?

И видя, что припворспивъ не пользуетъ завѣса,

Во челоуѣка кпо не перейдешь изъ бѣса?

То наша похвала, что, храбрыми грудьми,

Льсщеповъ, бездушниковъ мы нудимъ бышь
людьми.

Кпо Бога не боясь, законъ и чепъ опмещепъ,

Екатерины шопъ и Россовъ пуспъ шрепещепъ!

Уже возлюбленный просперся всюду мирь;
 Увѣчный Туркъ пошекъ кшо въ Мекку, кшо въ
 Каирь;

Туда, послѣднія вселенной гдѣ границы,
 Гдѣ западъ солнечный, и гдѣ восходъ денницы.
 Опъ всѣхъ была краевъ ихъ челядь собрана;
 Премногая спаслась, множайша попрана.
 Но еслибъ уморить всѣхъ, кои ни говѣли,
 Тобъ цѣлой Азіи серали овдовѣли,
 Но кая польза, чшобъ смердѣль ихъ шрупъ
 гнія?

Пусть человѣчеству ихъ учить брань сія,
 Пока живушь, нося духъ помный въ скорбномъ
 шѣлѣ,
 Разсыплюшь пусть въ своемъ полезный спрахъ
 предѣлѣ;

Въ сердцахъ звѣриныхъ жарь ко дракъ упушашъ;
 Мирь чадамъ, внукамъ ихъ и правнукамъ вну-
 шашъ;

И скажущь, чшо вошце Сулпаны ихъ гордяшя;
 Спрашна ша обласъ, гдѣ Румянцовы родяшя!

Чипая повѣсти старинныхъ мы время,
 Пльнимся звуками гремящихъ шамь именъ.
 Какіе Гекторы, какіе Ахиллесы,
 Какіе сильныя въ нихъ жили Геркулесы!
 Намъ каждый вдалькѣ бышь зришся полубогъ!
 А нынѣ, рошцемъ, свѣшь Героями убогъ.
 Но чпя почившихъ прахъ, не руша древнихъ
 чеспи,
 Мы скажемъ о шебѣ, Румянцовъ, шо безъ ле-
 спи,
 Чшо малъ передъ шобой, спрахъ Афровъ, Сци-
 піонъ,
 Сколь имени его ни громокъ въ книгахъ звонъ.
 Тѣ Рима воины, шѣ горды свѣшборцы,
 Дивяшъ насъ вяще, чшо ихъ жарки спихопворцы;
 Какъ засверкаюшъ вдругъ идеями въ глаза,
 Герой ихъ кажешся громъ, молнія, гроза!
 Увидишь всѣхъ боговъ въ одномъ со шпагой му-
 жѣ!
 Но чшо не жарки мы, иль шы шѣмъ Римлянъ
 хуже :

Не можемъ мы боговъ съ Олимпа низвести,
 Рукой пвоей Сшамбуль, какъ Кареагенъ, прясши,
 За недоспашкомъ въ насъ къ изображенью жара,
 Иль меньше пвоего на Турковъ вѣсь удара?

Ты, все у насъ великъ, хошь ябъ сказаешь лишь

смогъ:

Румянцовъ Турка биль, не Гекшоръ и не Богъ;
 Румянцовъ, кой дѣшей ведя похваль слѣдами,
 Знакомишь при себѣ съ военными шрудами.

Родился онъ межъ насъ, и машъ его жива,

Что можешь бышь о немъ днесъ сіи чпешъ

слова.

Смирено признаюсь, что слогъ мой очень ни-

зокъ;

Но мой Герой великъ, я самъ шѣмъ къ славъ

близокъ.

Попомки, спанешся, проспивши ихъ порокъ;

Румянцова любя, и нашихъ взыщущъ спрокъ.

Не спрашенъ чорну желчь ліющій мнѣ Сашъ

рикъ;

Не силенъ чеспъ мою запъмишь парящій Лирикъ,

Которой во груди безъ должнаго огня,
 Какъ бомбу порохомъ, хвалами пѣснь чиня,
 Не рѣдко мнѣнся бышь Зевесъ громодержа-
 вень,
 Межъ тѣмъ какъ милой онъ ползеть съ пра-
 вою равень;
 Или хошя уже, не пожалѣвъ шруда,
 И мечеть бомбы въ верхъ, но мечеть не
 шуда.
 Поя прехрабраго, возможноль мнѣ боящся?
 Я кроюсь за него, гошовъ имъ самъ смѣяшся;
 И шакъ, какъ Турковъ онъ, шу челядь прези-
 рашъ,
 Кшо вздумаешь меня чернилами марашъ.
 Не ошры замыслы, лишь радоснь мнѣ по-
 шребна;
 Пою не клича Музь, не пѣвши имъ молебна.
 Возьмише опъ меня Пѣшны всѣхъ Клѣонъ,
 Ты буди мой, шы будъ, Румянцовъ Аполлонъ.
 Гнушаясь бреннаго Парнасса суешою
 Горжуся имъ однимъ и слога просшою.

Не высясь къ облакамъ и риемой не звеня,
 Ищу, чпобъ каждый Россъ возчувспвоваль меня;
 И не являя думь въ убранспвѣ словъ богапомъ,
 Пишу, какъ будпо я служиль подъ нимъ сол-
 дапомъ,

И опложа ружье съ шѣмъ въ руки взяль перо,
 Чпобъ описашь мнѣ брань правдиво, не остро;
 Чпобъ нѣки риемами шоргующи Вишии,
 Чпо въ одахъ межъ собой сшибаюшь всѣ спи-
 хи,

Не зная ремесла, по долгу, своево,
 Не поршили похваль Героя моево.

Оливными его мечь вѣпьями обвишый
 Доволенъ жаръ подашь и замысль плодовишый.
 Разишь прошивниковъ, и въ крови погружашь,
 Обильны рѣки ихъ шѣлами запружашь,
 Еспь дѣло въ испинну велико и чудесно,
 Однако смершнаго усилю совмѣсно.
 Но начинанія ихъ почно предузнашь,
 Разспроишь чершежи, и въ кучи всѣхъ со-
 гнашь,

Оспавишь Тигровъ съ ихъ зубами и когнями,
 И шако переллестъ со всѣхъ споронъ сѣшями,
 Чшобъ изъ берлога въ инь не смѣли ногъ во-
 лочъ,

Имѣлибъ полную, но безуспѣшну мочь,
 Рвались бы вонь, и жмясь шерпѣли гладь осады,
 И спервясъ, грызлись бы промежь себя съ
 досады,

Отверспыхъ подь пяшой чшобъ минованъ гро-
 бовъ,

Отдачеюбъ когней спасались и зубовъ,
 Есть чудо разуму словесныхъ непоняшно,
 И полько пошому, чшо спалось, вѣрояшно!
 Хоть я въ стихахъ пишу, однако по не ложь;
 Весь свѣтъ, прѣспрайный свѣтъ вѣчаешъ въ
 прозѣ пожь.

Честъ рапныхъ и ошець, солданъ и пол-
 ководець,

Ошьемлющій врагамъ пучины пѣшеходець!

О Турковъ рокова, громовая спрѣла,

Чшо миромъ бранныя вѣчаеши дѣла!

Почто оставленъ я, оставленъ шакъ судьбою,
 Что пѣши не могу военной ша шрубою;
 И быспрыхъ мыслей шокъ, въ слѣдъ славы ус-
 преминъ,

Какъ шы дѣлами, свѣшь сложенъемъ изумишь!
 Но кія словеса для хваль швоихъ приспойны?
 И лавры гдѣ цвѣшущъ главы швоей доспойны?
 Чья Арфа шоль громка, и Лиры чьей спруна
 Неуспрашимосши, Герой, швоей равна?
 Всякъ жаръ, что ревности швоей не сораз-
 мѣренъ,

Для приобрѣшенъя въ пощомспвѣ хваль не вѣ-
 ренъ.

Когда не слышну бышь, чего для и гремѣшь;
 Что пользы въ шомъ, ушна опверсшь и онѣ-
 мѣшь.

О еслибъ кій Піишь, по общу всѣхъ желанью,
 Твой подвигъ возгласилъ Гомеровой горшанью;
 Хощь на него бы я жаръ мыслей обрашилъ,
 Чево тебѣ не смѣлъ, ему бы заплашилъ!
 Но по несчастію шакихъ пѣвцовъ не видно;

Никшо не сможеть, чшобъ мнѣ не было за-
видно.

Не съшуй, что еще не выросъ швой Орфей;
Безъ поддержанія швой спанеть швердь про-
фей,

И мы цвѣшами шой обвѣшивашь щасшпливы.

Вездѣ швой распушь и лавры и оливы;

Подъ шѣню обоихъ, побѣдъ шворецъ, почій,

И о пѣвцахъ не мни, вселенна швой Вишій.

Тебѣ сердца гражданъ благодареній полны,

Тебѣ Евксинскія со шумомъ плещушь волны;

Гдѣ чорныхъ Славенинь поржесшвенникъ хля-
бей,

До входныхъ во Сшамбуль помчипь свой спрахъ
зыбей;

Гдѣ Турки посреди своей сполицы плѣнны

На Росскій будущъ флагъ взираши изумленны,

И чую шягошу Румянцова железъ

Дрожашь, чшобъ кій корабль въ Сшамбуль ево
не ввезъ.

Тебя бояся чшипь коварный чужестранецъ;

Тебѣ кричишь, ура! пія свой пуншъ Бришанецъ,
 Кой въ дальныхъ радъ моряхъ Россійскій встрѣ-
 шись флагъ,

Неугомонное, какъ Россъ, дия опвагъ!

Не щещномуль въ Тебѣ чудилися мы диву
 Для справки позный родъ не спанешъ рышь
 архиву,

Искашь Тебя бумагъ въ безсолнечной спранѣ;
 Ты будешь въ книгахъ чщень, и можешь бышь
 во мнѣ.

Но ежели мой слогъ забвенію предастся,

И мнѣ прославишься, какъ многимъ, не удастся:

Съ Екатериной Ты во всѣ пройдешь мѣспа,

Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ успъ промчешься во успа.

А я, живъ будучи, хощь шу имѣль опраду,

Что пѣль Тя, ничьему не подражая складу.

И если Ты мой слогъ до сихъ ужь поръ
 прочель,

Желаемое я безсмертье приобрѣлъ.

Уже дремучія на сѣверѣ дубровы

Въ очахъ моихъ въ лѣса превращены лавровы.

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ
ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
РУМЯНЦОВУ

*На прибытіе Его изъ за Дуная въ Москву
по заключеніи мира съ Турками,*

1775 года.

Вошелъ въ шоржеспвенны, Румянцовъ, Ты
врата,
Копорыхъ не сопруть, спихи ни лѣша;
Они, какъ солнцевы, неплѣнны, свѣшозарны;
Согражданъ шо сердца къ Герою благодарны.
Ты былъ еще внупри прошивничей спраны,
Спожали оныя Тебѣ ошворены.
Гдѣ въ желшыхъ Обѣ брегахъ, и Волга гдѣ ка-
шился,

Гдѣ въ серебряныхъ спруяхъ Нева и Донъ кру-
жились,

Куда достигъ лишь слухъ, что варваръ сокру-
шень,

Вездѣ достойнъ вождъ триумфа Твѣ глашень.

Приблизился къ Москвѣ Ты Съвера сполицѣ,
Какъ свѣшносной, всякъ былъ радъ Тебѣ, ден-
ницѣ;

Казались деитнувшись бездушны спѣны пещь

Узрѣни Твой обвишь оливной вѣшью мечь.

Ты блеска бѣгаешь, мня оный быши щещень;

Но какъ укроешься великостью примѣшень?

Куда ни понесешь межъ насъ швои споны;

Взирая на Тебя народныя шолпы

„Се оный вождъ, гласяшь, кой смершнымъ бла-
годѣшель!

„Весь свѣшь его шруда и подвига свидѣшель;

„Испочникъ славы намъ и шысящи опрадь,

„Онъ жизнью замѣнишь блаженшво обще радъ.

Сей гласъ Ощещешва, гласъ искренень, неле-
сшень;

Среди спасенныхъ имъ всегда подвижникъ че-
спень.

Что древле дѣлывалъ побѣдоносный Римъ,
Побѣдоносны мы по въ наши дни шворимъ.
Во честьъ Твоихъ торжешвъ возносимъ обе-
лиски,
И рощемъ, что они ко облакамъ не блиски,
Куда Твой громъ враговъ разившій доспизалъ;
Что недоспашокъ силъ въ насъ рвеніе связалъ.
Коль были бы онѣ съ усердіемъ согласны,
Торжешвенны врапа, какъ радуга, прекрасны
Споялибъ въ честьъ Тебѣ, и разны въ ней
цѣшны
Являли бы Твои душевны красшны!
Ты вшелъ бы мира въ знакъ, великій Миропшо-
рецъ,
Рождень Сулшанамъ двумъ во казнъ Единоборецъ!
Однако честьъ Твоя безъ радуги цѣла;
Прекраснѣй радуги Богиня Тя срѣла;
Кшорой кропшій взоръ ешъ вышша всѣхъ на-
града.

Прияшно зрѣлище: подвижникъ и Паллада!

Она въ вѣнкѣ красна, какъ солнце въ ясны дни;
 Онъ близъ Ея споящъ въ лавровой самъ шѣни;
 Побѣдами она; онъ ихъ свершеньемъ звучень,
 Съ Ней славою и днесъ и въ роды нераз-
 лучень!

Екатерино кшо имя изречешъ,

Съ Екатериною Румянцовъ въ умъ впечешъ.
 Коль свящы, кои съ Ней Тебя спрягаюшъ, узы,
 И коль неложны шо пророчашя Музы!

Повсюду о Тебѣ согласенъ шонъ ихъ спрунь:

Ты чесшъ Россійскихъ чадъ, Ты варваровъ пе-
 рунъ.

Любимцовъ щасшя свѣшъ на время величаешъ;
 Безсмертне одно Героя оплечаешъ.

Уже Траяновъ сполбъ спашъ весь вѣками чернь;
 Красощъ жилище Римъ былъ Гоескихъ полонъ
 сквернь.

О древнихъ Римлянахъ нѣшъ болѣе и слуху,
 Однако Римскому мы все чудимся духу;

И о Траянѣ въ насъ поднесъ гремишъ молва:

Гремишь! чпо истинна подь солнцемъ честь
жива.

Нѣшь лучшей какъ она, безсмертія поруки;
Вся слава безъ нея пусшыя шолько звуки;
Сполбь пнжесшь лишь земли, и Пирамида плѣнь,
Великъ, кпо вѣченъ бышь, опъ ней запечашлѣнь.
Богиня, коею прямые дышущъ вои

И свѣшь дивящіе родящся въ свѣшь Герои
Приди, вдохнови и движъ насъ Неба дщерь!
Тебѣ опворена широка въ Сѣверъ дверь.

Намъ нѣшь во роскошахъ, въ Азійской нѣгѣ
нужды;

Намъ сродень Рима духъ, его пороки чужды:
Завидно намъ по немъ наслѣдство Ты одна;
Гдѣ Ты, какъ древній Римъ, ша область цвѣсшь
должна.

Я здѣсь, она гласитъ: цвѣшише яко крины,
Я царспвую межъ васъ въ лицѣ Екатерины,
И полня все собой какъ солнце васъ живлю;
Рожду Румянцовыхъ, и славой мірь дивлю.

Доколѣ Сѣверомъ душа сія владѣешь,

Герой оны Росскихъ чресль опнюдь не оску-
дѣешь.

Все, что попребно вамъ, она изобрѣсти,
Какъ Богъ, во бышіе все можешь привести.

О благъ обществу радѣющей вседушно,

Во мзду, ей всякое швореніе послушно.

Речешь: да гибнешь врагъ; и сходишь быстра
месть!

Да грянешь громъ; гремишь! да будешь миръ;
къ ешь!

ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ
ЦЕСАРЕВИЧУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,
НА КОНЧИНУ СУПРУГИ ЕГО
ВЕЛИКІЯ КНЯГИНИ
НАТАЛІИ АЛЕКСѢВНЫ

1776 года.

Преспань крушишися, преспань, совѣща
мужь!

Ты въ свѣщъ произведенъ на радость многихъ
душъ;

И скорбь Твоя есть скорбь всецѣлаго народа:
Уже Твоей шоской подвигнуша природа.

Довольно плакаль Ты и сѣшоваль, какъ другъ,

Довольно, какъ опецъ, довольно, какъ супругъ.

Мала ли за грѣхи судьбѣ ошъ насъ ша жершва,
 Чшо мы Наталю и первенца зримъ мершва,
 Тебя по крашкомъ шоль супружешвѣ вдовца,
 Польщеннаго, но вдругъ нещаснѣйша ошца,
 И прежде, нежели лобзаль Твой плодъ, без-
 чадна,

Сугубо жалостна, сугубо безопрадна,
 Имущаго лица зашмившися красы,
 И пепломъ горесни посыпанны власы!
 Еще ли намъ Тебя воображашъ уныла,
 Каковъ средь перьва былъ болѣзни люшой пыла?
 И надобноль въ Твоемъ Ей сердцѣ, Павелъ,
 роснь,
 Чшобъ жадомъ вдругъ однимъ сердца намъ всѣмъ
 пробоснь?

Легчншся, съ покомъ дней, горчайшихъ бѣд-
 ствѣй бремя,
 Зашмѣнне солнцу ешъ, но шолько лишь на
 время;
 Подъ вѣпромъ клоняшся высокѣй дубъ и кедръ,

Но паки воспаяюшь, ушихнепъ шолько въшрь;
 Ослабу по шрудахъ приемлешъ все въ нашурѣ,
 Живошворящій лучъ восходишь вновь по бурѣ:
 Ты, радованіе безчисленныхъ сердець,
 Посшави Твоему затмѣнію конецъ;
 Едина всѣхъ надеждъ Ты блещеши планета,
 И жизнь Твоя нужна для цѣлаго полсвѣша;
 Для насъ и для себя великодушень будь,
 И мудроспью свою чувствительность принудь.
 Ты шрона Машерна и разума наслѣдникъ,
 Ты самъ премудрости всечасный собесѣдникъ,
 Входя, какъ членъ всего, во общу міра связь,
 Подвержень общимъ Ты правамъ, великій Князь,
 И лишь ошъ насъ души высокостпью опличень,
 По мѣрѣ, коль своимъ Ты саномъ возвеличень.
 Какъ Павлу жребія подь игомъ упадашъ?
 Петръ Прадѣдъ у Него, Екатерина Машъ!

Но Машъ Твоя, увѣ! сраженна сей ушрашой,
 Едва въ душѣ своей, шаланшами богашой,
 Едва на сей ударъ находишь врачевшво,

И сильное зовешь на помощь Божество;
 То горьне Божество, что смертных иску-
 шаешь,

Казнишь и милуешь, мертваишь и воскрешаешь;

Являющая Небесь смиренную рабу,

Болѣзнуешь молча, не ропщешь на судьбу;

Наталли ошь ней и внука не взыскуешь,

Жмя въ сердць скорбь, вѣкъ блескъ надежды
 показываетъ.

Такъ солнце не смотря на сонмъ нашедшихъ пучь,

Непрерывая свой бросаетъ окрестъ лучь;

Не въ силахъ возблисташь безъ мрачности при-
 мѣсу,

Оспраду шлешь во мѣръ сквозь облачну завѣсу;

Хоть пришупленная, но солнцева шѣ мощь;

Положимъ, день сей мглисшь, но все онъ день,
 не ночь.

Екатерина долгъ слезами року плашишь,

Однако шѣмъ души величество не прашишь.

Ушѣшишися свѣшь Ты черпли ошь Нея,

И черпли изъ души, О Павелъ, своея!

Не знающимъ вещей союза впочь, и чина,
 Измѣрималь судьбы Владычнихъ намъ пучина,
 Зачѣмъ онѣ влача спремнины насъ на край,
 Чрезъ пропасшь намъ вдали прелесный ка-
 жущь рай?

Мы жадный взоръ шуда ежеминушно мещемъ,
 Но мещемъ брегучись, и радуясь препещемъ.

Зачѣмъ на онаго недолжный свыше даръ,
 Опшудужь на сего падешь, гремя, ударъ?

Изнемогаючи рѣшиши по собою,

Мы должны наконецъ смиришься предъ судьбою;

Благополучиель насъ срѣдишь или напасшь,

За все благодарись, ешь лучша смерпныхъ
 часшь.

Часшь лучша возвергапъ на онаго надежду,

Кой мощень мѣрь проспершь, и свиши какъ
 одежду.

Кпо словомъ произвелъ изъ мрачной бездны день,

Не силенъ ли разгнашь печали нашей пѣнь?

Кпо держишь въ цѣлоспи швореній связь
 огромну,

Попустишь ли въ конецъ упасши духу помну?
 Есть бѣдспвія, но есть прошиву нихъ и врачъ;
 Есть скорби, есть и Топь, къ кому послашъ
 нашъ плачь.

Коль горы рушашся и понпы изсыхающъ,
 Чшо люди о своихъ поль прапахъ въздыхающъ?
 Почшо во свѣшѣ семь богами бышъ хошашъ,
 И щещными судьбу моленми нягошашъ?
 Чшо служишъ имъ во вредъ, во пользу иль по-
 шребу,
 Извѣспиѣе, какъ имъ, всевидящему Небу.
 Кій спудъ для смершнаго зависѣшъ ошъ Того,
 Который безъ конца премудрѣ его?

Для многихъ вмѣспны винъ злочаснѣя въ свѣ-
 шѣ ешомъ,
 И можешъ бышъ они родилися со свѣшомъ;
 Преврашъ всего гласишъ природа намъ сама
 И лѣшо и весна, и осень и зима.

Когда бы вовсе душъ бореи переспали,
 И вѣчно красны дни весенни возблиспали:

Всегдашній небеси и моря бы лазурь
 Желанье въ насъ родиль взглянушь на ужась
 бурь.

Есть нѣчто въ бѣдспвіяхъ, что сердце возвы-
 шаешь,

И человѣческу природу довершаешь.

Ниже вопще шворцы, Героевъ. ищася пѣшь,

Ихъ нудяшь шучи бѣдъ въ спихахъ своихъ шер-
 пѣшь,

И злобныя шворяшь игралищми форшуну;

Туть море ихъ грошишь, сверкаюшь шамь Пе-
 руны!

Они съ бѣдой борясь, покоршвуя судьбѣ,

Прямое кажушь намъ достоинство въ себѣ:

И чрезъ удачныя сихъ вымысловъ приемы

Живое въ насъ родяшь соспрасше поемы.

Сшупая шиковымъ подвижникамъ во слѣдъ

Мы самибъ ради бышь учасшники ихъ бѣдъ,

Иль паче, ради бы, опрекшисъ благоденшва,

Искашь имъ равнаго бѣдами совершеншва.

Напасшь всегда была искусь душевныхъ силъ;

И щасливъ ли, кто въ жизнь несчастья не
вкусилъ?

Рождень ко роскоши, привыкнувъ ко веселью,
Когда распанется онъ свѣта съ колыбелью,
Онъ жилъ сновидецъ въ немъ, и умеръ какъ дитя,
Не всѣ души своей движеньи оцущя;

Спущивъ по мягкому между цвѣтами дерну,
Не зналъ болѣе о пѣхъ, которы шли по перну.
Чье сердце жалоспи, и очи чужды слезъ,
Топь носишь на себѣ нескрытну казнь Небесъ.

Нѣтъ лучша зрѣлица предъ Вседержащей
Власпью,

Какъ мужъ борющійся упорно со напасью.
Мужайся, Павелъ, днесъ пвой случай люшь и
спрогъ,

Днесъ смотришь на Тебя съ высопъ священ-
ныхъ Богъ,

Да видишь, како Ты въ семь бѣдспѣвъ веледу-
шень,

И искушающу Тя промыслу послушень.

Но Ты свой плашишь долгъ природѣ, какъ Герой,

И распоченныя въ мигъ спавишь мысли въ
спрой:

Какъ горлица, лишась подруги, въздыхаешь,
И паки какъ орель душею възлешаешь;
Хоть юнь, но мужеспвомъ созрѣвшій исполинъ,
Таковъ межъ волнь, каковъ шемпейскихъ средь
долинъ,

Носишель мудръ, Небесь и милоспи и гнѣва,
Являющъ санъ и зракъ и сына духъ Царева.

Чпо сряцушь очеса Господни на Тебѣ?

Ты швердъ въ надеждѣ нань, покорень Ты судьбѣ.

Та рана сносиѣ, сперпимѣ нещасье,

Приемлюшь многіе гдѣ искренне учасье:

Тебѣ желанія и мысли вознося,

Россія въ сей шоскѣ совоздыхаешь вся.

И чье нечувствіе сей рока громъ не шронешъ!

Тебѣ моря, земля, и въздухъ весь сосшонешъ.

Во щасія лучахъ любезень былъ Твой зракъ;

Милые блещешъ днесъ сквозь сей печали мракъ.

Всякъ чувствуешь Твой боль, и всякъ с То-
бой шеряеть,

Намъ вѣщице Твое всѣ чувства изощряешь.

Ты жалостный предлогъ опечесства рѣчей,

Воображеній рай, и нашихъ свѣтъ очей.

Взираючи въ Тебѣ на вдовспвующу младость,

На нашу и Твою сокрышу въ гробѣ радость,

О кпобѣ не возжелалъ умрешь спо тысящѣ
крапѣ,

Коль можнобѣ вознесши опѣ смертныхъ ону
врапѣ!

Съ коликимъ жаромъ души мы зрѣшь ея жадали;

Колкимъ щаспемъ себя предуслаждали?

„Опѣ чресель Павловыхъ изыденъ храбрый
вождѣ,

„Ниспослеть Небо намъ благословеній дождѣ;

„Возвысисшся до звѣздъ Петрова дому слава,

„И наша, яко швердѣ не двигнешся держава.

Мы льспшимся шакѣ, но се, (коль шщепень нашѣ
оплошь!)

Помбли навсегда и нива вдругѣ и плодѣ!

И къ вящу нашего рушенію покоя

Носиа, обрѣлось, Наталя Героя;

И провождаючи, (О горькая разлука!)

Екатеринину Невѣспку вы и Внука

Явите сколько вамъ мила Петрова кровь,

Сколь сильно дѣйствуешь ко Павлу въ васъ
любовь;

Да холмы вамъ, древа, и рѣки соспрадаютъ,

Да ангели небесъ, вамъ въ слѣдъ, совозрыдаютъ.

Восплачь, восплачь вся пшварь зря люпоспъ
нашихъ золь,

Взойди, взойди нашъ вопль предъ Вышняго пре-
споль,

Во ушю его, болѣзненный, достигни,

И всѣхъ щедрошь Опца ко жалоспи подвижни.

О Боже! Твой завѣшь съ Россіей помани,

Коль милоспивъ бываль въ Петровы Ты
ей дни.

Продли во вѣкъ по Немъ наслѣдспивенное племя

И Правнуку его восптавь желанно сѣмя.

Я вижду; свѣшлыя раскрылись небеса,

На Павла милоспей низходишь вновь роса!

Дѣвица къ намъ грядешъ, цвѣшуща яко древо,

Какъ солнце зракъ Ея, какъ плодна нива чрево.
 Исполнися, чего поль ревностно мы ждемъ,
 Се вѣшвъ за вѣшвю, вождь исходипъ за во-
 ждемъ!

Коликая шоржеспвъ и радостей причина;
 Всякъ сынъ Великій Петръ, и дщерь Екатерина!
 Едину скорбь намъ Богъ вѣнчаешъ пьмой ошрадъ;
 О Павелъ не скорби! Ты узришь чада чадъ.

ЕГО СВѢТЛОСТИ
КНЯЗЮ ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ.

Пріявъ, Предсшашель Музь, писашь къ ше-
бѣ опвагу,
Я долго мыслиль, чѣмъ наполнишь мнѣ бумагу.
Духъ влекъ меня писашь, прсвожилъ спрахъ
вельми,
Что смѣлосшь безъ ума опасна предъ людьми.
Я много крашь перо брашь въ руки покушался,
И много крашь въ словахъ и въ риемахъ я мѣ-
шался;
Возмнилъ, знашь Музы илюють съ Парнасса мнѣ
опказъ,
Знашь болѣе служишь не хочешь мой Пегазъ.
Вдохнулъ! какъ предъ меня Богиня вдругъ пред-
спала,

И очи мысленны мнѣ свѣшомъ облісшала.

Безхипросшна краса въ лицѣ Ея цвѣла;

Не знаю Муза шо, иль Грація была.

Возрѣвши на меня, сколь помню я, умильно;

„Что риѣмы шѣ, рекла, влечешъ въ списки на-
скольно?

„Непринужденно думъ печеніе и словъ

„Раждаешъ красону желаему стиховъ.

„Випшійспвоанье все износинся опъ духа;

„Въ комъ сердца нѣшъ, въ шомъ нѣшъ разбор-
чивосши слуха.

„Природѣ подражашъ пушъ кажешъ онъ единъ;

„Кшо дышенъ имъ поя, шопъ самъ природы
сынъ,

„Въ произведеніякъ, какъ ша, своихъ обилень,

„Великолѣпень, просъ, различень, живъ и си-
лень.

„Возри, какъ дѣйствуешъ не нудяся она,

„Коль разными вездѣ узорами полна;

„Тушъ зеленю луговъ, и шоккомъ водъ прекра-
сна,

- „Горами здѣсь дика, и пропастьми ужасна,
 „Величественна шамь ращеніемъ дубровъ;
 „Машь ясныхъ дней, и бурь, зефировъ и гро-
 мовъ,
 „Коль класовъ желшоспью распущихъ межъ
 браздами,
 „Посѣянными поль чудна горѣ звѣздами.
 „Сообразуясь ей шы духа не спѣсней,
 „И слогъ швой киспю свободы уясней.
 „Тѣ, коимъ пушь во храмъ богини сей невѣ-
 домъ,
 „Напрасно хваляпся иппи природы слѣдомъ.
 „Невольникъ помный буквъ, и риємъ богатыхъ
 рабъ
 „Всегда убогъ вещьми, въ изображеньи слабъ;
 „И мысля, пишеть онъ ешественно и просто,
 „Какъ сущій понугай, все пожь швердишь разъ
 со спо.
 „Не вынесеть пѣвца единъ музыки понъ,
 „Безъ мыслей риемы, словъ на вѣпрѣ мрущихъ
 звонъ,

- „Подобье, глась людской преемлющаго еха,
 „Ауканье въ лѣсу, и выдумка для смѣха.
 „Не рѣдко риёмодѣй, размѣря вшочь снопы,
 „Сбиваешься, мудря, со разума пропы;
 „И выправкой свою испортивши работу
 „Наводишь на чпнецовъ дреманье и зѣвошу,
 „Повсюду грубь и пуспь, какъ видь безплодныхъ
 поль;
 „Невкусень, неспернимь, какъ обуювша соль.
 „Пуспь каждая спрока, да слухи обаяешь,
 „Віешия какъ змя, и гласными зяеши;
 „Коль жала внупръ души не ощущаеть чпнецъ:
 „Шеренги мершвыхъ буквъ наспавиль шумъ
 писецъ;
 „И узки самъ себѣ предначертавъ границы,
 „Музыкою свои ошягошилъ спраницы.
 „Въ напурѣ и въ спихахъ еспь вольноспи
 чершы,
 „Ошь коихъ главныя зависящъ красопы.
 „Ведомъ своей мечшой, какъ хочешь кпо, пуспъ
 пишешъ;

„Къ Пошемкину цвой слогъ да вольноспію ды-
шесть,

„Я знаю нравъ его; онъ мною воздоень,

„И мыслями какъ я пакимижь напоень.

То рекши Божество бышь видимо преспало;

Въ восторгѣ радостномъ мнѣ сердце преле-
пало.

Любимецъ я небесь, опомнясь, я сказалаь,

Такого щасстья вѣкъ пікшъ не доспихзалаь.

До позднаго моя промчешся честь попомспва,

Что можешъ выше бышь съ Богинями знаком-
спва?

Одна въ явленіяхъ обильный мыслей свѣшъ,

Другая на яви щедропы мнѣ ліфшъ.

Какъ цвѣшъ не орошень, шаланшъ сжимаюсь
вянешъ,

Когда на шопъ роса призрѣнія не канешъ.

Издравле подвиги одушевляла мзда;

Монархъ любилель Музь, спасилельна звѣзда,

Подъ коей подданны во щасстья созрѣваюшъ,

Науки движущся, и быспро успѣваюшъ.

Такъ солнцѣ, лишь явишь весення блескъ чела,
 Летишь изъ уля со радостью пчела,
 И жершвуя своимъ чужему попомъ благу,
 Снимаешь сладкую съ цвѣшовъ различныхъ влагу;
 Влечешь въ свою корысть піонъ, и розмаринъ,
 И розы, и нарцисъ, и благовонный кринь.
 О еслибъ на пчелу всегда весна блискала;
 Всегда пчела людей сопами бы пишала.
 Но часто ранній мразъ, увы! ее знобишь,
 Иль шохъ, кому она свой носишь медъ, губишь.

Пишь пчела; онъ медъ для общесства собираешь,
 И часто въ дыма мглѣ, до срока, умираешь.
 Не разъ, парившаго превыше шухъ ума
 Наградой всей была, подъ шаросшь лѣшь, сума;
 И завсегда, кто жишь перомъ однимъ рѣшишь,
 Не шохолько кришкики, какъ голоду спрашишь.
 Почшо же льшишь сіе шохъ многихъ ремесло?
 Со дня на дѣнь расиешь риемующихъ число.
 Изъемаля нищету иль мало шухъ прѣпашій,
 Борьба съ невѣждами и съ зависью собрашій?

Чтобъ выманишь меня молчанья изъ окопъ,
Куда они своихъ не заносили спопъ?

Я шажестъ сей дошоль выдерживаль осады,
Пока прошивники надорвались съ насады.

Военный обещавъ издергался снарядъ,
Ихъ выспрѣлъ рѣдокъ спалъ, и съ лишкомъ
поощъ зарядъ.

Опъ копоши мою освободивши лиру,
Склонились наконецъ къ торжественному миру.
Быль сеймъ; и въ шой едва условились спашьбъ,
Чтобъ въ морѣ риѣмъ моей дань вольный ходъ
ладьбъ;

Чтобъ мнѣ на парусахъ носишься непре-
дѣльно,

Доколѣ прешерплю крушенье корабельно;
Упопшилъ на чужомъ мнѣ нагу лечь пескѣ,
Иль выплышь какъ нибудь удастся на доскѣ.

Сей судъ произнесли Россійски грамошѣи;
Умолкли на меня враждебны ихъ зашѣи.

Однако же молва по Геликону шла,
Что хипростъ пагубна сокрыша шумъ была.

Чтобъ я число чпецовъ, имъ въ шягоснѣ, не
умножилъ,

Рожденный зависью ихъ сильный спрахъ пре-
вожилъ.

Чего для, мнѣ во вредъ, соспавили союзъ;

Взвели, что я пишу пропивъ кошѣнья Музъ;

Мнѣ не даль Аполлонъ ни жару, ни разсудка;

Не лира у меня орудіе, но дудка.

Но какъ, въ несчастье имъ, свѣтъ былъ не вовсе
глухъ,

И прю сію по мнѣ рѣшилъ немногихъ слухъ:

Сердцами распыхавъ ударили превогу,

И брань невинному провозгласили слогу;

Текли разбишь его чело, крылѣ, и пыль,

Чтобъ жаръ писашъ спихи скорый во мнѣ про-
спылъ.

Но по вдѣхающей намъ склонности судбинѣ,

Слагаю я спихи, Пошемкинъ, и понынѣ;

И мыслей сонмъ ко мнѣ ліешся, аки дождь,

Когда швой поній слухъ моихъ сложеній вождь;

Твой слухъ, кой въ мигъ личишь, чей лучше
 слогъ, чей хуже,

Кпо въ числомъ покѣ пьешь, кпо черпешь
 въ мушной лужѣ.

На правоспъ своего надѣясь суда,
 Не спану я жалѣшь въ семь подвигѣ труда,
 И въ одахъ угождашь непросвѣщенной черни,
 У коей днемъ въ глазахъ гуспѣють мглы ве-
 черни.

Чшобъ честь книгочія предъ нею соблюсти,
 Миѣ спашь ли, какъ она, идеями полсти;
 И пришлымъ изъ за морь подобяся Евнухамъ
 Горшаню дѣлашь прѣль Россійскимъ спранну
 слухамъ?

Кпо хочешь, пущь своихъ по модѣ рядишь
 Мусь,

И погружаешь въ Ипаліанскій вкусъ;
 Въ возможны нѣжностп пускай языкъ ломаешь,
 Увѣчишь здравой смыслъ, да риѣма не хро-
 маешь;

Боясь спеченія согласныхъ, какъ ужа,

По лабиринту словъ, пусть маешься, кружа;
 И числа одъ чужихъ пороки, не добропы,
 Намъ кажешъ во своихъ паршесны шолько ношы:
 Не важень для меня сей дивій Аполлонъ;
 Мнѣ умъ чужой не Царь, и прихощъ не за-
 конь.

Иль впрямь, колебляся пустою укоризной,
 Не мысли, буквы чпиншь сложенія главизной;
 И собесѣдуа чипанеля съ душей,
 Выдѣлывашъ изъ шпрокъ, гремушки для ушей,
 Свиспѣшь, хрипѣшь, сопѣшь, и вопіашъ из-
 лиха;

Чшобъ слогъ былъ вдругъ казисшь и громокъ,
 какъ шумиха,
 Унывень, аки понъ помѣшанныхъ кураншь?
 Кшо масперъ, въ нихъ играй; мнѣ не данъ сей
 шаланшь.

Сколь мало я во свѣшь боганыхъ риѣмъ ни
 вышлю,
 Мнѣ епо не упрекъ: я шакъ пишу какъ смы-
 шлю.

Чтобъ пѣшь Монархиню, мой скудень, знаю,
дарь,

Но чей Ея дѣламъ сразмѣрень спанепъ жарь?

Хоть ябъ пчелой жужжалъ, чухъ съ долу воз-
нимался,

Хопябъ орломъ париль, и къ небу возвышался,

Идеибъ наряжалъ шо въ молнію, шо въ громъ;

Въ вечерній бы лепаль, шо въ ранній солнцевъ
домъ;

Мѣнялсябъ какъ Прошей; Она всегда едина:

Я Пиндарь, я Алкей; она Екатерина.

Слеши съ Парнасса Фебъ, и шщись Ее воспѣшь;

Въ приданьи Ей красощь что можешь онъ ус-
пѣшь?

Какъ Ахиллесовъ гробъ шой славный Грекъ
увидѣль,

Онъ щаспю сего Героя позавидѣль.

Блаженный, рекъ, лежишь подь камнемъ симъ
мершвецъ,

Великій былъ Гомеръ похваль его пѣвецъ.

На сей когда бы гробъ Монархиня взглянула,
Онабъ, какъ Александръ, ошнюдь не воздохнула.
Умы Ее блажатъ различныхъ спранъ, и вѣрь;
Сердца добротъ Ей храмъ, и цѣлый свѣщъ

Гомеръ.

КЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ЕКАТЕРИНЪ ВТОРОЙ.

На вожделѣннѣйшее прибытіе

Въ Москву.

1785 года, Іюня 3 дня.

Живя въ Пепрополь, Монархиня, опшуду
Могущесшвомъ своимъ присущспвенна Ты
всюду;

Хошь близокъ, хошь далекъ,
Тя каждый чувспвуешь въ Россіи человекъ.
Теперь осшавя Ты величешиво прешпола
И выше сроднаго возьемлющася пола,
Какъ бодрспвенный орель по обласни паринь;
Да щасшливы Тобой града и веси зришь.

Въ подобьи класамъ нивъ споспѣшныя зарницы
Сверкая веселишь Тя ищущи зѣницы:

Блеснувъ на мѣспѣ шомъ,

Вдругъ блещешь на другомъ.

Намѣрясь посѣишь Мспу полну шумной влаги,

Гдѣ съ грузомъ ладіи лепшають черезъ праги,

Въ пропивность Твой шуда гласящей пупь

молвѣ

Божеспвенный Твой зракъ являешь вдругъ Мо-

сквѣ,

Слухъ внемля, Твоего пришеспвія предпечу,

Въ безпамятспвѣ она печепь Тебѣ на вспрѣчу.

Колико въ небѣ звѣздъ,

Толико свѣшдыхъ вдругъ очей въ Тебя вперяешь,

И быспрыми Тебя движеньми увѣряешь,

Ей коль пріапень Твой и вождельнь прівздъ.

Возри на духъ ея, на чувеспвованій сладоспъ,

На исполинскій скокъ, на безпринворну ра-

доспъ.

О всякой зрѣлице превыше красоны!

Несчепныхъ солнце душъ, во колесницѣ Ты

Блнспашельна, славна, и купно ласкосерда,
 Съ величеспвенноспью кропка, и милосерда,
 Всѣмъ зрѣшь Себя дая, швориши прнхій ходъ;
 Тѣспннся въ множеспвѣ безчисленномъ народѣ
 Вкругъ велелѣннаго, гдѣ Ты сѣдишь, навѣса;
 Плещьми ихъ кажущся бышь движимы колеса:
 И всадники Твои запнушы, спѣспнены
 Опъ провождающей въ пупи Тебя спѣсны.
 Въ воспоргѣ шамо всѣ, ура! Тебѣ зывающъ;
 И души, кажешся, горшаньми изливающъ;
 Всѣ дома, кровы всѣ подъемлющъ громкій плескъ,
 И Твой несъпными очами черплющъ блескъ.
 Не шако пупники, во зной, древесъ подъ шѣни,
 Не шако жаждущи къ рѣкѣ шекущъ елени,
 Какъ радоспна къ Тебѣ, Монархннн, Москва,
 Сподоблена Тобой внезапна шоржеспва.
 При восклицанняхъ носясь опъ мѣспна къ мѣ-
 спу,
 Зри градъ украшеннй Тободо какъ невѣспу,
 Зри горды зданнн, рукъ ревноспныхъ шруды,
 И благошворноспей вкушай Твоихъ плоды.

Онъ полонъ весь щедрость, Твоей весь полонъ
 славы.

Тебѣ шумяшь вокругъ и рощи и дубравы.

Изображающа злапы въ себѣ верхи

Тебѣ рѣка журчишь похвальные списхи;

Прозрачной чрезъ Тебя усилена водою

Предъ многопразною въ брегахъ гордишься
 Мшпою;

Пловущимъ въ ней судамъ споспѣшна, не лиха,

И нравомъ, какъ и Ты, Владычица, шиха.

Тебѣ Художества, Тебѣ цвѣтушь Науки;

Тебѣ посвящены всѣхъ разумы и руки;

Тебѣ распушь ея и дщери и сыны;

Тебѣ всѣ возраста, всѣ преданы чины.

Ты здѣсь утверждена небесъ для насъ зало-
 гомъ,

И здѣсь помазана на царство сильнымъ Богомъ.

Возвеселися, Машъ, средь любящихъ Тя чадъ!

О Машери швоей возвеселися градъ!

Воспойше нынѣ,

Воспойше пѣснь Екатерины!

Наспойте лиры вдругъ днесъ радостей въ
всѣхъ!

Опверзите предъ Ней рай искреннихъ ушѣхъ!

Ей вѣшви по пушямъ, Ей души подспилайте;

Ей здравія на вѣкъ цвѣтущаго желайте.

Живи, Монархиня! Ты вѣчно жить должна;

Живи, доколь Твоя Россіи жизнь нужна;

Доколь Москва градовъ въ подсолнечной всѣхъ
краше;

Доколь намъ солнца лучъ и счастье мило наше;

Красуйся и ликуй, Владычица сердець!

Пресполь Твой пверже горь, прекраснѣй дня
вѣнецъ;

Твой скипетръ правды жезль, широкая порфира

Какъ небо звѣздное вокругъ проспершо міра.

Ты богъ среди земли, зеркало Ты царей;

Гдѣ спушишь, вокругъ Тебя пымы дышущь ол-
шарей!

КЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ЕКАТЕРИНЪ ВТОРОЙ

САМОДЕРЖИЦЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ.

*При переводѣ Енея, Героической По-
эмы П. В. Марона.*

1786 году.

Трудъ кончанъ; съ пѣснями Мароной и

лиры

Теку подь пѣнь Твоей, Монархиня, порфиры.

Какъ пушникъ обошедъ далекіе края,

И возвращаясь здоровъ и щасливъ во своя

Съ нешерпѣливосшью почтенна ищешь друга,

Чшобъ повѣсшь пресказашь пройденна имь

округа;

Какія, спраншвуя, примѣшилъ дива онъ,

И сколько одолѣлъ усиліемъ препонъ:

Такъ подвигъ я свершивъ, не спавя шой въ за-
 слугу,
 Къ Тебѣ, какъ къ лучшему наукъ священныхъ
 другу,
 Исполненъ радости, Монархиня, лечу,
 Да мой успѣхъ Тебѣ всѣхъ прежде сообщу.
 Бодрившая меня въ печеніи Минерва
 О поприща концѣ, должна Ты знаши перва.
 Чувствившительна душа во чувствія другихъ
 Входяща, веселишь неизреченно ихъ.
 Умѣя и любя Ты смертнымъ спроишь щасье
 Умѣешь принимашь въ ихъ спѣяньи учасье;
 И радость днесь моя должна бышь коль жива,
 Когда участница во оной шакова?
 Такъ въ хладныхъ шѣхъ сердцахъ, копоры вку-
 са чужды,
 Для коихъ мершвъ Маронъ, нѣшь болѣ мнѣ
 нужды.
 Пустьъ чѣмъ хопяшъ други любующся умы:
 Но веселимся симъ успѣхомъ двое мы.
 Верховный судія Россіи и владыка

Снизходишь судіей Ты быши и языка,
 И рѣчию Славянъ, коль видѣнь въ слогѣ духъ,
 Не оскорбляешся разсудливый Твой слухъ.
 Стараюсь Твоему сообразись я нраву,
 Я можешь бышь блюду спезю въ писаньи праву;
 И просвѣщенъ Тобой, мнѣ мнился, я поспигъ
 Ту въ понкосшь шайну, чѣмъ бышь должень
 красень спихъ.

Ты, машерскія мнѣ съ пріятносшью улыбки,
 Казала нѣкогда въ спрокахъ моихъ ошибки;
 И я, въ усилье думъ, и пылкосши въ ущербъ,
 Велики правила изъ успъ Твоихъ почерпъ.
 Онѣ, жадающе вѣнка похваль зелена,
 Мнѣ были пьмою крапъ сладчай, какъ Иппо-
 крена.

И шако въ правду я священны пиль спруи;
 Когда въ моихъ спихахъ поправки еспъ Твои,
 И я одинъ, въ шоліѣ поющихъ Тя шоликой,
 По справедливосни гордяся сей опликой,
 Мой смѣло слогъ суду пошомковъ предаю,
 Надежень поддержанъ Тобою чеспъ мою.

Какъ вьяся виноградъ на илимѣ высокомъ
 Скоряе полнишся радоспопворнымъ сокомъ,
 Съ полудня солнечну подверженнѣй лучу:
 Я шако леспну чеспъ скоряе получу,
 Поспавя разумъ Твой прудовъ моихъ оплопомъ;
 Съ Тобою славу я обрящу съ меньшимъ попомъ.
 Чипаючи во мнѣ Лашійскихъ Феба музъ
 Всѣ скажущъ; въ сихъ спихахъ Екатерининъ
вкусъ.

Извѣстно, симъ Она была довольна слогомъ,
 И пѣснопѣвецъ сей знапъ движимъ былъ симъ
Богомъ.

Велѣниемъ Твоимъ, мнѣ кое Ты рекла,
 Кпо знаепъ, можепъ быпъ, вдругъ Римскаго
орла
 Подъ Росскимъ небомъ криль шумящихъ рас-
проспершье,
 Хошъ поздо, въ ихъ шѣни мнѣ даруепъ без-
смершье;

И угождаючи, Богиня, я Тебѣ
 Храмъ славы невзначай опверзу и себѣ.

Твой гласъ, и собственнo раченье мнѣ порука,
 Что истинныхъ я хвалъ лишень не буду звука;
 И тысячи невѣждъ, что крикомъ судъ вершатъ,
 Горшани содружа его не заглушатъ.

Не самолюбіе мой разумъ ослабляетъ;
 Твой вѣкъ, Твой славный вѣкъ мнѣ сердце раз-
 ширяетъ.

Коль съ прона Твоего торжественный указъ
 Опъ имени рабовъ освобождаетъ насъ;
 И просвѣщенной по душѣ Твоей угодно,
 Чтобъ каждый о себѣ Россѣ мыслилъ благо-
 родно:

Проспешельноль Твоимъ бышь робкими пѣвцамъ,
 И на чужихъ главахъ завидуя вѣнцамъ
 Не смѣнь о собственныхъ достоинствахъ по-
 мыслишь;

Поднесь себя людскихъ рабами мнѣнїи числишь;
 Ботиню вѣчноспи Тебя превозносишь,
 Но вѣчноспи въ грудяхъ залого не носишь?

Указъ Твой шакъ речень: опнынѣ кпо ни
 пишеть,

Да благородною пошь гордоспию дышешь.

И шакъ дерзну ли я, велѣнья на преломь,

Передь' попомспвомъ бишь заранѣ челомъ,

Да должной по меня награды удостоишь:

Когда, увѣренъ я мой шрудъ награды споишь.

То правда, мысли въ немъ чужія, не мои,

Головы цвѣтники, размножены рои;

Удобно пресаждать; спивъ шолько слово къ
слову:

Но шрудность предлежитъ, чшобъ шли слова
по зову;

Чшобъ былъ непринужденъ, ешесшивень пѣ-
сней шонь;

И каждую спроку самъ одушевляяь Маронь.

Иначе многихъ лѣшь работа безъ успѣху,

Громада безъ души, всегдашня жершва смѣху;

И преложилель ешь, безъ шаковыхъ удачь,

Нещасшный шруженикъ, и подлый словъ шол-
мачь.

Въ насъ дышешъ ли Маронь, пускай другіе су-
дяшь;

Коль въ правду естъ сердца, Писньи коихъ будяшь.

Ты, бранной днесь прубѣ Марона, Ты вонми,

И подвига конецъ, Минерва приими;

Прими, и ободри къ шрудамъ меня напредки:

Прямые Августы въ подсолнечной сусь рѣдки.

Ты, Цесаря сего дарами превозшедъ,

Громчай звучишь хвалою и мира и побѣдъ:

Но жребій Твой съ его въ помя жребіемъ со-

гласень,

Чшо вѣкъ его и Твой науками прекрасень.

Тупъ жаркій, при Тебѣ, въ свѣшь пролилъ боль-

ше книгъ,

Какъ въ царствованіе всѣхъ Праощевъ Твоихъ.

Въ послѣдокъ, се Маронъ, цю Рима упѣшенье,

То Августовыхъ дней не мало украшенье,

Лѣшь древноспью ошъ насъ колико ни далекъ,

Россіянъ усладишь, во Твой исходишь вѣкъ.

И не взираючи на крипику я спрогу,

Кошора будешь въ немъ имѣши жашву многу,

Лишь сѣшую, хвалы шо спавя за уронъ,

Чшо поздно шоль на свѣшь произникаешь онъ.

Ужь цѣлы мраморныхъ горъ нупры ис-
 шощенны,
 И града въ красопу искусствомъ превращенны.
 Огромный здѣсь оплошь по край Невы пролесть,
 Сліянный во одно изъ дикихъ камней брегъ.
 Прозрачна влага шамъ заключена каналомъ,
 Великимъ именемъ шумишь въ пропокѣ маломъ.
 Фонтанка межъ кремней, что красяшь брегъ ея,
 Увеселеніе и здравіе лія,
 Ладій покровена подъ разнымъ грузомъ сшами,
 Великолѣнными красуется мосшами;
 И садоною въ вѣрхъ высяся главой,
 Гордиши въ радости предъ машерью Невой.
 Ужь града швердъ, дождавъ щаспливыя пре-
 мѣны,
 Внезапу на себѣ кремнишы кажешъ спѣны:
 На помъ же мѣспѣ бышь мечшаеися не ша.
 Опкель на ней взялась волшебна красопа,
 Чудяпся изъ за морь прибывши челоуѣки,
 Какъ будно насъ они не зрили цѣлы вѣки.
 Ужь шяжка опъ горы опшоргшася гора

Преплывъ валы легла въ подножіе Петра.

Я зрю еще поднесъ, какъ пысячи народа

Открышья ждущъ его, какъ солнечна восхода:

Нешерѣвливостью пылающъ всѣхъ сердца,

Узрѣшь возлюбленна Героя и Опца.

И се шоржешивенно открылся предъ очами!

Великолѣпными блеснулъ нанъ Фебъ лучами,

Нарочно разогнавъ облегшій небо мракъ;

И бѣгъ оспановя, глагола въ свѣтѣ пакъ:

„О Всадникъ, радуйся! я въ площи суца
плѣнной,

„На разныхъ освѣщаль мѣспахъ Тебя все-
ленной,

„На морѣ, на земли, межъ знойныхъ полъ и,
льдовъ.

„Я подвиговъ Твоихъ свидѣшель и шрудовъ.

„Какъ я люю лучи чрезъ все проспраншво
суши:

„Ты шако свѣтъ вливалъ во мрачны Россовъ
души;

„Подобіе мое подъ краснымъ небесемъ,

„Ты въ жизни жерпвовалъ блаженству смерп-
ныхъ всемь.

„Днесь я Тебя въ мѣди бездушной созерцаю,

„И паки, паки Тя лучами объимаю.

„Ликуй, О зрѣлице преславное очей!

„О лучшій на земли предлогъ моихъ лучей!

„Воздвигла Chesнь сию Тебѣ Екатерина,

„Копорою Твой градъ разцвѣлъ прекраснѣй
крина.

„О если бы шеверъ изъ мертвыхъ Ты вос-
кресъ,

„Колико новыхъ Ты увидѣлъ бы чудесъ.

„Душа Твоя огнемъ еирнымъ очищенна;

„И принебесными зарями освѣщенна,

„Днесь Внуки Твоя одушевляешь плоть:

„Планеты движущій шакъ хочешь самъ Го-
сподь.

„Великъ Ты прежде былъ, въ Ней вдвое спалъ
Ты болъ:

„Хоть въ шѣхъ же громахъ днесь сѣдиши на
прешолъ,

- „Но правишь какъ зефиръ, какъ пихая весна,
 „Дыханью коея вселенна вся шѣсна;
 „Копора новый свѣшь желала бы сыскаши,
 „Чшобъ милоспъ и шуда врожденну ей по-
 слапи;
 „Желала бы запѣмъ вдругъ сно міровъ объашъ,
 „Чшобъ вдругъ во всѣхъ людей нравъ собшвен-
 ный вліашъ;
 „И даже одолжишь сердца неблагодарны,
 „Мнѣ равно, кой лучи бросаю злапозарны
 „На злыхъ и на благихъ, съ еeirной вы-
 сопы;
 „Такъ царспвуеши днесъ въ Екатеринъ Ты.
 „Великой Мапери щаспливѣйшіе сыны,
 „Признайше предо мной всю благоспъ, вы,
 судьбины
 „Коликъ, О Россы, вамъ Екатерина даръ!
 „Будь равень симъ лучамъ сердцеъ къ Ней ва-
 шихъ жарь!
 Фебъ рекъ, и блескъ лучей умножилъ новымъ
 блескомъ:

Опшѣпшвующь ему согласнымъ Россы пле-
скомъ.

Восколебалися вокругъ горы и лѣса,
Екатерининыхъ дней слава чудеса;
Всплеснула къ облакамъ Нева струи прозрачны;
Ееиромъ запрясли удары огнезрачны.

Тимпановъ и цѣвницъ раздался окрестъ шумъ,
И клики, радоспныхъ изображенья думъ.

Велика, красопы шоржеспвеннаго чина,
Велика общаго веселія причина:

Екатериною, изъ мрачныхъ гроба нѣдръ,
Въ мешаллѣ вновь на свѣпъ возникъ Великій

Петръ.

О коль прекрасеть, живь, величеспвень Онъ
зрипся!

Какъ гордый конь подъ Нимъ въ бѣгъ рвущійся
бодрипся!

Глава подъ лавромъ, кой безмерпня въ садѣ
взрось;

Одежды въ простопѣ державный видѣнь Россъ.

Въ залогъ покроба къ намъ десницу проспираешъ,

И злобу, зрѣшь на шу гнушаясь, попираешъ.
 Петромъ сей созданъ градъ, и опь сего часа
 Петръ граду Своему самъ лучша спаль краса.

И се уже и храмъ, великій храмъ основанъ,
 И мраморъ, чѣмъ ему росшь къ небу, угошованъ.
 Сосѣдствененно Петру мы жаждемъ чудо зрѣшь,
 Гдѣ жерпвамъ за Тебя, Монархиня, горѣшь.

Лишь видемъ мы во храмъ, съ куреньми фи-
 миама,

Всѣхъ прежде за Тебя создашельницу храма,
 Душь въ жарѣ, пролиемъ молишвенный мы гласъ,
 И милосердое услышишь Небо насъ:

Услышишь, и Твои безцѣнны дни пробавишь,
 Услышишь, и Тобой впредъ вяще насъ про-
 славишь;

Для вѣры Твоея ущедрить насъ внуша:

Пылаешъ, какъ свѣща, предъ Нимъ Твоя душа.

Тщась Богу Божіе, Петру воздашь Пв-
 трово,

Снискуешъ крошоснью сіяніе Ты ново.

Усердна въ Праощѣ возмездница заслугъ,

По смерти чинишь Его нашъ молча движешь
духъ.

Но съ камня, кажешься, Онъ самъ гласишь намъ
нынѣ:

Екатеринино воздашь Екатерину.

О еслибъ въ силѣ по имѣли мы своей,
Давнобъ на Невскій брегъ предвигнушь былъ
Рифей;
Давно бы образъ Твой съ горы превозне-
сенной,
Какъ солнце, возблиспалъ во всѣ концы все-
ленной.

Не въ силахъ досящи желаніямъ конца,
Снимаемъ лишъ черны мы съ Машерна лица,
И льспя себѣ, чрезъ по спремимся Тя про-
славить,
И памятникъ хощь сей, родамъ по насъ оспа-
вить.

Кпо выразишь живяй прекрасну Машь наукъ,
Снискуешь шощь межъ насъ хвалы громчайшей
звукъ.

Великій Александръ, поотъ мнимый сынъ Зевеса,

Быль шолько кистію доволенъ Апеллеса.

Художествъ расплодя въ опечесивѣ Ты садъ

Усердія Твоихъ не опрѣваешь чадъ.

Хотъ наши мастерства несовершенны, грубы,

Какъ опышны дѣшей, Тебѣ онѣ всѣ любви.

Кшо Твой священный зракъ изъ мрамора сѣ-

чешь,

Спараясь, да Твое возрѣнье привлечешь.

Иной его рѣземъ въ мѣди изобразуешь,

На шкани кистію другой живописуешь:

А я, лишь розы шщусь я сынашъ по шропамъ,

Гдѣ шесшвовашъ Твоимъ, Монархиня, шшопамъ,

И шѣмъ, какъ нѣкимъ досшоиншвомъ горжуся,

Чшо въ свѣшѣ семь и я къ чему нибудь тожуся.

Вселенну изумляшъ Тебѣ даръ свыше данъ:

Мой, крѣико чувшвовашъ дѣла Твои, шшаланъ.

Я знаю, чешъ Твою вишии всѣ вѣщаюшъ;

Тебѣ свой плодъ умы шшранъ чуждыхъ посвя-

щаюшъ.

Пишны на прерывъ Твой слава миръ и брань,
 Изъ всей Европы шлюшь Твоимъ доброшамъ
 дань.

И Ты ихъ пѣню со крошестію внемлешь;
 Чувствительность ихъ душъ со чувствіемъ
 приемлешь.

Движенью ихъ сердце чудимся въ слогъ мы,
 И признаемъ, они велики сушь умы
 И просвѣщенія блистающіи зарями:
 Велики: но они родились за морями.

Взгляни на верхоградъ домашній Ты наукъ:
 Мы маперныхъ Твоихъ воздѣланіе рукъ.

Поя, должайшихъ лѣтъ Тебѣ мы свыше про-
 симъ,

И проспо ошь Твоихъ Твоя Тебѣ приносимъ.

Межь насъ и шѣхъ пворцовъ вся разность на
 яви:

Въ нихъ больше масщерства, а въ насъ къ Те-
 бѣ любви.

Умѣемъ мы Тебя, хошь не красно, воспѣши;

Умѣемъ за Тебя сразяся и умреши;

Нося Тебя въ умѣ и въ сердцѣ мы своемъ
 Не пригопояся, какъ чада мапъ, поемъ.
 Сей, младъ еще, въ свирѣль играешь предъ
 Тобою;
 Топъ громкой, возмужавъ, Твой славишь въкъ
 трубою;
 И на языкѣ помъ, на коемъ Ты сама
 Сокровица лѣнь къ намъ сердца и ума;
 На помъ языкѣ, кой чудесь Твоихъ орудье,
 Ты милоспъ ли явишь иль грозно правосудье.
 Ошверзешъ лишь усна, орлы Твои въ пош
 часъ
 Лешящъ во всѣ концы исполниши Твой гласъ.
 Ты скажешъ, поражай, и спрашны громы гря-
 нушь!
 Ты скажешъ, пощади, и молнii преспанушь.
 Не прапяща на всѣхъ языкахъ вышины
 На Росскомъ подъ луной богоподобна Ты.
 На семь шѣ мы Тебя языкѣ величаемъ,
 И опъ шворцовъ себя шѣмъ прочихъ опли-
 чаемъ,

Что самъ нашъ искренній свидѣтельствуешь

Слогъ,

Что полнишь груди намъ, что мыслей нашихъ

Богъ.

Не пишушь къ мапери сыны высокопарно;

Реченій въ прошлѣ знашь сердце благодарно

И чувствующее всю цѣну оныхъ благъ,

Что Тронъ на насъ лѣшь, обильемъ рѣчныхъ

влагъ.

На семь языкъ я, при лирѣ златоспрунной,

Вознемая въ жару ко области перунной,

Съ Пиндаромъ иногда гремѣшь Тебя люблю;

На немъ, въ Виргиліи, Твой славный вѣкъ пружу-

блю.

Не смѣя испытать своей въ паренѣи силы,

Лешаю, Римскаго возсѣдь орла на крылы;

И вѣка чшу сего единымъ изъ чудесъ,

Что я снесень во адъ, взяшь выше былъ не-

бесъ,

И разныхъ спранныхъ въ пупи не иску-

жался:

Я крѣпко за орла парящаго держался.

Такъ не спыдишь меня заемная труба,

Когда она въ ушахъ Россійскихъ не груба.

Когда довольна Ты сей малостью успѣха,

То въ жизни для меня всѣхъ вышшая ушѣха.

Твой крошкѣй взоръ моихъ желаній естъ конецъ,

Успѣ Маперникъ хвала лавровой мнѣ вѣнецъ.

КЪ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ
САМОЙЛОВУ.

Такъ нѣтъ Раевского!... Далече ошь со-
брашій,
Далече ошь родни и машернихъ объашій,
Въ спранѣ, гдѣ Испрь шумя свой правиць къ
мору бѣгъ,
На вражьихъ онь спѣнахъ, въ шолпѣ героевъ,
легъ.
Увы!. лишь началъ жить, и спался бездыханень,
Лишень всяя красы, окровавленъ, изранень;
Просперлись на очахъ всегдашни облака,
Побѣдоносная не двигненися рука;

Въ ней замерло копье: смерть сильнымъ овладѣла;
 Любовью тепла грудь на вѣки охладѣла.

Не будешь сына пы лобзати нѣжна мать;

Не будешь жениха невѣста обнимать:

Предъ жаждущій вашъ взоръ онъ въ лаврахъ не
 предстанешь,

И ждущихъ сродниковъ приходъ его обманешь.

Онъ шамъ оспался, гдѣ вель рашныхъ на при-
 спунъ;

На небѣ духъ его, во Измаилѣ шрунъ.

О множествомъ даровъ украшенная младость,

Цѣлующая друзьямъ и обществу на радость!

Почто, дитя, почто увяль шоль рано ты,

Не оказавъ швоей намъ вполне красоты?

Какъ роза ты еще не вовсе развернулся;

И рокъ тебѣ рукой желѣзною коснулся!

Лишь началъ поприще (о горе!) и скончалъ;

Кровавымъ шерномъ вдругъ свой подвигъ увѣн-
 чалъ!

Но ахъ! вопще о немъ, Самойловъ, мы по-
 скуемъ;

Свершилося; вопще мы храбраго взыскуемъ.

Изъ гроба о себѣ препишь онъ намъ слезишь;

Дабы утѣшиться, пощимся вобразить,

Сколь быспрыми на брань спремился онъ спо-

нами,

Какъ падали подъ нимъ пропивники толпами.

На гордый валь, какъ вихрь, онъ съ воинспвомъ

взлешѣль;

Прорвался сквозь враговъ, и ихъ по кучамъ

шѣль

Спупая, одолѣль гремящѣ перуны:

Вдалъ ноги быспрыя, вдалъ движа мышцы юны,

Въ пыли, въ пошу, въ крови, вдалъ вала рѣзко

шекъ,

И бурю за собой шумящей рапи влехъ.

Ужъ громы новые осилишь покушался;

Какъ вдругъ, свинцомъ пронзень, съ упадшими

смѣшался.

Двѣ раны кажешъ онъ, и обѣ напреди,

Едину ниже ребръ, другую на груди.

Хотя онъ палъ, сама свидѣтель еспъ побѣда,

КЪ

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ
АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ
БЕЗБОРОДКЪ.

Баронъ и Графъ и Князь обычны сунъ
оплики.

Приспало ихъ носиль, чьи подвиги велики.
Миль воинъ, коему побѣда лавръ сплела,
Какъ пошъ еще ручьемъ печеть съ его чела.
И въ мирѣ граждань, хопя и безоружень,
Блиспащелень, когда отечеству услужень.

Ошъ мыслей и пера

Ліюшся шакожде иссточники добра.
Кормило кораблю не меньше пушекъ нужно.
Всякъ долженъ дѣйствовать ко благу общу
дружно,
И не взирашъ на шо чшо часно рокъ слѣпой
Мѣшаешъ удалыхъ съ народною шолпой:

Безпрочны часто члены

Приобрѣтають имъ недолжныя опмѣны.

Сынъ щастья всеу радъ

Незаслуженныхъ пьмой обвѣщенный наградъ.

Передъ безспрасными премудрости очами

Не спойшь ничего со всѣми онъ лучами,

Со всею пышноспью, съ приборомъ звѣздъ и
ленпъ;

Алмазь на немъ бѣльмо и лыко позуменьпъ.

Съ безпечіемъ въ груди, съ главой весьма нему-
дрой,

Диковиналь въ кудряхъ, подъ благовонной пу-
дрой

Порхашъ, и нарядясь во злапопѣканный шокъ

Дивипъ по улицамъ непросвѣщенныхъ полкъ.

Въ помъ сила, опчестиву являпъ свои заслуги;

На пѣхъ, жменьъ коихъ рокъ, какъ Фебъ на
нижни круги,

Мешашъ щедрошъ лучи со сана высопы;

Трудипься и пошѣпъ, какъ Безборозко, Ты.

Ты радости свои дѣля друзьямъ сугубипъ;

Таланповъ полонъ самъ въ другихъ таланты
любишь.

Не року щаспьемъ, Ты долженъ, но себѣ:
Твой подвигъ спелешь путь ко почестямъ Тебѣ;
Раченіе Твое, какъ нива, многоплодно;
Твой разумъ просвѣщенъ, и сердце благородно.
И не послѣдній ешь похвалъ Твоихъ вѣнецъ,
Премногихъ о Тебѣ желанія сердець.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ КНЯЗЮ
ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПОТЕМКИНУ.

На слухай пробы печатной машины.

1779 года Февраля 22 дня.

Героевъ имена и память дѣль чудесныхъ,
Свѣшь древній на корахъ вырѣзываль древесныхъ.
Когдабъ, Пошемкинъ, Ты родился въ оны дни:
Твоимъ бы именемъ древесъ гордились пни;
И посѣшишель рощъ иль мрачныя дубравы
Быль купнобъ чпець Твоей, подь шѣню въ-
швей, славы.

Но съ умноженьемъ лѣпъ

Мудрае спалъ сей свѣшь.

Тебѣ случилось родишися подь небомъ,

Гдѣ движущя умы вседаровишымъ Фебомъ;

Гдѣ подвиги Твои усердствують вѣнчашъ

И гласъ безсмертныхъ Музъ, и мраморъ и печать;

Гдѣ мощь Твоихъ доброшъ далече свѣспозарныхъ
Всякъ день Тебѣ число сугубишь благодарныхъ.
Дабы изобразишь Тя многимъ благъ шворца,
Присшойны для сего не буквы, но сердца.
Гласишь ли о Тебѣ шѣ спанушь иль молчани,
Ты зришься въ нихъ всегда живяе, какъ въ пе-
чаши.

К Ъ

Во свѣтъ плѣну все подвласно;

. оба мы умремь.

Почтожь мы свѣтъ шакъ любимь спрастно;

Заботы вѣчной нашъ яремь?

* * *

Почто желанья въ насъ несышны,

Какъ жерлы спрашныя безъ донь,

Спяныя и день и ночь онкрыны

И поряныя пицу намъ и сонъ?

* * *

Ещель нашъ вѣкъ, ещель не крапокъ,

И не проходишь шакъ какъ плѣнь?

Огромный можешь ли доспапокъ

Прибавишь жизни намъ хошь день?

Но ахъ! со приращеньемъ злата,
 Распешь ко злату въ насъ любовь:
 Привыкшимъ спяжавати, прапа
 Чево не приумножишь вновь.

* * *

Какъ коней къ бѣгу понуждаешь
 Текущій въ дальній путь гонецъ,
 Спишишь, и мыслью упреждаешь
 Урочна поприща конецъ:

* * *

Во шаковомъ мы жарѣ щимся,
 Чшо въ сердцѣ мыслимъ окончашь;
 Окончимъ шолько, успремимся
 Дѣль новыхъ лабиринтъ начашь.

* * *

Ошвсюду шлюшь бумагъ къ намъ кучи;
 Ошсель шревожишь насъ уронъ,
 Ошшоль летяшь монешъ къ намъ шучи:
 Со всѣхъ вѣспъ жаркая споронъ.

Здѣсь, слава Богу, не погибли
 Во шоргъ положенны рубли,
 А шамь, шамь бури, ахъ! разшибли
 Боганы съ грузомъ корабли!

* * *

То падши мы со прескомъ грянемъ,
 И видимъ грозную напашь:
 То вновь успѣхами воспанемъ,
 Чтобы обрушась вновь унашъ.

* * *

Ужъ куплѣ нашей Сѣверъ пѣсенъ
 Средьземный понпъ нашъ видишь флагъ:
 А все прибыпокъ равновѣсенъ
 Ушрапѣ; нашъ не вѣренъ шагъ.

* * *

Коликія запѣй громады!
 Удачъ и безуспѣшій смѣсь!
 Тщеша надеждъ, прямы досады!
 Ахъ, сколько зыбки мы поднесъ!

Оспановилась памь машина!
 Смопри, гдѣ порча? въ колесѣ.
 Ахъ, шамо лопнула пружина!
 Возможноль вдругь поправишь все?

* * *

Спѣши скоряе оборошомь;
 Тони, хопь по уши, въ долгахъ;
 Чпо нажино прудомь и пошомь,
 Опважъ закладомь все на спирахъ.

* * *

Приливъ шо кроешь вдругь волнами,
 То вдругь осушишь берега:
 Такъ щасшьє кровь просирешь надь нами,
 То насъ оборвешь доната.

* * *

Межь шѣмь когда цвѣшущь и вянушь,
 Посмѣнно наши шакъ дѣла;
 Когда нашъ умъ какъ лукъ напянушь,
 И мысль лешаешь какъ спрѣла;

Въ безсиліе насъ прудъ приводишь,
 Родя въ насъ раннихъ болей вздохъ;
 И шаросишь крадучись подходишь,
 И осаждаешь насъ въ распахъ.

* * *

Взгляни, уже на шой каршинъ,
 Мой зракъ на коей начерпанъ,
 Едва меня узнаешь нынѣ:
 Мнѣ лѣшами видъ иной данъ.

* * *

Покрылись многой сѣдиною
 Власы, морщинами чело,
 И краскою лице иною
 Какъ за принапцанъ лѣшь цвѣло.

* * *

Догонишь пы меня, догонишь;
 Познаешь поже и въ себѣ:
 Цвѣшь живоспи пріятной сронишь;
 Ужь блекнушь розы и въ шебѣ.

Почтожь, коль мы спарѣемь оба,
 Почто намь спаросшь ускоряшь?
 Намь пушь короче спаль до гроба,
 А мы запасу алчемь брашь.

* * *

Кому доспанушся въ наслѣдство,
 Твои помѣстья, дома, садъ?
 Обильное къ разврату средство,
 Когда наслѣдникъ буй иль младъ.

* * *

Кто знаешь? можешь бышь коварны
 На шрупъ швой слезы онъ ля,
 И мысли скрывъ неблагодарны
 Души во мракъ своея,

* * *

Для виду онъ шебя помянешь,
 На гробъ швой сыплючи цвѣпы:
 А самъ въ себѣ шужиши спанешь,
 Зачѣмъ не ранѣ умерь шы.

Онъ ранѣбъ въ роскошь погрузился,
 Позналъ бы вкусы разныхъ винъ;
 Любовьюбъ ранѣ заразился,
 Блиспаль бы плашьемъ какъ павлинь.

* * *

Самъ пьянь, льснецовъ онъ пипъ заставишь,
 Въ кругу серальныхъ пляшущъ бабъ;
 На карпу пысячи поспавишь,
 Сласшей, игоръ и хмеля рабъ.

* * *

Пусть онъ себя не опозоришь,
 Пусть швой почишь гробницей шрунь:
 Но что, коль жинницы зашворишь
 Твои, содѣясь подло скупъ.

* * *

Или (чево опъ буихъ чаяшь?)
 Заляжешъ на мѣшкахъ, какъ песь,
 И на прохожихъ будешъ лаяшь
 Боясь, кшобъ злаша не унешъ.

Когда бы мершвымъ былъ возможенъ
 Хошь слабый чувствованья родъ:
 Твой прахъ коликобъ былъ встревоженъ
 Почувъ, коль гнусень швой уродъ.

* * *

Тѣ, кои ошь крупиць прапезы
 Твоей пишающся шеперь,
 Тогда вздохнувъ рекушь сквозь слезы,
 Чшо швой наслѣдникъ адской звѣрь.

* * *

„Онъ будеть просвѣщенъ наукой
 „Познашеть и блюшншеть правъ.
 Но кшо, скажи, по немъ порукой,
 Чшо злато не расплишь въ немъ нравъ?

* * *

Чшо будеть онъ шебѣ подобень,
 Негордъ, великодушень, щедръ,
 Усердень, крошокъ, и незлобень:
 И сирымъ не зашворишь нѣдръ.

Оклеветаннаго засшупишь
 Опшь спрѣль навѣшу заграда:
 Нещасшнаго опшь узь искупишь,
 Великихъ тысячъ не щадя.

* * *

Явишь опечесиву заслуги,
 Имѣнъемъ жершвуя ему;
 Бонашсиво раздѣлишь со други
 На радоснь сердцу своему.

* * *

Едвали во мысль едвали канешъ
 Ему шакая благодашь:
 Едвали духа въ немъ доспанешъ
 Пристойно щасшьемъ обладашь.

* * *

Но будуще осшавимъ року:
 Ты думь моихъ днесь шы предлогъ.
 Дождусь ли я дождусь ли сроку,
 Чшобъ шы когда почиши могъ?

Ты жару слѣдуя безмѣрну,
Течешь во безконечный путь;
Спуная по колючу шерну,
Спредишься розу досягнушь.

* * *

Досягъ! увяла; ты шоскуешь,
И снова предприемлешь печь,
И снова оную снискуешь;
Снискавъ не знаешь уберечь.

* * *

Успѣхъ вѣнчаешь добродѣтель:
Умѣй вѣнчати ты свою.
Спокойствія другимъ содѣшешь,
Внеси покой во грудь твою.

* * *

Со моря бурями шумлива
Во приспань парусы направь;
И видѣшь вполнѣ ты щаслива,
Желанну радость мнѣ дославь.

С М Е Р Т Ъ
М О Е Г О С Ы Н А

МАРТА 1795 ГОДА.

Такъ нѣтъ тебя, дитя любезно!

Сомкнулъ ты очи навсегда;

И легъ, всѣмъ зрѣлище преслезно.

О скорбь! о люшая бѣда!

* * *

Страдалецъ, мукъ не заслужившій,

За что ты горьку чашу пилъ?

Межъ челоуѣковъ ангель жившій,

Чѣмъ шако Небо оскорбилъ?

* * *

Не ты, не ты; отецъ швой грѣшень;

Отецъ несносень швой судьбѣ.

Запѣмъ онъ былъ шбой попѣшень,

Чшобъ послѣ плакаль о тебѣ.

Я плачу, глазъ не осушая,
 И спиною надрываю грудь.
 И лязяль, себя не сокрушая,
 Николиньку вспомянушь?

* * *

Душа велика въ шѣлѣ маломъ
 О какъ онъ люшу скорбь сносилъ;
 И коимъ огражденъ забраломъ
 Явилъ, въ борбѣ съ ней, сполько силъ?

* * *

Не вышла вздоха ни едина,
 Боль шцился въ сердцѣ заперешь.
 Съдый опецъ! учись у сына,
 Какъ должно мужу умерешь.

* * *

Разспанься мудрыхъ шы съ соборомъ;
 Оспавь всѣ книги наконецъ.
 Въ дому швоемъ, швоимъ подь взоромъ,
 Взраспаль безграманый мудрецъ.

Читай его, и помни вѣчно,
 Какъ умеръ онъ, и какъ онъ жилъ:
 Онъ жизнь свою конечно
 Тебя и смертию одолжилъ.

* * *

Учися бытъ ему подобенъ;
 Печаль внутрь сердца ты запри:
 Живи, какъ онъ, правдивъ, незлобенъ;
 Какъ онъ, непретешно умри.

* * *

О ангель, существо безплодно,
 Предпечя мой во оный свѣтъ!
 Иду шуда, иду охотно,
 Куда меня твоей взглядъ зовешь.

* * *

Ахъ! . . ты еще ко мнѣ зриаешь,
 Въ мой одръ твой тихій кодъ клоня!
 Ко мнѣ ты руки простираешь,
 Объяши силишься меня!

Иду, отъ смершныхъ успрянюся;
 Теку съ поспѣшностыю въ швой слѣды:
 Да шамъ съ шобой соединюся,
 Гдѣ нѣшь печалей, спраховъ, бѣды.

* * *

Мы спанемъ шамо на единѣ
 Бесѣдовашь, въ садахъ гуляшь;
 Я буду шамъ шебя, мой сыне!
 А шы меня увеселяшь.

* * *

За радостію пойдешь радосты,
 За лирнымъ шумомъ, новый шумъ;
 Со сладостыю сплешешся сладосты;
 Плѣненья чувствы, воспорги думъ!

* * *

Но какъ? . . . я грѣшенъ; шы невиненъ;
 Я вихрь, шы сладка шишина;
 Я буй, шы ангель благочиненъ:
 Частъ наша будешь ли равна?

Хотя всѣмъ милы круги звѣзды,
И я достигнушь въ оны льцусь:
Но, межъ шобой и мною бездны,
Чтобы не пролегли спрашусь.

* * *

Ты будешь въ цвѣшосномъ полѣ,
Во нѣдрахъ самова Творца;
Взгляни дшпя, ко мнѣ, опшполѣ,
Ушѣшь улыбкою опца.

* * *

Ушѣшь его улыбкой шюю,
Какой шы шѣшили здѣсь его;
Зарею облачень злапою
Кинь нань лучь блеска швоего.

* * *

Ты радъ меня одѣшь всѣмъ свѣшомъ;
Ты радъ: моя о иша кровь!
Такъ въ сердцѣ опъ родшва согрѣшомъ
Найду и шамо я любовь!

Когда всё спавяшь швердь защиты,
 Въ герояхъ изъ своей семьи:
 И мнѣ врага въ Едемь открыши;
 Тамъ блещушь сынове мои.

* * *

Но я доколѣ пресмыкаюсь,
 Болѣзненъ, въ брennomъ шѣлеси;
 Покровомъ я швоимъ ласкаюсь;
 Сіяй мнѣ, сыне, съ небеси.

* * *

Ты благъ, шы ангеломъ бышь споишь,
 Будь спражь, хранищель буди мой,
 Ты все во благо мнѣ устроишь,
 Души и сердца вождь прямой.

* * *

Ты знаешь, въ чѣмъ моя пошреба,
 Куда желанье я просшеръ:
 Тебѣ блюспи дано ошь Неба
 Меня, мапъ, брашьевъ и сесшеръ.

НА
КАРАСЯ.

Отъ щукъ и окуней, и карповъ ондѣлясь,
Межъ рыбъ почтенна пварь, здѣсь плаваешь
карась.

Пуспынникъ знаменишый
Блестящей чешуей покрышый,

Одинъ

И глуби и мелей могуцій власпелинъ.
О смертнои! карасю сему не прикасайся,
И мрежу на него мешапи ужасайся.

Любимецъ онъ Небесь,

Въ нево преобращень самъ, можешь быть, Зе-
весь;

Такія чудеса онъ часто прежде строилъ,
Онъ нынѣ Гачино симъ чудомъ удосноилъ.
Живи карась, живи, и плавай на всегда,
Защишой, красой и спражемъ будь пруда.

Не видимъ спаль карась: несносная ушраша!

Ушѣха Гачину, и слава вся опъяша.

Конечно быль и онъ подвержень общей шли!

Нѣшь: боги карася на небо пренесли.

Онъ вскорѣ новымъ шамъ созвѣздіемъ явишся,

И вѣчный издѣ прудомъ хранишель будешь
зришся.

К Ъ

Дѣвиць избранный хоръ,

Всегда мужей плѣняешь взоръ;

Ты вышупя въ шеапръ, даровъ швоихъ со бле-
скомъ,

Всѣхъ нудишь чпишь шебя сердцеъ и дланей
плескомъ;

Во ликѣ дѣвъ видна,

Какъ промежь звѣздъ луна.

Суровый богъ гремящей брани,

Услыша гласъ швоей горшани,

Пусшилъ бы грозный мечъ изъ рукъ;

Забылъ бы въ вѣкъ оружій звукъ.

Три шолько Граціи во всемъ счишались мірѣ:

Когда родилась Ты; вдругъ спало ихъ чешыре.

Н А

С М Е Р Т Ъ С О Б А Ч К И.

Подъ камнемъ симъ лежишь Британскій уро-
женецъ;

Опвагой исполинъ, невинностъю младенецъ,
Который въ крапкѣй вѣкъ
Премного поль обшекъ;

Въ ловленіи звѣрей оупъ юности прудился,

И на коня верхомъ ни разу не садился.

Въ Россію преселясь при Царскомъ жилъ дворѣ:

Но слѣдоваль, природѣ,

Не вымысламъ и модѣ;

Каковъ между гражанъ, шаковъ и при Царѣ,

Опкрышь, привѣшливъ, воленъ,

И жребіемъ своимъ доволенъ.

Какъ сущій философъ,

Въ ничшо вмѣняль парчи и барханы и шлюфъ;

И не завидуя вельможамъ въ позуменцахъ,
 Въ звѣздахъ, въ алмазахъ, въ ленцахъ;

Лишь милость на себѣ Монархини носилъ;
 Ни волчьинъ у Нея, ни чину не просилъ.

Игралъ, скакалъ и прыгалъ,

Что смогъ, ронялъ и съ мѣспа двигалъ:

Однако же не слылъ невѣжа, ни буянь.

Въ немъ всяку резвоспъ,

Сопровождала презвоспъ;

Онъ съ роду не былъ пьянь,

И слѣдспвенно не зналъ похмелья;

Спокойспво духавъ немъ испочникъ былъ веселья.

Безгрѣшна пварь;

Сквозь видѣнь, какъ яншарь.

Другъ искренній, и шайнь хранищель молчаливый,

Пренѣжнѣйшій супругъ, ошець чадолюбивый;

За добродѣтели свои,

Отъ Неба награжденъ обиліемъ семьи.

Зрѣлъ чадъ во кругъ себя и прыгающихъ внуковъ,

Лешающихъ предъ нимъ въ подобьи стрѣлъ изъ

луковъ.

Въ послѣдокъ, успарѣвъ напурѣ опдалъ дань;

Умолкнула шашей спрашившая горшань;

Померкли зорки очи;

Лишились ноздри всей ко обонянью мочи;

Подсѣклись ноженьки; увы! скончался онь:

Весь дворъ пляжчайшій сей возчувсповалъ

уронь,

Вельможа и лакѣй и фрелена и прачка.

Прохожій! пожалѣй

И каплю слезь пролей,

Здѣсь Томась погребень, безцѣнная собачка.

Что шако Томасы ликуютьъ, пляшутьъ, скачутьъ?

Что робки зайцы плачутьъ!

Поджавъ свои хвосты

Скрываются въ кусты!

Великія семьи родоначальникъ ожиль;

Онъ дворъ обрадовалъ, дубравы воспревожилъ.

О сини небеса!

Какія чудеса!

О приключенія подь солнцемъ неподобна!

Уже гошовъ былъ гробъ, гошова и надгробна!

Лежалъ несчастный звѣрь недвижимъ аки пласкъ,
И оставалось лишь его въ гробницу класкъ.

Но се гуляюща средь красносельска лѣсу
Дианна, шо познавъ, вдругъ бросилась къ Зевесу,
Который въ шѣ поры, шакъ рокъ успроевалъ,
На Пулковской горѣ съ богами пировалъ;

Не рѣдко онъ на время

Такъ смертныхъ посѣщаетъ племя.

Едва ко рождьшему богиня пришекла;
Есть, опче мой, одна собачка здѣсь рекла,

Копора на охошѣ,

За зайцами въ пыли гонялася и въ пошѣ;

Теперь она

Отчаянно больна;

И ежели умреть, я буду безушѣшна;

Попребна помощь ей, о опче мой! поспѣшна;

Или продли ей жизнь, правитель небеси!

Иль ешьли умерла, не медля воскреси.

Рекла, и скорбный зракъ слезами оросила,

Умножа стонъ, еще, еще его просила.

Зевесь съ усмѣшкою не плачь сладчайша дщерь!

Не бойся, живь живою звѣрь.

Онъ десятишь дней не ѣль; но съ свѣшомъ не
просшился;

Нарочно онъ носшился

Чшобъ легче бышь,

Умножишь прышь;

И прежде нежели снѣгъ съ лица земнаго спаешь,
Услышишь, онъ залаешь.

Едва Зевесъ свое вѣщаніе скончалъ,

И Томась заворчалъ,

Вспрыгнуль, спашь на ноги, тошовъ пещи въ
ловишву,

Со зайцами на бишву;

Терзани крысь,

Какъ прежде грызь:

Дашь зорю всѣмъ нечиснымъ духамъ;

Коль нѣчево ловишь, доспанешся и мухамъ.

В Е С Н А

Дохнула нѣжная весна,

И вся природа пробудилась

Какъ будто ото сна,

И вновь переродилась;

Распаяли снѣга,

Открылися луга,

Древа зазеленѣли,

Порхая ппички въ нихъ запѣли.

Рѣкъ быстрыя струи,

Льдомъ кои пнягонились,

Прозрачны покапились,

Въ пуши журча свои.

Зефиры вѣюшь,

Ошь плодотворной теплоты,

Одушевляюся цвѣшны,

Расшѣнія свѣжѣюшь.

То съ длинной шейю госпъ, изъ дальныхъ къ
намъ земель,

Лепишь курлюча журавель;
 То гусь, подь облакомъ гогочешь,
 Большаго спада вождь: въ пролетѣ удаломъ,
 Онъ правя внизъ крыломъ,
 Къ намъ кажешся на прудъ спустился хочешь.
 Напрягни жавронокъ горшань,
 Веснѣ прекрасной плашишь дань;
 То радости въ избыткѣ
 Взвиваешся преля, онъ къ шучѣ какъ по ниткѣ;
 То вдругъ оспановясь,
 Тамъ крылушками машешь;
 Играя и рѣзвясь,
 Поешь и плянешь;
 И голосъ вдругъ запря, ошпуда кувыркомъ,
 Внизъ падаешь какъ комъ.
 Другой пѣвецъ прешибкой,
 Душа велика, малый ростъ,
 Скача на вѣшви гибкой,
 Корючись къ верьху хвостъ;
 Жарокъ,
 Ярокъ,

Удаль соловей,

Всѣхъ даромъ веселишь музыкою своей.

Сперва онъ цвикаешь, чуть слышишь, по немногу,

И спелешь голосу изъ горлышка дорогу;

Какъ грянешь,* полешаешь и ядра вдругъ и дробь;

То поны всѣ мѣшаешь,

И роци оглушаешь,

То спавишь каждый спихъ особь;

Творенье малосонно,

Всю часно ночь насквозь кричишь безугомонно;

Одинъ, въ густой пѣни подь солнцемъ иль луной,

Поешь, сразишься радъ, лирь лучшихъ со спру-

ной;

Одна, не диволи? и крошечная гложка,

Свирѣль, труба, шимпань, прещошка;

То гаркнешь, шо прервешь;

Визги,

Мызги,

Спуки,

Звуки

Издаешь;

Вахлебываешся, въ клубъ голосъ собираешъ,

Часпишь его рядишь,

Запихнешь будно силъ щадишь;

Вдругъ длинну пѣсню выснилаешъ

Изъ горлышка, какъ холсъ;

Тупъ звонокъ,

И понокъ,

Тамъ полсъ;

Томень,

Огромень

Жалокъ жестокъ,

Силень

Умилень,

Низокъ еысокъ;

И споль искусства, не съ вѣпру пѣсни взяшы,

Есть въ каждой мыслъ спрокъ;

Онъ спрасши выиѣваешъ,

И душу проливаешъ,

Кому по пищися онъ бышь слышанъ вдалекъ;

Любовь гласящъ его свисщъ, щолканье, раскашы.

Невинны ласпочки по воздуху кружащъ,

И вьсясь опяшь вкругъ дому,
 Подъ кровлю имь знакому,
 Вишь гнѣздушки спѣшапъ.

Всѣ ппички съ нами,

Нѣпъ маманьки одной;

Мы вкругъ обспавлены красами,

Безъ маманьки родной:

Намъ всѣ красы постылы,

Мы шомны и унылы,

Безъ ней намъ скучень рай,

Безъ ней намъ свѣпъ, пуспой сарай.

Скоряе пріѣжжай дражайша,

Прибыпъе намъ пвое

Роса съ небесъ сладчайша,

Чѣмъ живо наше быпъе;

Скорѣй намъ дай шебя узрѣпи,

Ты наша мапъ, пвои мы дѣпни,

Съ шобой спокойнѣй наши сны,

Здоровѣ, пипъе и пица,

И рай внушрй всего жилища,

Ты намъ пріапъе весны.

Ахъ! вспомни милаго Пепрушу,
 Тотъ образъ маманьки своей;
 Кошь правда, чшо ёму судьба вліяла душу,
 Подобную швоей;
 Хотъ брашцовъ онъ моложе,
 Ешь сполько смыслу у него
 Сказашъ: мнѣ маманьки дороже,
 Нѣшь въ свѣтѣ ничего,
 Я жду себя нешёрпливо,
 Какъ Богу, маманькѣ я радъ;
 Воображаю живо,
 Твою походку, рѣчь и взглядъ.
 Лишь взоромъ издали я швой пріѣздъ примѣчу,
 На шомъ Чернавы берегу;
 Какъ быспрый я олень на встрѣчу,
 Къ тебѣ всѣхъ прежде побѣгу,
 И маманьку драгую,
 Всѣхъ прежде въ ручку поцалую;
 Въ ея объшнія паду,
 И въ нихъ весну и рай, всѣ сладости найду.

НА РОЖДЕНІЕ ДОЧЕРИ.

Въ міръ вшедша нова Муза

Вдохни мнѣ жарь, да воспую

Прекрасну машь пвою;

И щасье моего съ ней въ дружествѣ союза.

Слешайшесь горлицы ко мнѣ,

Просприше вѣрны слухъ супруги,

Взаимъ пылающіе други,

Хошяци въ шининѣ

Забавой усладишь жизньє многомяшежно,

Лишь слезы умилясь, и восхищашься нѣжно;

У коихъ въ сердцѣ бьется кровь,

И сладка царствувешь любовь.

Любовь естє истинно блаженство,

Дарь лучшій смершнымъ ошъ высопъ;

Любовь естє міра совершенство,

Его швердыня и оплошь.

Возобновленіе природы,

Она разводишь племена,

Онъ снова надъ врагомъ себѣ побѣдой льстившъ,

Пощеньямъ новымъ предаешся:

Любовь надъ нимъ смѣшся;

И часто за презоръ безумцу псяжко мшшишь.

По многой въ рай доспичь заботъ,

По многихъ подвигахъ и попъ,

Вдругъ срамомъ заклейма свой вѣкъ,

Въ послѣдокъ видишь что, хоть міра онъ оп-

рекса

И въ ангела облекся,

Онъ шопъ же чловѣкъ.

Ты горяща моя мнѣ нравишься умѣя,

И больше всѣхъ любви законы разумѣя,

Не въ правду ли любовь еспъ сильно божество,

Что наше и живиць и множиць существо?

Не въ правду ли въ тебѣ сугубо я дыхаю,

А безъ тебѣ какъ цвѣтъ безъ влаги изсыхаю?

Что въ опрасляхъ моихъ, посредствомъ я тебѣ,

Многообразно самъ дѣлюся на себя?

Ты зеркало меня сугубяще опсвѣшомъ;

Я въ сердцѣ зрюсь швоемъ любовію согрѣшомъ;

И въ дѣшяхъ зрюсь моихъ;

Ты зришься во мнѣ, и зришься шакъ же въ нихъ:

Мы многіе одно; насъ шажь соединяешь

Любовь, кошора насъ на многихъ раздѣляешь.

Вопь шайншво любви, превыше смершныхъ

мочь,

Законь, чпо помнишь шы и исполняешь вшочь.

Ты вся сама любовь, и словомъ шы и дѣломъ

Душей любовь и шѣломъ;

Ты вся любовь.

Полюбишь на шебя кшо взглянешь;

Коль говоришь съ шобою штанешь

Тебя полюбишь вшовь.

Но сколько жару въ шомъ изъ смершныхъ усу-

губишь,

Кого сама полюбишь;

Кому опкроешь шы швоихъ объятій рай;

О прелесни! восшоргъ! и блашь возможныхъ

край!

Увидишь ошь, увидишь ясно,

Коль оно сущешво велико и прекрасно,

Творенья кое въ свѣпъ

Толь красныя, какъ пы, въ ушѣху смершнымъ
шлеть.

Хопя пы нѣжнаго соспава,

Умѣреннымъ прудомъ цвѣпуща пы и здрава,
Движеніемъ бодра;

(Избудь, избудь на вѣкъ болѣзненна одра).

На шѣлѣ, виѣ, прикрась нѣпъ еуешныхъ и брен-
ныхъ;

Но множесшвомъ доброщь безцѣпныхъ

Какъ брачный вся душа украшена черпощь,

Копорою съ небесъ любуешся самъ Богъ.

Дѣянія швои, какъ цѣпъ, взаимъ сомкнушы;

Нѣпъ въ морѣ пущошы, вездѣ его волнат

Такъ заняшы швои минушы;

Вся жизнь швоя полна.

Въ посшемю ляжешь пы, какъ солнце заходяще,

Прекрасна и мила;

Сонъ очи шягопипъ, но полеченье бдяще

Твердишь шебѣ сквозь сонъ велики дня дѣла.

Ты часто швой покой шеряешь,

Другихъ покоипи хопя;

И пробудяся слухъ вперяешь,

Не плачешь ли дитя.

Воспрепенясь какъ голубица

На гласъ его лешинь;

То ока швоего зѣница,

Ты шакъ его хранишь.

Съ постели вспанешь пы; какъ шихая аврора,

Природны кажуща красы,

Величешвенка безъ убора,

По раменамъ швои распущены власы;

Младенець при сосцѣ висящій,

Сосецъ швой жизнь въ него росящій,

Твою сугубишь красону;

И възвышаешь ризъ небрежну просшону.

О сколько пы шогда въ очахъ моихъ прелешна!

Природы дщерь добра виновницы всешсна;

Ушѣюща примѣрь ошъ машери взимаешь,

Сама щедра, сама шпанельница машь.

Ты сядешь за шоломъ, и сонмъ дѣшей какъ

пчелы,

Твоею живостью всё живы, бодры, смѣлы,
 Жужжають вокругъ тебя;

Топь длань къ тебѣ проспря, пишья иль снѣ-
 ди просишь;

На брана горькія топь жалобы приносишь;

Сей хочешь оправдашь слезами же себя;

Безъ палиць судія, безъ скипетра Царица,

Ты судишь подданныхъ спрахъ въ сердць ихъ лія;

И улыбаясь какъ денница,

Мѣшая бурю съ пишиной,

Обиженнаго пы цѣлуешь,

И поцѣлуями пресшупника минуешь;

Онъ каепся, спыда

Исполненный краснѣесть;

Царицынь зракъ погда

Вновь милоспью яснѣесть;

И вдругъ послѣдуешь прощенье за виной.

Торжесшвенный сесприца

Тупь дашь, и брашцы плескъ;

И радости всѣхъ лица

Явяшь великой блескъ.

Всѣ сядушь въ спройномъ чинѣ.

Твой гласъ, безъ грому, шихъ, чело швое безъ
грозъ;

Тогда шы зришься ихъ въ срединѣ,

Какъ бѣлый кринь межъ розъ,

Подъ щедрымъ небомъ кринь распуцій,

Благоуханіе на розъ швоихъ люцій.

Мой взоръ, мой духъ собой и сердце все плѣня,

О Ангель! спражь семьи шы вѣчно для меня

Одна въ подсолнечной красавица, Прелестца,

Машъ испинная чадъ,

Живой испочникъ мнѣ ошрадъ,

Всегда любовница, всегда моя невѣстка.

НА
СПУСКЪ КОРАБЛЯ
СВЯТОСЛАВА.

Успроенна лешапъ по быспринѣ гро-
мада,

Кошору Росская воздвигнула Паллада,

Вдругъ въ Невски падъ спруи, всѣмъ бегомъ
попрысла;

И храбраго вождя въ понпъ имя понесла.

Сколь зрѣлась здѣсь она намъ въ шеснѣи пре-
красна,

Споль будеть среди волнь прошивникамъ ужа-
сна.

Великій Свяпославъ, чпо въ полѣ былъ Герой,

Се ополчаешся для Россовъ въ новый бой;

Приемлеть спрѣлы днесъ гремящаго Перуна,

Спѣшишь геройспвованъ во обласни Непшуна.

Съ почтениемъ его владѣшеть бездны ждешь,
И водъ морскихъ несешь сѣдый ему хребешь.
Возчувспивуюшь враги Россійску въ гнѣвъ си-
лу,
И гордому Нева законъ предпишешь Нилу.

КЪ СЫНУ.

Нелѣпное дитя, распроеннаго мозга,
На коемъ не была ни палица, ни розга;
Копоро въ заперши по нынѣ я держаль,
Лелѣиль, пѣсповаль, любуясь къ сердцу жаль;
Увы, пришли шеперь, пришли минушы слезны,
Въ кошоры я съ побой распанусь, сынъ лю-
безный!

Чшо ты на возрастѣ, шо видно по лицу;
Не знаю будешь ли кормилецъ ты опцу.
Я каюсь, мною ты не слишкомъ ли цѣлованъ,
Ты нѣгою моей, боюся, избалованъ.
Я скудень, самъ собой, ты долженъ хлѣбъ искашь.
Чшо какъ суму тебѣ доспанешся втаскашь?
Ахъ! рухнушь подо мной меня носящи сошки;
Чшо выщель сынъ, пошоль къ сосѣдямъ подъ
окошки.

Ты рюмишь? не шужи дитя мое не плачь,

Терпѣніе въ бѣдахъ есть самый лучший врачъ!

Надежда горести житейски улаждаетъ,

И насъ какъ вѣрный другъ до гроба провождаетъ.

Разсудокъ дилляшко на помощь призови,

И, прежде времени, безъ пользы не реви.

Взглянь въ зеркало шы весь куковякой.

Такъ подаяніе шебѣ радъ сдѣлашь всякой;

Вошь выгода и есть; сума швой будешь кладъ,

Не рѣдко носишь шу и раненой солдакъ.

Таковъ сей свѣтъ: Герой чужь дышетъ въ ла-

заретѣ,

А шрушень за стекломъ кабенится въ каретѣ.

Коль сила есть, хопь глупъ, наймися въ баираки;

И при большихъ мѣснахъ есть люди дураки.

Премногимъ ешесства примѣшный недостапокъ

Нарочно будшо данъ, во щаснія задапокъ.

.

Коль лестно чѣмъ нибудь во свѣтѣ бышь при-
мѣшнымъ;

Дерзай дитя; рождень уродомъ ты все свѣшнымъ.
Лишь въ свѣтѣ покажешься всѣхъ мысли пойдуть
врозь,

Откуда едако чудовище взялось.

Лѣшь задесянь предъ симъ возили великана,
Хопь вполы не былъ онъ съ Великаго Ивана:
Однако, говоряшь, имъ жидь разбогачѣлъ;
О еслибъ мнѣ побой кладь екой въ рошь вле-
шѣлъ!

Гнуснѣе не было Фригійскаго Езопа,

Но нынѣ за него передралась Европа.

Таковъ шо парень былъ; вишь не равень уродъ:

А нынѣ ужь вельми разборчивъ спалъ народъ.

Авось ему швоя покажется личина,

Ты лишь скроенъ кулькомъ, а впрочемъ молодчина.

Ты скажешь, что Езопъ былъ мужъ не безъ ума;

Не хлопочи; и мнѣ Минерва шо Кума,

Брашь крестной Аполлонъ, и Граци и Музы

Не разъ со мной кисель ѳдали и арбузы.

Духъ чуешь прослывешь ты севѳрный Езопъ,
 Хопъ пвой набипъ чужой премудростію зобъ.
 Роспъ малой грамапа подъ солнцемъ покормежна,
 Уродливостъ больша со совершенствомъ смѳжна.
 Не чудоль съ журавля коль выроспепъ куликъ?
 Будь сильно мудръ иль глупъ, малъ очень иль
 великъ.

Поспой, не поропись; что шакъ ты больно
 совокъ?

Незнаешь свѳпскихъ ты еще, мой другъ, уловокъ.
 Свѳпъ лабиринтъ, и въ немъ знашь должно какъ
 ходипъ;

Пушеводипельну въ немъ дамъ тебѳ я нипъ.
 Нещаспливъ пвого безъ ней конецъ похода;
 Невѳжа и уродъ погибнешъ опъ урода.
 Сколь много западныхъ и полныхъ спрахомъ
 мѳспъ!

Хопъ мало исплопись, по Миношавръ и сѳспъ.
 Что вздрогиваешь ты? заранье не пугайся,
 На собспвенну пвою невинностъ полагайся.

Когда она съ побой шы всюду самъ Фезей,
 Ты много наживешь съ сей спушницей друзей.
 Лишь напередъ людей знашь попребно,
 Я нравовъ ихъ шебѣ дамъ зеркало волшебнo.
 Въ карманѣ шы ево иль въ пазухѣ блюди,
 Съ кѣмъ дѣло у шебя, шо вынь и погляди.

Кню съ распроспершьемъ рукъ прихожева
 встречаешь ,

Какъ попугай рѣчьми всѣхъ шѣмижь привѣчаешь;

Иному другъ, шому покорнѣйшій слуга ,

Всѣмъ жезль, подпоръ, засовъ, оглобля и дуга:

Не жди добра отъ сей одушевленной маски,

Не проспираешь ша усердье далѣ ласки;

Сколь много у шебя случипся во ршѣ слюнь,

За двери вышедши перекреспись и плюнь.

Ты у волшебной былъ на епощъ разъ Цирцей,

Чшо даромъ леспныя чипаешь всѣмъ рацей:

Тебѣ соболій мѣхъ, шебѣ кусокъ парчи,

Тебѣ цугъ вороныхъ, въ карешѣ лишь скачи.

Дивись, чшо своего не пошеряль шы виду,

Чшо ша шебя въ злату не преврашила гниду.

Понеже сонмищу посулено всему ;

Всѣхъ шрудно одолжишь, шакъ нѣшу никому.

Кшо начинаешь рѣчь съ коварныя улыбки,

Въ шомъ мысли шакожде къ благошворенью зыбки.

Увидишь, можешь бышь, чшо зубы хороши :

Но не увидишь шущь шы искренней души;

Та въ губы вся ушла и нѣжныя усмѣшки;

Онъ мило говоритъ, но шолько шочишь пѣшки.

Кшо льсшишь предъ вышшими и ласпишся

какъ лесъ,

Увѣрся шощь всегда надъ нижшими Зевесь.

Какъ ушка межъ вельможь поклонами ныря-

ешъ,

Но въ маленькихъ какъ чоршь всѣмъ мечешъ и

швыряешъ ;

Крапиву онъ подъ сихъ, подъ шѣхъ онъ спелешъ

шолкъ,

Невольникъ и пираннъ, лисица вдругъ и волкъ.

Коль чинъ швой маль, къ нему не подшупай,

задавишь ;

Ужь доймешъ все съ шебя, чшо индѣ перебавишь.

Что ропщешь всякой часъ и свѣшь въ сердцахъ

клянешь,

Что добрыхъ въ немъ людей ни полусопни нѣшь,

Всѣ въ беззаконіяхъ, въ порокахъ ушонули,

И съ добродѣтели пакъ какъ съ лучка спрянули;

И Богъ зашѣмъ лишь лишь всѣхъ громомъ по-

разишь,

Чтобъ вмѣстѣ съ грѣшными ево не зашибишь.

Не обинуясь скажи сему святошѣ,

Коль свѣшь сей вправду плохъ, онъ всѣхъ на

свѣшѣ плоше.

Чтобъ были честные вишь онъ зашѣмъ не вѣ-

ришь,

Что по своей душѣ, чужія души мѣришь.

Н А
НАХОДЯЩІЙСЯ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-
ЧЕСТВА САДЪ.

1769 года, Марта 20 дня.

Нашуры предваривъ медлишельны успѣхи,
Искусство сыплешь здѣсь весеннія ушѣхи.
Въ чершюгахъ Царскихъ садъ, полночныхъ въ
нѣдрѣ спрань;
Гдѣ розы, гіацинты, лилеи, маіорань
Цвѣшунь среди зимы, ошь мрза безуронны,
И разливаютьъ духъ повсюду благовоный;
Широколиственны и вѣшвисны древа,
Чѣмъ южныя вдали горящя оспрова,
Неокрапленныя росю зеленѣють;
На сшебляхъ плоды созрѣвшіе желпѣють.
Не смѣешь бурный вѣспрь пряхнушь зеленый
лиспь;

Немолчныхъ соловьевъ лишь раздаеися свистъ,
Сидя на вѣшвяхъ взываюшь громогласно.

Коликой сонмъ упѣхъ! коль зрѣлице прекрасно!

Кудрява ель лѣсовъ и рощей красота,
И гибкихъ рядъ березъ, и кедровъ высота,
Порядочная смѣсь распѣній повсемѣстныхъ,
И обонянiю и зрѣнiю прелестныхъ!

Напрасно чудомъ чли великолѣпный садъ,

Что ты изображалъ въ спруяхъ своихъ Ев-
фрашь,

Веселость гордаго и пышность Вавилона;

Къ намъ пронъ свой пренесла и Флора и
Помона.

Уже родилель буръ полночный хладный край
Драгими дышешь весь приятностями какъ рай;

И древность бы чудесь тогдашнихъ успыди-
лась

Увидѣвши какъ здѣсь напура преродилась!

Ты лавръ, что вѣшви шоль далеко распросперь,

Ты щастiя у насъ цвѣтущаго примѣръ;

— Россiя вся какъ садъ Едемскiй расцвѣшаеть,

И день опъ дня свои плоды приумножаешъ.
Богиня ей и шѣнь и солнце и роса,
Что щедрыя для ней послали небеса.
Гдѣ блещушь свѣшлые лучи Екатерины,
Тамъ шернь единъ падешь, цвѣшушь прекра-
сны крины.

НА МЫЗУ
ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА ГРАФА
ГРИГОРЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧА
О Р Л О В А,

*называемую Лагово, едѣ Императрица
ЕКАТЕРИНА II, въ проѣздѣ свой изъ
Сарскаго Села до Ораніенбурга, кушать
изволила Маія 22 дня.*

Хотя проспранспвомъ малъ, огромень сла-
вой домъ;
Богини онъ въ себѣ Ведичесиво вмѣщаешъ,
Что мещешъ къ намъ лучи, на Турковъ спрахъ
и громъ;
Изъ свѣша гонишъ злоспъ, въ немъ Правду во-
царяешъ.

Н А
ГОРУ ВЪ РОДАХЪ.

Одинажды гора, еспь ека въ свѣспѣ скаска,
Огромна, шолспая, высокая, Кавкаска,
Какимъ шо побопомъ вздурилася родипь;
Срокъ выдешь; въ брюхѣ плодъ не спанешь ужь
Годишъ.

Понеже въ древноспи сіе случилось дальшой,
Не знаю я кшо былъ шупь бабкой повивальной;
До нашей памяши шо шолько добрело,
Чшо гору пучило, коробило, вело;
Точнехонько, у насъ какъ женщины чревапы
Всѣ шѣжь она въ родахъ шерифла перехвапы:
Всей силой пружилась, пускала шомный ревъ;
Ей воздухъ соспональ и шрясса верхъ деревъ.
Окольны жипели изо всея горшани
Гора въ родахъ, гора, кричали безпреспани;
И ждали день и ночь,
Чшо Богъ пожалуешъ ей, сына или дочь:

Иные колыбель заранье припасали,
 И доски ради шой предлинныя шесали;
 Нарочной выспавлень былъ спароспой лубокъ,
 Чшобъ деньги несть на пошь диняши на зубокъ.
 Опъ каждога горы помящяся вздоха
 Въ мирянахъ новая раждалась сумашоха.
 Опъ шѣхъ, чшо были въ нихъ побольше смышлены,
 Догадки разныя къ ихъ пользѣ ведены:
 Понеже на горѣ росъ шернь и земляница,
 Токайской холмъ съ плодомъ въ свѣшъ вышлепъ
роженица;
 Заранье изо рпа имъ сжюни ужъ шекли;
 Варили виноградъ и въ пирогахъ некли;
 Успавивъ имъ сполы вседневно ликовали;
 И всѣ дворцы виномъ за деньги снабдѣвали.
 Иные сторяча догадкой далѣ шли,
 И думали въ горѣ несмѣшной кладъ нашли;
 Родяшся, де, въ горахъ, Алмазы, изумруды;
 Теперь шо мы ужъ ихъ увидимъ цѣлы груды;
 Унижемъ камнями кафшаны, башмаки,
 И сабельны ножны, и конски чапраки;

Вамъ наши дочери, вамъ жоны и невѣски,
Шлепъ складни въ даръ, гора, и перспни и под-
вѣски;

Не видно будепъ намъ, въ Алмазахъ, вашихъ шей,
Ни рукъ ни головы, ни груди ни ушей.

Всѣ двинулись къ горѣ, верхами и пѣшками,
Въ шелегахъ, въ роспускахъ, съ коробками, съ
мѣшками;

Снесли завременно по нѣскольку лопапъ,
Чтобъ общій разгребашъ дѣля по ровну кладъ;
И пѣ что по міру почпи скипались ници,
Насыпапъ чаяли шѣмъ полны голеници.

Добра по еще нѣшъ; а зависпъ родилась;
Слухъ носипся, что чернъ шупъ въ кровь пе-
редралась.

Ужасна пѣсноспа, руки нельзя просунушъ;
Нельзя почпи дышашъ, и словомъ: нѣгдѣ плюнушъ.
Напружся, горушка, и прозьбой убѣдись,
Скоряе, машушка, скоряе разродись!
Мы всѣ тебѣ, повѣрь, кормилица соспраждемъ
И дышашко швоей упробы видѣшъ жаждемъ!

Рѣшишельной гора вздохнувь пускаешъ спонь;
 Ребяпа, Богъ даешъ, диня знашь лѣзешъ вонь!
 Разсѣлася гора: вошь, вошь оно, кричали;
 Другъ друга щаспѣемъ шоль блискимъ привѣ-
 чали.

Вновь зыблешся гора!,, Ребяпа! рычаги!
 Савоська, чшо ты спалъ, скоряе подбѣги!
 Иные бросились опъ радости съ размаху,
 Другіе нѣсколько попяпились опъ спраху;
 Примѣшивши въ горѣ широку очень дверь,
 Ну чшо какъ изъ нея, сказали, выдешъ звѣрь?
 Чшо брашцы, чаешъ? вишь всѣхъ заѣспъ до
 смерши;
 Кшо знаешъ, можешъ бышь пушь заперны и
 черши.

Спрахъ пронялъ, почали убѣжища искашь;
 Не соглашались чершей изъ горъ шаскашь;
 Забыли лесиную родильницы ушробу;
 Готовы опъ бѣды забишъся хопъ въ шрущобу.
 Кшо взлѣзъ на дерево, кшо спряпался въ ка-
 мышь;

Открылась спрашна паспъ; вамишь!, кашишь!

кшо? мышъ.

Увидѣвши дитя, опѣшили ребяпта;

Такъ пы-шо весь нашъ кладъ, сказали, мышъ
прокляпта!

Дородна бабица, огромная гора,

Всечасно мѣсяца спонала съ полшора;

Ужь ждали, ждали мы; анъ чшо спа вышло? крыса

Усаспа, скаредна, премерска, сквѣрна, лыса;

Сказавъ шо, плюнули, и въ дома побрели

Сердяся чшо не кладъ, но крысу обрѣли.

Всякъ выведешъ изъ сей правоученъе сказки

Кшо прочишаль ее не пребуя указки.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СОЧИНЕНІЯМЪ СОДЕРЖАЩИМСЯ ВЪ ТРЕ- ТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

I.	На подносимую Ея Величеству высокую шишу, Великія Екатерины премудрыя машери опечесива 1767 года.	5.
II.	Его Сіашельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову 1769 года.	19.
III.	Его Превосходительству Григорью Александровичу Пошемкину	46.
IV.	Галакціону Ивановичу Силову	52.
V.	Галакціону Ивановичу Силову	73.
VI.	Его Сіашельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову 1772 года. Писано въ Лондонѣ.	87.
VII.	Къ... изъ воинскаго спана подь Дунаемь, 1772 года.	98.
VIII.	Къ.... изъ Лондона	105.
IX.	Къ Великой Государынѣ Екатеринѣ Вшорой Самодержицѣ Всероссійской	120.
X.	Его Сіашельству Графу Петру Александровичу Румянцову. <i>На притѣсненіе Турковъ въ разныхъ городахъ за Дунаемь, и воспослѣдовавшее отъ того заключеніе мира. Писано въ Лондонѣ 1774 года.</i>	168.
XI.	Его Сіашельству Графу Петру Александровичу Румянцову, <i>на прибытіе его изъ-за Дунаю въ Москву по заключеніи мира съ Турками, 1775 года.</i>	225.

- XII. Его Высочеству Цесаревичу, Великому Князю Павлу Петровичу, на кончину супруги Его Великия Княгини Натальи Алексеевны 1776 года. 231.
- XIII. Его Свяшлости Князю Григорью Александровичу Пошемкину 244.
- XIV. Къ Ея Императорскому Величеству Екатеринѣ Вшорой, на вождельнѣйшее прибыше въ Москву, 1785 года Юня 3 дня. 257.
- XV. Къ Ея Императорскому Величеству Екатеринѣ Вшорой Самодержицѣ Всероссійской. При переводѣ Ея, героической поемы П. В. Марона 1786 года. 262.
- XVI. Къ Его Превосходительству Александру Николаевичу Самойлову 281.
- XVII. Къ Его Сяшельству Графу Александру Андреевичу Безбородкѣ 285.
- XVIII. Его Сяшельству Князю Григорью Александровичу Пошемкину. На случай пробы печатной машины 1779 года, Февраля 22 дня 288.
- XIX. Къ Н. Н. 290.
- XX. Смернь моего сына. Марта, 1795 года 300.
- XXI. На Карася 306.
- XXII. Къ Н. Н. 308.
- XXIII. На смернь собачки 309.
- XXIV. Весна 314.
- XXV. На рожденіе дочери 320.
- XXVI. На спускъ корабля Свяшослава 328.

- XXVII. Къ сыну 330.
- XXVIII. На находящійся въ зимнемъ двор-
цѣ Ея Императорскаго Величе-
ства садъ 1769 года, Марша 20
дня. 337.
- XXIX. На мызу Его Сіяшельства Графа
Тригорья Григорьевича Орлова, на-
зываютъ Лагово, гдѣ Императри-
ца Екатерина II, съ проѣздъ свой
изъ Сарскаго Села до Ораниенбау-
ма, кушать изволила. Маія 22 дня 341.
- XXX. На гору въ родахъ 340.
-

ПОГРЪШНОСТИ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Спрок.</i>	<i>Налегатано.</i>	<i>Читай.</i>
28.	4	Успѣшнымъ	Успѣшнымъ.
58.	15	по плѣнну	во плѣнну.
81.	6	лѣнишь	лѣнишь.
110.	14	безграмошной	безграмашной.
212.	9	грамошу	грамашу.
